

СБОРНИКЪ
Учено - Литературнаго
Общества

при

ИМПЕРАТОРСКОМЪ
Юрьевскомъ Университетѣ.

Томъ I.



ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Маттисена.

1898.

Печатано по опредѣленію Учено - Литературнаго Общества при
Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ.

Предсѣдатель Общества: А. Будиловичъ.

Содержаніе.

Отдѣль officialный.

1. Уставъ Общества	VII
2. Свѣдѣнія о возникновеніи Общества и о дѣятельности его за первый годъ существованія	XV
3. Отчетъ о дѣятельности Совѣта Общества	XVIII
4. Извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Общества	XX
5. Отчетъ по кассѣ	XXX
6. Отчетъ о состояніи библиотеки	XXXI
7. Списокъ членовъ Общества къ 27 апрѣля 1898 года	XXXI

Отдѣль научный.

1. Проф. М. Е. Красноженъ. Происхожденіе старо-католичества и IV интернаціональный старо-католическій конгрессъ въ Вѣнѣ	I
2. Проф. А. Н. Ясинскій. Чешское свидѣтельство XIV вѣка о русскомъ металлическомъ производствѣ	51
3. Проф. Е. В. Пѣтуховъ. Лужицкіе Сербы (Лужичане)	61
4. Проф. А. С. Будиловичъ. Нѣсколько замѣчаній о научной постановкѣ славянской исторіи, ея объемѣ, содержаніи и періодахъ	85
5. Проф. А. Н. Ясинскій. Содѣйствіе чеховъ успѣхамъ германизации на берегахъ Балтійскаго моря	125
6. Проф. А. С. Будиловичъ. О причинахъ гибели балтійскаго славянства	145
7. Проф. Е. В. Пѣтуховъ. Эпиграмматическія, сатирическія и шуточные стихотворенія М. В. Ломоносова	159
8. В. Е. Данилевичъ. Пути сообщенія Полоцкой земли до конца XIV столѣтія	167
9. Проф. С. К. Богушевскій. Нѣсколько мыслей о системѣ сельско-хозяйственнаго образованія въ Россіи	185
10. Проф. Н. Н. Бѣлявскій. Рабочіе дома и дома трудолюбія	213

Отдѣль офіціальній.

На основаніи § 29 ВЬСОЧАЙШЕ утвержденнаго
9 Января 1865 г. устава ИМПЕРАТОРСКАГО Дерпт-
скаго, нынѣ Юрьевскаго, Университета.
Утверждаю 4 Марта 1897 года.
Министръ Народнаго Просвѣщенія,
Статсъ-Секретарь: Графъ Де ляновъ.

Уставъ

Учено - Литературнаго Общества при ИМПЕРАТОР- СКОМЪ Юрьевскомъ Университетѣ.

Цѣль Общества.

§ 1.

Общество имѣетъ цѣлю содѣйствовать разработкѣ и распространенію знаній въ области археологій, исторіи, литературы и права и взаимному обмѣну мыслей по вопросамъ, относящимся къ упомянутымъ наукамъ, а равно по тѣмъ отдѣламъ біологій, которые имѣютъ соприкосновеніе съ науками гуманитарными и общественными.

Дѣятельность Общества.

§ 2.

Для достиженія своей цѣли Общество назначаетъ засѣданія для чтенія и обсужденія рефератовъ и сообщеній по соотвѣтствующимъ вопросамъ, заботится, по возможности, объ изданіи своихъ трудовъ, о приобрѣтеніи книгъ, рукописей, разнаго рода коллекцій и т. и., входитъ, какъ внутри ИМПЕРІИ, такъ и за границей, въ сношенія съ другими обществами, преслѣдующими тѣ-же цѣли.

§ 3.

Общество, по мѣрѣ возникающей потребности, по постановленію Общаго Собранія, открываетъ слѣдующія отдѣленія: 1) историко-филологическихъ наукъ, 2) юридическихъ и общественныхъ наукъ и 3) педагогическое. Учено-литературными трудами отдѣленія занимаются, каждое по своей части, самостоятельно, въ остальномъ же дѣйствуютъ лишь въ составѣ всего Общества.

Составъ Общества и управленіе его дѣлами.

§ 4.

Общество состоитъ изъ членовъ почетныхъ, дѣйствительныхъ, членовъ-соревнователей и членовъ-сотрудниковъ.

§ 5.

Въ почетные члены избираются лица, извѣстные своими учеными или литературными трудами, а также важными заслугами по отношенію къ наукамъ, составляющимъ предметъ занятій Общества. Почетные члены избираются въ общемъ собраніи Общества, по предложенію не менѣе трехъ членовъ, посредствомъ закрытой баллотировки, причѣмъ для избранія требуется не менѣе двухъ третей голосовъ. Почетные члены пользуются всѣми правами дѣйствительныхъ и на всегда освобождаются отъ членскаго взноса.

§ 6.

Дѣйствительными членами могутъ быть: 1) лица, состоящія на учебной службѣ въ Университетѣ; въ члены Общества они зачисляются безъ баллотировки, лишь по письменному заявленію предсѣдателю о своемъ желаніи вступить въ члены; 2) прочія лица, занимающіяся входящими въ кругъ занятій Общества науками; они избираются въ члены Общества въ общемъ собраніи, по предложенію трехъ членовъ, посредствомъ закрытой баллотировки, простымъ большинствомъ голосовъ. Дѣйствительные члены уплачиваютъ въ кассу Общества ежегодный денежный взносъ въ размѣрѣ, назначаемомъ на пятилѣтній срокъ общимъ собраніемъ; не уплатившіе взноса въ теченіе двухъ лѣтъ считаются выбывшими изъ числа членовъ. Этотъ ежегодный взносъ можетъ быть замѣненъ единовременнымъ, также назначаемымъ на пятилѣтній срокъ общимъ собраніемъ и освобождающимъ отъ ежегоднаго денежнаго взноса.

§ 7.

Въ члены-соревнователи избираются, по предложенію одного изъ членовъ, посредствомъ закрытой баллотировки простымъ большинствомъ голосовъ, лица, оказавшія Обществу значительныя матеріальныя услуги. Члены-соревнователи присутствуютъ въ собраніяхъ Общества только съ правомъ совѣщательнаго голоса.

§ 8.

Въ члены-сотрудники избираются тѣмъ же порядкомъ и съ тѣми же правами, какъ и члены-соревнователи, лица, принимающія участіе въ дѣятельности Общества своими научными работами.

§ 9.

Члены-соревнователи и члены-сотрудники освобождаются отъ обязательныхъ членскихъ взносовъ.

§ 10.

Управленіе дѣлами Общества принадлежитъ Совѣту, въ составъ котораго входятъ: предсѣдатель Общества, товарищъ предсѣдателя, секретарь, казначей и, кромѣ того, еще три члена по избранію.

Въ случаѣ открытія отдѣленій Общества, въ число упомянутыхъ членовъ входятъ, безъ особаго избранія, предсѣдатели отдѣленій или ихъ товарищи по постановленію отдѣленій. Члены Совѣта избираются изъ числа дѣйствительныхъ и почетныхъ членовъ Общества. Совѣтъ составляетъ постоянную Коммиссію общаго собранія и созывается, по мѣрѣ надобности, предсѣдателемъ Общества, который есть вмѣстѣ съ тѣмъ и предсѣдатель Совѣта.

§ 11.

Къ обязанностямъ Совѣта относятся: а) развитіе дѣятельности Общества по достиженію его цѣли; б) завѣдываніе печатаніемъ трудовъ Общества; в) составленіе смѣты доходовъ и расходовъ на слѣдующій годъ, а также отчета за минувшій; г) сообщеніе Обществу свѣдѣній о кандидатахъ, предлагаемыхъ къ избранію въ члены; д) предварительное разсмотрѣніе, для представленія Обществу со своимъ заключеніемъ, заявленій членовъ по всѣмъ касающимся Общества вопросамъ; е) составленіе списковъ изданій, предположенныхъ къ пріобрѣтенію. Собраніе Совѣта считается законнымъ, когда, кромѣ предсѣдателя или заступающаго его мѣсто члена Совѣта, въ немъ присутствуютъ не менѣе половины остальныхъ его членовъ.

§ 12.

Общее собраніе избираетъ изъ своей среды должностныхъ лицъ: предсѣдателя, его товарища, секретаря, трехъ членовъ Совѣта, казначея и библіотекаря — всѣхъ срокомъ на одинъ годъ. Кандидаты на эти должности (на первыя три изъ лицъ, состоящихъ или состоявшихъ профессорами въ университетѣ) предлагаются по запискамъ членовъ; избраніе каждаго должностнаго лица производится посредствомъ закрытой баллотировки, простымъ большинствомъ голосовъ.

§ 13.

Предсѣдатель созываетъ, открываетъ и закрываетъ собранія Общества, опредѣляетъ очередь предметовъ обсуждения въ нихъ, руководитъ преніями, ставитъ вопросы для голосованія; объявляетъ рѣшенія, принятыя Обществомъ, наблюдаетъ за порядкомъ въ засѣданіяхъ и за исполненіемъ Устава Общества и сносится отъ имени Общества съ правительственными и общественными учрежденіями и частными лицами, причемъ исходящія отъ Общества и подписанныя предсѣдателемъ бумаги скрѣпляются секретаремъ.

§ 14.

Секретарь Общества ведетъ протоколы засѣданій, переписку по текущимъ дѣламъ Общества, составляетъ отчеты, докладываетъ о дѣлахъ, подлежащихъ обсужденію Общества.

§ 15.

Казначей принимаетъ поступающія въ кассу Общества суммы, ведетъ денежные счета по приходо-расходнымъ книгамъ, исполняетъ постановленія Общества объ употребленіи его денежныхъ средствъ, докладываетъ Совѣту о состояніи суммъ.

§ 16.

Библіотекаръ завѣдываетъ библіотекою Общества на основаніи правилъ, составленныхъ Совѣтомъ Общества.

§ 17.

Для провѣрки отчета и для ревизіи кассы и имущества, Общество избираетъ ежегодно изъ своей среды Коммиссію въ составѣ трехъ лицъ. Заключение ревизіонной коммисіи сообщается ею Совѣту, который и доводитъ его до свѣдѣнія Общества съ своимъ заключеніемъ. Отчетъ о дѣятельности Общества ежегодно представляется въ Совѣтъ Университета и, по усмотрѣнію послѣдняго, включается въ общій отчетъ о дѣятельности Университета.

§ 18.

Членами отдѣленій состоятъ безъ особой баллотировки въ сихъ послѣднихъ члены Общества, письменно заявившіе о томъ свое желаніе предсѣдателю Общества.

§ 19.

Каждое отдѣленіе имѣетъ своего предсѣдателя, товарища предсѣдателя и секретаря, избираемыхъ собраніемъ членовъ отдѣленія тѣмъ же порядкомъ и на тѣ же сроки, какъ и соотвѣтствующія должностныя лица Общества. Обязанности предсѣдателя и секретаря отдѣленія относительно отдѣленія тѣ же, что и обязанности предсѣдателя и секретаря Общества относительно Общества.

Засѣданія Общества.

§ 20.

Засѣданія Общества и его отдѣленій бываютъ очередныя и годовичныя.

§ 21.

Годичныя засѣданія, назначаемыя для выслушанія и утвержденія годоваго отчета и смѣты на будущій годъ, а также для избранія должностныхъ лицъ, происходятъ въ годовщину открытія Общества или близкое къ ней время. Годичное засѣданіе отдѣленій для тѣхъ же цѣлей по отношенію къ отдѣленіямъ происходитъ до таковаго же засѣданія Общества.

§ 22.

Сроки очередныхъ засѣданій Общества опредѣляются Совѣтомъ Общества. Въ случаѣ надобности, предсѣдатель можетъ созывать и чрезвычайныя собранія; послѣднія созываются также и по письменному, достаточно мотивированному заявленію о томъ предсѣдателю не менѣе пяти членовъ Общества. Сроки засѣданій въ отдѣленіяхъ опредѣляются собраніемъ должностныхъ лицъ сихъ послѣднихъ; предсѣдатель отдѣленія, въ случаѣ надобности, можетъ созывать, сверхъ очередныхъ засѣданій, и чрезвычайныя.

§ 23.

Засѣданія Общества и отдѣленій бываютъ закрытыя и открытыя. Въ закрытыхъ присутствуютъ одни члены Общества; въ открытыхъ, кромѣ членовъ, могутъ присутствовать и гости, вводимые членами по заявленію о томъ предсѣдателю.

§ 24.

Въ открытыхъ засѣданіяхъ выслушиваются и обсуждаются научные рефераты и сообщенія членовъ Общества или

постороннихъ лицъ. Эти засѣданія дѣйствительны при всякомъ числѣ явившихся членовъ Общества.

§ 25.

Лицами, не состоящими членами Общества, рефераты и сообщенія читаются лишь съ предварительнаго разрѣшенія Совѣта, который, если признаетъ нужнымъ, можетъ потребовать представленія полного текста предполагаемаго чтенія. Въ отдѣленіяхъ рефераты читаются такими лицами съ разрѣшенія предсѣдателя по принадлежности, на основаніи представленной ему программы.

§ 26.

Въ закрытыхъ засѣданіяхъ, кромѣ чтенія рефератовъ и сообщеній, разрѣшаются вопросы объ изданіи трудовъ, представляемыхъ въ Общество, избираются члены Общества или отдѣленія, обсуждаются и рѣшаются важнѣйшія текущія дѣла. Для дѣйствительности закрытыхъ засѣданій необходимо присутствіе одной трети членовъ, находящихся въ г. Юрьевѣ. Въ случаѣ неявки таковаго числа членовъ, созывается вторичное засѣданіе, которое дѣйствительно при всякомъ числѣ явившихся членовъ, и на которомъ могутъ быть обсуждаемы и рѣшаемы лишь вопросы, подлежавшіе разсмотрѣнію на первомъ (не состоявшемся) засѣданіи. Ходатайство объ измѣненіи устава Общества можетъ быть возбуждаемо лишь по постановленію общаго собранія, на которомъ присутствовало не менѣе двухъ третей всѣхъ членовъ Общества, проживающихъ въ г. Юрьевѣ, и только въ томъ случаѣ, когда на это ходатайство выражено согласіе двухъ третей присутствовавшихъ въ засѣданіи членовъ.

§ 27.

Дѣла въ засѣданіяхъ рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ, за исключеніемъ случаевъ, указанныхъ въ §§ 26 и 36. Въ дѣлахъ, рѣшаемыхъ закрытымъ голосованіемъ, отсутствующіе члены могутъ передавать свои голоса другимъ членамъ, причемъ однако послѣдніе могутъ располагать, кромѣ своего, только однимъ голосомъ; о таковой передачѣ передающимъ голосъ доводится письменно до свѣдѣнія предсѣдателя съ обозначеніемъ лица, которому голосъ передается. Закрытое голосованіе, кромѣ случаевъ, указанныхъ въ §§ 12

и 30, употребляется и при рѣшеніи прочихъ дѣлъ, когда того потребуютъ не менѣе пяти членовъ Общества, присутствующихъ въ засѣданіи.

§ 28.

Всѣ члены Общества и посторонніе посѣтители обязаны соблюдать уставъ Общества и подчиняться согласнымъ съ уставомъ постановленіямъ собраній и распоряженіямъ предсѣдателя, которому, въ случаѣ отказа подчиняться законнымъ его требованіямъ, предоставляется лишать ихъ права голоса въ собраніи.

Издательская дѣтельность Общества.

§ 29.

Редакція протоколовъ для печати возлагается на секретарей Общества и отдѣленій по принадлежности и утверждается Совѣтомъ Общества. Труды Общества, а равно изданія памятниковъ и другихъ научныхъ матеріаловъ и переводы относящихся къ кругу дѣтельности Общества научныхъ сочиненій, могутъ выходить, въ видѣ отдѣльныхъ книгъ, брошюръ и безсрочныхъ сборниковъ. Съ авторами трудовъ, издаваемыхъ Обществомъ, послѣднее можетъ входить въ соглашеніе о вознагражденіи ихъ отдѣльными отписками.

§ 30.

Вопросъ о допущеніи къ печати на средства Общества и отъ его имени рѣшается относительно каждаго труда посредствомъ закрытаго голосованія въ общемъ собраніи простымъ большинствомъ голосовъ, причемъ однако общее собраніе можетъ передавать свои права въ этомъ отношеніи Совѣту Общества или особой издательской Коммиссіи.

Права и средства Общества.

§ 31.

Труды Общества выходятъ безъ предварительной цензуры, на выпускъ же въ свѣтъ отдѣльнаго повременнаго изданія Обществомъ должно быть испрошено разрѣшеніе подлежащей власти.

§ 32.

Общество имѣетъ свою печать и печатныя бланки для

письменныхъ сношеній съ надписью: „Учено-Литературное Общество при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Юрьевскомъ Университетѣ“.

§ 33.

Средства Общества составляютъ: изъ членскихъ взносовъ, изъ субсидій Университета, если послѣдній признаетъ возможнымъ разрѣшить таковыя; изъ добровольныхъ пожертвованій; изъ суммъ, выручаемыхъ отъ продажи изданій Общества; изъ сбора за публичныя лекціи, читаемыя въ его пользу.

§ 34.

Суммы, поступающія въ Общество, принимаются казначеемъ, при чемъ текущія суммы свыше пятидесяти рублей вносятся на текущій счетъ въ указанное для сего Совѣтомъ кредитное учрежденіе, а капиталы, по мѣрѣ надобности, обращаются въ правительственныя или гарантированныя Правительствомъ процентныя бумаги и вносятся на храненіе въ сберегательную кассу или отдѣленіе Государственнаго Банка.

§ 35.

ИМПЕРАТОРСКІЙ Юрьевскій Университетъ даетъ у себя помѣщеніе для засѣданій Общества, а по мѣрѣ возможности и для его библіотеки и другихъ коллекцій, при чемъ въ этомъ случаѣ Общество обязуется подчиняться всѣмъ законнымъ требованіямъ университетскаго начальства.

Закрытіе Общества.

§ 36.

Для постановленія о закрытіи Общества требуется согласіе не менѣе двухъ третей всѣхъ его членовъ. Въ случаѣ закрытія Общества, все его имущество поступаетъ въ собственность ИМПЕРАТОРСКАГО Юрьевскаго Университета.

Директоръ Департамента Народнаго Просвѣщенія:

В. Латышевъ.

Дѣлопроизводитель: И. Дмитревскій.

Свѣдѣнія

**о возникновеніи Общества и о дѣятельности его
за первый годъ существованія.**

Мысль объ учрежденіи при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ Ученого Общества возникла среди нѣкоторыхъ профессоровъ Университета, представившихъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1896 года въ Совѣтъ Университета проектъ Устава Учено-Литературнаго Общества при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ, съ просьбою подвергнуть этотъ проектъ разсмотрѣнію и, въ случаѣ одобренія, ходатайствовать предъ высшимъ начальствомъ объ учрежденіи Учено-Литературнаго Общества при Университетѣ.

Для обсужденія представленнаго проекта, на основаніи состоявшагося въ томъ же мартѣ мѣсяцѣ постановленія Совѣта Юрьевского Университета, образована была Комиссія, которая, разсмотрѣвъ въ засѣданіяхъ 24-го и 25-го апрѣля проектъ Устава, сдѣлала въ немъ нѣкоторыя измѣненія и дополненія.

Между прочимъ, комиссія нашла цѣлесообразнымъ расширить дѣятельность Общества, включивъ въ кругъ его зачатіи тѣ отдѣлы біологіи, которые имѣютъ соприкосновеніе съ науками гуманитарными и общественными.

Въ засѣданіи 24 мая 1896 года разсмотрѣнный и переработанный Комиссіею проектъ Устава вновь былъ обсужденъ Совѣтомъ Университета, постановившимъ представить этотъ проектъ на утверженіе г. Министра Народнаго Просвѣщенія. 4 марта 1897 года Уставъ Учено-Литературнаго Общества при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія былъ утвержденъ.

Затѣмъ, печатные экземпляры Устава Общества разосланы были г. Ректоромъ Университета всѣмъ лицамъ, состоящимъ на учебной службѣ въ Юрьевскомъ Университетѣ для ознакомленія. 27 апрѣля 1897 года состоялось первое общее собраніе, на которое были приглашены г. Ректоромъ гг. профессеры и преподаватели Юрьевского Университета, пожелавшіе вступить въ число членовъ новаго Общества.

Г. Ректоръ предложилъ собранію приступить прежде всего къ избранію должностныхъ лицъ Общества. Избраніе происходило указаннымъ въ Уставѣ образомъ.

Избранными оказались:

Предсѣдателемъ Общества—Ректоръ Императорскаго Юрьевскаго Университета — А. С. Будиловичъ.

Товарищемъ его—профессоръ того же Университета Е. В. Пѣтуховъ.

Секретаремъ — профессоръ того же Университета М. Е. Красноженъ.

Казначеемъ — профессоръ того же Университета С. К. Богусевскій.

Членами Совѣта Общества: профессеры того же Университета В. Г. Алексѣевъ, А. В. Никитскій и лекторъ Университета С. И. Роше.

Библіотекаремъ — профессоръ того же Университета А. Ф. Зачинскій.

Кромѣ перваго общаго собранія 27 апрѣля 1897 года, Общество въ отчетномъ 1897—98 г. имѣло 6 закрытыхъ засѣданій, въ которыхъ присутствовали, на основаніи § 23 Уст. Общ., одни члены Общества; засѣданія эти происходили 23 октября и 19 декабря 1897 г., 29 января, 5, 26 марта и 16 апрѣля 1898 г. Въ закрытыхъ засѣданіяхъ избирались указаннымъ въ § 6 Уст. Общ. порядкомъ члены Общества, а также обсуждались и рѣшались важнѣйшія текущія дѣла (о печатаніи трудовъ Общества, о вышскѣ книгъ въ бібліотеку Общества и т. п.).

Открытыхъ засѣданій Общества въ отчетномъ году было 9, а именно: 23 октября, 20 ноября, 19 декабря 1897 г.; 29 января, 19 февраля, 5 и 26 марта, 16 и 24 апрѣля 1898 г.

Въ открытыхъ засѣданіяхъ выслушивались и обсуждались научные рефераты и сообщенія гг. членовъ Общества. Всѣхъ рефератовъ на указанныхъ засѣданіяхъ было прочитано 14, а именно :

1897 г. октября 23-го — А. С. Будиловичемъ: „Возможна ли разработка славянской исторіи, какъ самостоятельной науки?“

М. Е. Красноженомъ: „По поводу 359 ст. проекта новаго Уголовнаго Уложенія.“

20-го ноября — А. Н. Ясинскимъ: „Содѣйствіе чеховъ дѣлу германизации балтійскаго побережья.“

Е. В. Пѣтуховымъ: „Поѣздка къ Лужичанамъ (Spreewald).“

19-го декабря — М. Е. Красноженомъ: „Происхождение старо-католичества и IV интернаціональный старо-католическій конгрессъ въ Вѣнѣ.“

1898 г. 29 января — С. И. Роше: „О новѣйшихъ изслѣдованіяхъ по національной литературѣ Франціи IX—XII вв. и объ общемъ значеніи относящихся сюда произведеній.“

А. Н. Ясинскимъ: „Чешское извѣстіе XIV в. о русскомъ металлическомъ производствѣ.“

19-го февраля — А. Н. Ясинскимъ: „О храненіи и заселеніи степной окраины Московскаго Государства въ концѣ XVI и началѣ XVII вв.“

В. Е. Данилевичемъ: О сочиненіи Ляскоронскаго: „Исторія Переяславльскаго края до половины XIII в. Кіевъ 1897“.

5-го марта — А. С. Кривцовымъ: „Объ абстрактныхъ и матеріальныхъ обязательствахъ“.

26-го марта — М. Н. Крашенинниковымъ: „Античный баронъ Мюнхгаузенъ (Лукіанъ, Verae Historiae).“

16-го апрѣля — С. К. Богушевскимъ: „Мысли о низшемъ сельско-хозяйственномъ образованіи въ Россіи.“

24-го апрѣля — А. С. Невзоровымъ: „Изъ прошлаго Петербурга, какъ торговаго пункта“.

А. В. Никитскимъ: „Замѣтки по географіи древней Греціи“.

Изъ означенныхъ рефератовъ 13 принадлежатъ профессорамъ и преподавателямъ Университета.

Всѣхъ членовъ Общества къ концу отчетнаго года, т. е. къ 27 апрѣля 1898 г., состоитъ 57; всѣ они дѣйствительные члены; въ томъ числѣ лицъ, находящихся на учебной службѣ въ Университетѣ, 39, прочихъ лицъ 18; живущихъ въ городѣ Юрьевѣ 55.

Наиболѣе достойнымъ вниманія является постановленіе Общества — ознаменовать первый годъ дѣятельности Общества изданіемъ перваго тома Сборника (см. извлеч. изъ протокола засѣданія 29 января 1898 г.).

Отчетъ

о дѣятельности Совѣта Общества *).

Совѣтъ Общества имѣлъ 8 собраний, а именно 2 мая, 13 октября 1897 г.; 24 января, 4 и 8 февраля, 21 марта, 9 и 21 апрѣля 1898 г.

Занятія Совѣта заключались въ слѣдующемъ:

I. Совѣтъ сообщалъ Обществу свѣдѣнія о кандидатахъ, предлагаемыхъ къ избранію въ члены Общества; большая часть этихъ кандидатовъ заявляла свое желаніе вступить въ члены Общества черезъ кого-либо изъ членовъ Совѣта.

II. Обсуждалъ вопросы о времени созванія засѣданій Общества.

III. Озабочиваясь развитіемъ дѣятельности Общества, Совѣтъ принималъ мѣры къ извѣщенію путемъ печати и особыхъ увѣдомленій различныхъ ученыхъ учрежденій и отдѣльныхъ лицъ объ открытіи Общества, о его цѣляхъ и о способахъ достиженія этихъ цѣлей **).

*) Совѣтъ Общества состоялъ изъ 7 лицъ (см. стр. XVI).

**) №№ исходящихъ бумагъ въ отчетномъ году было 145.

IV. Въ видахъ увеличенія средствъ Общества, Совѣтъ обращался съ ходатайствомъ къ Совѣту Юрьевскаго Университета о назначеніи ежегодной субсидіи изъ специальныхъ средствъ Университета. Правленіе отнеслось къ этой просьбѣ весьма сочувственно и оказало Обществу важную матеріальную поддержку, назначивъ ему пособіе въ размѣрѣ 150 руб. на 1897 годъ и 300 руб. на 1898 годъ.

V. Совѣтъ дѣлалъ представленія Обществу о книгахъ, предполагаемыхъ къ приобрѣтенію для библіотеки Общества, выработалъ правила о храненіи денежныхъ суммъ Общества и вообще принималъ мѣры для правильнаго веденія дѣлопроизводства.

VI. Наконецъ, дѣятельность Совѣта состояла въ исполненіи даннаго ему въ засѣданіи 29 января 1898 г. порученія относительно напечатанія трудовъ Общества, при чемъ редакція была поручена проф. Е. В. Пѣтухову. Вопросъ о печатаніи на средства Общества рѣшался относительно каждаго труда посредствомъ закрытаго голосованія въ засѣданіяхъ Совѣта (на основ. § 30 Уст. Общ.).

Учено-Литературное Общество въ первый годъ своего существованія встрѣтило горячее сочувствіе не только среди гг. профессоровъ и преподавателей Университета, но и вообще среди образованнаго русскаго общества г. Юрева. Въ теченіи отчетнаго года Общество имѣло 6 закрытыхъ и 9 открытыхъ засѣданій, на которыхъ доложено было 14 рефератовъ. Въ теченіи одного года оно приобрѣло 57 членовъ. Въ открытыхъ засѣданіяхъ Общества, кромѣ его членовъ, присутствовало и много гостей.

Извлеченія

изъ протоколовъ засѣданій Общества *).

Засѣданіе

27 апрѣля 1897 года.

27 апрѣля 1897 года состоялось въ залѣ Совѣта Юрьевскаго Университета первое засѣданіе вновь учрежденнаго Учено-Литературнаго Общества при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ.

Въ засѣданіи присутствовали тѣ изъ преподавателей Юрьевскаго Университета, которые изъявили желаніе быть членами означеннаго Общества, каковыми, по § 6-му Устава Общества, они могутъ быть, въ силу своей принадлежности къ преподавательскому персоналу Университета, безъ баллотировки, лишь по письменному заявленію о своемъ желаніи вступить въ члены Общества.

Лицъ, вступившихъ такимъ образомъ въ число членовъ Общества, оказалось 34: Ректоръ Университета А. С. Будилевичъ, профессоръ православнаго богословія протоіерей А. С. Царевскій, профессора Университета: В. Г. Алексѣевъ, Н. И. Андрусовъ, В. А. Афанасьевъ, С. К. Богушевскій, С. М. Васильевъ, М. И. Дружининъ, М. А. Дьяконовъ, А. Ф. Зачинскій, А. С. Игнатовскій, И. Л. Кондаковъ, М. Е. Красноженъ, А. С. Кривцовъ, Н. И. Кузнецовъ, Ф. Ю. Левинсонъ-Лессингъ, Г. В. Левпцкій, А. Н. Миклашевскій, А. С. Невзоровъ, В. М. Нечаевъ, А. В. Никитскій, Я. Ф. Озе, Е. В. Пѣтуховъ, А. И. Садовскій, Б. И. Срезневскій, Н. К. Чермакъ, В. Ф. Чижъ, Е. Ф. Шмурло, А. Н. Ясинскій; доценты: В. Э. Грабарь, А. М. Придикъ, приватъ-доценты: Я. И. Лаутенбахъ, А. И. Томсонъ и лекторъ С. И. Роше.

*) На основаніи § 23-го Устава Общества, засѣданія Общества бывають закрытыя и открытыя. Въ закрытыхъ присутствуютъ одни члены Общества; въ открытыхъ, кромѣ членовъ, могутъ присутствовать и гости, вводимые членами, по заявленіи о томъ Предсѣдателю.

Засѣданіе было открыто г. Ректоромъ Университета, по предложенію котораго было приступлено къ избранію должностныхъ лицъ *), согласно § 10-му Уст. Общ. Избраніе происходило по указанному въ § 12-омъ способу. Собраніемъ былъ установленъ размѣръ членскаго взноса на ближайшее пятилѣтіе: ежегодный денежный взносъ для дѣйствительныхъ членовъ Общества опредѣленъ въ размѣръ трехъ рублей; единовременный (пожизненный) — въ размѣръ пятидесяти рублей.

Засѣданія

23 октября 1897 года.

Въ засѣданіяхъ присутствовали члены Общества гг. В. Г. Алексѣевъ, В. А. Афанасьевъ, С. К. Богушевскій, А. С. Будиловичъ, А. Ф. Зачинскій, М. Е. Красноженъ, А. С. Кривцовъ, В. П. Курчинскій, Я. И. Лаутенбахъ, Г. В. Левицкій, В. К. Мальмбергъ, А. С. Невзоровъ, Б. И. Срезневскій, А. С. Царевскій, Н. К. Чермакъ и А. Н. Ясинскій.

I. Въ закрытомъ засѣданіи Общества избраны посредствомъ закрытой баллотировки (на основ. § 6 Устава Общества) въ дѣйствительные члены Общества слѣдующія лица: протоіерей церкви при Императорскомъ Россійскомъ посольствѣ въ Вѣнѣ А. В. Николаевскій, жена профессора Л. С. Богушевская; преподаватели Юрьевской классической гимназіи Н. П. Знаменскій, А. П. Павловъ, В. В. Петровъ; доцентъ Ветеринарнаго Института Н. А. Александровъ; учительница Маріинскаго женскаго училища М. А. Янковичъ; учитель Юрьевской Учительской Семинаріи (нынѣ инспекторъ народныхъ училищъ) И. Л. Шаталовъ; преподаватели Юрьевского реальнаго училища В. Е. Данилевичъ и Е. А. Черноусовъ.

Вступили въ число членовъ Общества (на осн. § 6-го Уст. Общ.), безъ баллотировки, профессора Императорскаго Юрьевскаго Университета: В. П. Курчинскій, В. К. Мальмбергъ и доцентъ (нынѣ профессоръ) того же Университета Н. Н. Бѣлявскій.

II. Въ открытомъ засѣданіи Общества предсѣдатель Общества А. С. Будиловичъ сдѣлалъ сообщеніе на тему:

*) Лица эти поименованы выше (см. стр. XVI).

„Возможна-ли разработка славянской исторіи, какъ самостоятельной науки?“ (Сообщеніе это напечатано въ настоящемъ томѣ Сборника цѣликомъ.)

Въ томъ же засѣданіи членъ Общества М. Е. Красноженъ сдѣлалъ сообщеніе: „По поводу 359 статьи проекта новаго Уголовнаго Уложенія“.

Референтъ, сообщивъ краткія историческія данныя относительно наказанія за супружескую невѣрность и указавъ на нынѣ дѣйствующее законодательство (ст. 1585 Уложенія о Нак.), обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что составители проекта новаго Уголовнаго Уложенія, признавъ нарушеніе супружеской вѣрности дѣяніемъ наказуемымъ, положили за это преступленіе наказаніе — по ст. 359, арестъ (согласно ст. 18 проекта) отъ одного дня до шести мѣсяцевъ, — не удовлетворяющее ни одной изъ тѣхъ цѣлей, которыя можетъ преслѣдовать наказаніе. Ничего не имѣя возразить даже противъ того, если-бы составители проекта новаго Уголовнаго Уложенія, считая нарушеніе супружеской вѣрности такимъ преступленіемъ, которое нарушаетъ лишь интересы частныхъ лицъ, совершенно исключили его изъ числа наказуемыхъ проступковъ, референтъ отмѣтилъ тотъ фактъ, что назначенное въ 359 ст. проекта Уголовнаго Уложенія наказаніе не можетъ удовлетворить обиженнаго, никого не устрашаетъ и никого не исправляетъ.

Засѣданіе

20 ноября 1897 года.

Въ засѣданіи присутствовали члены Общества гг. В. Г. Алексѣевъ, В. А. Афанасьевъ, С. К. Богушевскій, А. С. Будиловичъ, В. Е. Данилевичъ, А. Ф. Зачинскій, Н. Я. Киприановичъ, И. Л. Кондаковъ, М. Е. Красноженъ, А. С. Кривцовъ, В. П. Курчинскій, А. С. Невзоровъ, А. В. Никитскій, Я. Ф. Озе, Е. В. Пѣтуховъ, С. И. Роше, А. И. Томсонъ, Е. А. Черноусовъ, И. Л. Шаталовъ, Е. Ф. Шмурло, М. А. Янковичъ и А. Н. Ясинскій.

Членъ Общества А. Н. Ясинскій сдѣлалъ сообщеніе на тему: „Содѣйствіе чеховъ дѣлу германизации балтійскаго побережья“. (Сообщеніе это напечатано въ настоящемъ томѣ Сборника цѣликомъ.)

Въ томъ же засѣданіи членъ Общества Е. В. Пѣтуховъ

сдѣлалъ сообщеніе на тему: „Поѣздка къ Лужичанамъ-Spreewald“. (Сообщеніе это тоже напечатано въ настоящемъ томѣ цѣлкомъ.)

По поводу обоихъ сообщеній сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній Предсѣдатель Общества А. С. Будиловичъ.

Засѣданія

19 декабря 1897 года.

Въ засѣданіяхъ присутствовали члены Общества гг. Н. А. Александровъ, В. Г. Алексѣевъ, В. А. Афанасьевъ, Л. С. Богушевская, С. К. Богушевскій, А. С. Будиловичъ, Н. Н. Бѣлявскій, В. Е. Данилевичъ, М. И. Дружининъ, А. Ф. Зачинскій, П. Л. Кондаковъ, М. Е. Красноженъ, В. П. Курчинскій, А. С. Невзоровъ, Е. В. Пѣтуховъ, С. П. Роше, Б. И. Срезневскій, А. С. Царевскій, П. Л. Шаталовъ и А. Н. Ясинскій.

I. Въ закрытомъ засѣданіи Общества избранъ посредствомъ закрытой баллотировки (на основ. § 6-го Устава Общества) дѣйствительнымъ членомъ Общества Директоръ Юрьевской классической Гимназіи Н. И. Ивановъ.

II. Въ открытомъ засѣданіи Общества Секретарь Общества М. Е. Красноженъ сдѣлалъ сообщеніе на тему: „Происхожденіе старокатоличества и IV интернациональный старокатолическій конгрессъ въ Вѣнѣ“. (Сообщеніе это напечатано въ настоящемъ томѣ Сборника цѣлкомъ.)

Въ преніяхъ по поводу сообщенія г. Красножена приняли участіе гг.: Будиловичъ, Курчинскій, Невзоровъ, Пѣтуховъ, Срезневскій и Ясинскій.

Засѣданія

29 января 1898 года.

Въ засѣданіяхъ присутствовали члены Общества гг. Н. А. Александровъ, В. Г. Алексѣевъ, Л. С. Богушевская, С. К. Богушевскій, А. С. Будиловичъ, В. Е. Данилевичъ, М. И. Дружининъ, Н. И. Ивановъ, В. П. Курчинскій, А. В. Невзоровъ, А. В. Никитскій, Е. В. Пѣтуховъ, С. И. Роше, А. С. Царевскій, Е. А. Черноусовъ, М. А. Янковичъ и А. Н. Ясинскій.

I. Въ закрытомъ засѣданіи Общества избраны посредствомъ закрытой баллотировки (на основ. § 6-го Общества) дѣйствительными членами Общества: инспекторъ народныхъ училищъ Е. А. Гравитъ и преподаватель Юрьевской классической Гимназіи Н. А. Скрябинъ.

По поводу предложенія Совѣта о напечатаніи трудовъ Учено - Литературнаго Общества, по составленной проф. Е. В. Пѣтуховымъ программѣ, собраніе постановило передать (на основ. § 30-го Уст. Общ.) принадлежащія ему въ этомъ отношеніи права Совѣту Общества, при чемъ высказало пожеланіе, чтобы, при выборѣ статей для печати, было отдаваемо преимущество прочитаннымъ въ засѣданіяхъ Общества рефератамъ передъ статьями, въ засѣданіяхъ Общества не прочитанными, и самостоятельнымъ статьямъ передъ переводами. Собраніе постановило выписать для бібліотеки Общества Энциклопедическій словарь Брокгауза и Эфрона.

II. Въ открытомъ засѣданіи Общества дѣйствительнымъ членомъ Общества С. И. Роше сдѣлано было сообщеніе на тему: „О новѣйшихъ изслѣдованіяхъ по національной литературѣ Франціи IX — XII вв. и объ общемъ значеніи относящихся сюда произведеній.“ Въ преніяхъ по поводу сообщенія г. Роше приняли участіе гг. Будиловичъ и Ясинскій.

Въ томъ же засѣданіи членъ Общества А. Н. Ясинскій сдѣлалъ сообщеніе на тему: „Чешское извѣстіе XIV в. о русскомъ металлическомъ производствѣ.“ (Сообщеніе это напечатано въ настоящемъ томѣ Сборника цѣликомъ.)

Засѣданіе

19 февраля 1898 года.

Въ засѣданіи присутствовали члены Общества гг. Н. А. Александровъ, Л. С. Богушевская, С. К. Богушевскій, А. С. Будиловичъ, Н. Н. Бѣлявскій, В. Е. Данилевичъ, А. Ф. Зачинскій, Н. И. Ивановъ, А. С. Игнатовскій, М. Е. Красноженъ, В. П. Курчинскій, Г. В. Левицкій, В. К. Мальбергъ, А. С. Невзоровъ, А. В. Никитскій, Е. В. Пѣтуховъ, С. И. Роше, А. С. Царевскій, Е. А. Черноусовъ и А. Н. Ясинскій.

Членъ Общества А. Н. Ясинскій сдѣлалъ сообщеніе на тему: „Объ охраненіи и заселеніи степной окраины Московскаго Государства въ концѣ XVI и началѣ XVII вв.“

Въ томъ же засѣданіи членъ Общества В. Е. Даниле-

вичъ сдѣлалъ сообщеніе: „О сочиненіи г. Ляскоронскаго: Исторія Переяславльскои земли съ древнѣйшихъ временъ до половины XIII столѣтія. Кіевъ 1897 г.“

По сообщенію г. Данилевича, сочиненіе г. Ляскоронскаго состоитъ изъ 8 главъ и введенія. Авторъ, видимо, отнесся весьма добросовѣстно къ своей задачѣ и сообщаетъ даже кое-какія новыя данныя по исторической географіи и археологіи Переяславльскаго княжества, до сихъ поръ не появлявшіяся въ печати. Къ сожалѣнію, эти новыя данныя, какъ и все относящееся къ Переяславльскому княжеству, затериваются въ массѣ такихъ подробностей, которыя ничего общаго съ Переяславльскимъ княжествомъ не имѣютъ. Вообще, авторъ недостаточно рельефно выдвинулъ особенности въ исторіи и бытѣ изслѣдуемой имъ территоріи. Кромѣ того, замѣчаются недостатокъ въ планѣ и нѣкоторая путанность терминовъ. Въ заключеніе, можно высказать пожеланіе, чтобы авторъ нѣсколько сократилъ и переработалъ свой очеркъ.

Засѣданія

5 марта 1898 года.

Въ засѣданіяхъ присутствовали члены Общества гг. В. Г. Алексѣевъ, Л. С. Богушевская, С. К. Богушевскій, А. С. Будиловичъ, Н. Н. Бѣлявскій, В. Е. Данилевичъ, Н. И. Ивановъ, М. Е. Красноженъ, М. Н. Крашенинниковъ, А. С. Кривцовъ, А. С. Невзоровъ, А. В. Никитскій, Е. В. Пѣтуховъ, С. И. Роше и А. Н. Ясинскій.

I. Въ закрытомъ засѣданіи Общества избранъ посредствомъ закрытой баллотировки (на основ. § 6-го Уст. Общ.) дѣйствительнымъ членомъ Общества преподаватель Юрьевской Учительской Семинаріи М. Н. Столяровъ.

Вступили въ число членовъ Общества (на основ. § 6-го Уст. Общ.) безъ баллотировки: профессора Императорскаго Юрьевскаго Университета М. Н. Крашенинниковъ и С. I. Чирвинскій.

II. Въ открытомъ засѣданіи Общества членомъ Общества А. С. Кривцовымъ сдѣлано было сообщеніе на тему: „Объ абстрактныхъ и матеріальныхъ обязательствахъ.“

Въ преніяхъ приняли участіе гг. М. Е. Красноженъ и А. С. Невзоровъ.

Засѣданія

26 марта 1898 года.

Въ засѣданіяхъ присутствовали члены Общества гг. В. Г. Алексѣевъ, В. А. Афанасьевъ, Л. С. Богушевская, С. К. Богушевскій, А. С. Будиловичъ, Е. А. Гравитъ, В. Е. Данилевичъ, А. Ф. Зачинскій, Н. И. Ивановъ, И. Л. Кондаковъ, М. Е. Красноженъ, А. С. Кривцовъ, В. К. Мальмбергъ, А. С. Невзоровъ, А. В. Никитскій, Е. В. Пѣтуховъ, С. И. Роше, Б. И. Срезневокии, Н. А. Скрябинъ, М. Н. Столяровъ, А. И. Томсонъ, А. С. Царевскій, Е. А. Черноусовъ, М. А. Янковичъ и А. Н. Ясинскій.

I. Въ закрытомъ засѣданіи Общества избраны въ дѣйствительные члены Общества посредствомъ закрытой баллотировки (на основ. § 6-го Уст. Общ.) директоръ частной Гимназіи въ городѣ Юрьевѣ Г. Л. Трефнеръ, инспекторъ Городскаго Училища М. А. Ганзеръ, инспекторъ Реальнаго Училища В. О. Занцъ и жена профессора В. В. Кривцова.

II. Въ открытомъ засѣданіи Общества членомъ Общества М. Н. Крашенинниковымъ сдѣлано было сообщеніе на тему: „Античный баронъ Мюнхгаузенъ (Лукіанъ, *Veræ historiae*).“

Замѣчанія по поводу сообщенія сдѣланы были гг. А. В. Никитскимъ и М. Н. Столяровымъ.

Засѣданія

16 апрѣля 1898 года.

Въ засѣданіяхъ присутствовали члены Общества гг. В. Г. Алексѣевъ, Л. С. Богушевская, С. К. Богушевскій, А. С. Будиловичъ, Е. А. Гравитъ, В. Е. Данилевичъ, А. Ф. Зачинскій, А. С. Игнатовскій, В. В. Кривцова, А. С. Кривцовъ, М. Н. Крашенинниковъ, Я. И. Лаутенбахъ, В. К. Мальмбергъ, А. С. Невзоровъ, А. В. Никитскій, Е. В. Пѣтуховъ, С. И. Роше, Н. А. Скрябинъ, Б. И. Срезневскій, М. Н. Столяровъ, А. И. Томсонъ, Г. Л. Трефнеръ, М. А. Янковичъ и А. Н. Ясинскій.

I. Въ закрытомъ засѣданіи Общества, на основаніи § 17 Уст. Общ., избрана закрытою баллотировкою Комиссія для провѣрки отчета и для ревизіи кассы и имущества, въ со-

ставѣ слѣдующихъ лицъ: Л. С. Богушевской, Н. И. Иванова и А. Н. Ясинскаго.

Постановлено передъ началомъ годичнаго засѣданія, имѣющаго быть въ первой половинѣ мая мѣсяца, отслужить благодарственный молебенъ.

II. Въ открытомъ засѣданіи Общества дѣйствительный членъ Общества С. К. Богушевскій сдѣлалъ сообщеніе на тему: „Мысли о низшемъ сельско-хозяйственномъ образованіи въ Россіи.“ (Сообщеніе это напечатано въ настоящемъ томѣ Сборника цѣликомъ.)

По поводу сообщенія г. Богушевскаго сдѣланы были замѣчанія гг. Невзоровымъ и Ясинскимъ.

Засѣданіе

24 апрѣля 1898 года.

Въ засѣданіи присутствовали члены Общества гг. В. Г. Алексѣевъ, Л. С. Богушевская, С. К. Богушевскій, А. С. Будилевичъ, М. А. Ганзеръ, Е. А. Гравитъ, В. Е. Данилевичъ, Н. И. Ивановъ, А. С. Игнатовскій, И. Л. Кондаковъ, М. Н. Крашенинниковъ, В. В. Кривцова, А. С. Кривцовъ, В. К. Мальмбергъ, А. С. Невзоровъ, А. В. Никитскій, Е. В. Пѣтуховъ, С. И. Роше, Н. А. Скрябинъ, М. Н. Столяровъ, Г. Л. Трефнеръ, Е. А. Черноусовъ, С. I. Чирвинскій, М. А. Янковичъ и А. Н. Ясинскій.

Членъ Общества А. С. Невзоровъ сдѣлалъ ообщеніе на тему: „Изъ прошлаго Петербурга, какъ торговаго пункта“.

По сообщенію г. Невзорова, построеніе Петербурга завершило поступательное движеніе русскихъ къ морю. О стремленіи ихъ приблизиться къ нему свидѣтельствуетъ фактъ постепеннаго возникновенія такихъ торговыхъ пунктовъ, какъ Новгородъ, за нимъ Ладога, далѣе Орѣшекъ, позднѣе Торговый рядокъ у Клѣтокъ, еще позже Ньюэнь и, наконецъ, Петербургъ (съ Кронштадтомъ). Нева и невскіи бассейны утилизированы были для цѣлей торговыхъ издавна Новгородцами. Рядъ селеній съ русскими названіями и жителями русскаго происхожденія, какъ то явствуетъ изъ Переписной окладной книги Вотьской пятины 1500 г., говоритъ за то, что задолго до 1703 г. этотъ

край былъ обитаемъ русскими, частію промышленниками и торговцами. Петръ Великій закрѣпилъ вѣковую работу русскаго промысловаго и торговаго люда утвердиться на невскихъ берегахъ устройствомъ надлежащихъ приспособленій для крупнаго порта. Постройка купеческой гавани одновременно съ военной, возведеніе гостиннаго двора и при немъ биржи въ первые же годы Петербурга, приглашеніе — съ обѣщаніемъ денежнаго вознагражденія — иностранныхъ купеческихъ кораблей въ новый городъ и т. п., — все факты, дающіе право утверждать, что при zaloженіи Петербурга едва ли не однимъ изъ главныхъ соображеній было устройство торговаго портоваго города, а не созданіе новой столицы. Крѣпостныя сооруженія защищали торговый пунктъ отъ непріятельскихъ вторженій и дали возможность подъ охраною ихъ широко и могуче развернуться русскаго торговлѣ. Торговля Петербурга есть продолженіе и развитіе торговли новгородской, начавшей переключиваться къ устьямъ Невы и придвигаться сюда изъ Великаго Новгорода задолгодо Петра Великаго.

Въ томъ же засѣданіи членъ Общества А. В. Никитскій сдѣлалъ сообщеніе на тему: „Замѣтки по географіи древней Греціи“.

Референтъ въ общихъ чертахъ отмѣтилъ состояніе источниковъ для политической географіи древней Греціи и обратилъ особое вниманіе на нѣкоторые разряды надписей, весьма важные въ географическомъ отношеніи, но еще до сихъ поръ не исчерпанные вслѣдствіе неудовлетворительности предложенной интерпретаціи, или недостаточно методичнаго изученія и трудности ориентироваться въ разбросанномъ матеріалѣ. Затѣмъ, онъ указалъ рядъ приѣмовъ для точной или приблизительной локализациі древнихъ поселеній на основаніи разныхъ источниковъ, а также и ошибки, допускаемыя иногда при локализациі. По его мнѣнію, и въ интересахъ уже извѣстныхъ географическихъ данныхъ, и въ виду постоянныхъ новыхъ открытій было бы желательно составить тщательный справочный указатель всѣхъ рѣдкихъ, сомнительныхъ, неприуроченныхъ или неточно приуроченныхъ географическихъ указаній, по крайней мѣрѣ, изъ надписей. Въ заключеніе референтъ указалъ цѣлый рядъ неправильныхъ чтеній и толкованій Оссулье по поводу изданныхъ имъ трехъ отрывковъ географическаго списка дельфійскихъ про-

ксеновъ или ѳеородоковъ (Bulletin de correspondance hellénique VII, p. 191 — 203). Отрывки, изданные у Оссулье въ порядкѣ А, В, С, основанномъ только на большихъ или меньшихъ размѣрахъ ихъ, въ виду порядка перечней и на основаніи измѣренія камней и столбцовъ текста и въ виду оставшихся незанятыми нижнихъ частей обломка А, скорѣе нужно размѣстить въ порядкѣ В, С, А, притомъ такъ, чтобы В находился значительно выше чѣмъ А и чтобы столбцы I, II и III В соотвѣтствовали столбцамъ II, III и IV А, а единственный сохранившійся столбецъ обломка С помѣщался между В II и А III. Въ В III *Ταισία* или *Ταισίαι*, ville inconnue de la Grande-Grèce, какъ его называетъ Оссулье, нужно вѣроятно отождествить съ упоминаемымъ у Аппіана брутійскимъ городомъ *Ταία* (App. Hann. 44, рукописное чтеніе не вполне прочно), находившимся недалеко отъ Регіа: въ дельфійскомъ спискѣ *Ταισία* стоитъ между Тарентомъ, Гераклеей, Петеліей и Локрами съ одной и Регіемъ и Мессеной съ другой стороны. Въ С IV въ рядѣ *Ἄλαια, Θέρμα, Λιπάρα* Оссулье ошибочно принялъ Оермы за этолійскій городъ и потому назвалъ Алесу и Липару неизвѣстными городами, высказывая съ сомнѣніемъ лишь мысль о тожествѣ Алесы съ однимъ ѳессалійскимъ городомъ. Въ дѣйствительности здѣсь разумѣются два сицилійскихъ города и главный изъ Липарскихъ острововъ. Дальше, въ томъ же столбцѣ Оссулье ошибочно читаетъ [ξ] *υιάδαι* и думаетъ о городѣ Ксиніяхъ въ ѳессаліи, тогда какъ на камнѣ вполне ясно читается *Κυιάδαι* и, слѣдовательно, здѣсь разумѣется неупомянутое у авторовъ поселеніе, расположенное на берегу этолійскаго озера *Κυία*. Еще ниже *Λάφρος* или *Λάφρον* у Оссулье правильно названъ неизвѣстнымъ городомъ, но справка у Страбона говорящаго о святилищѣ Аполлона Лафрійскаго около Калидона (X p. 459), дѣлаетъ почти несомнѣннымъ, что Лафръ лежалъ по сосѣдству съ Калидономъ и, можетъ быть, входилъ въ составъ Калидонской области. Упомянутое Лафра, какъ географическаго пункта въ Этоліи, весьма важно въ виду култовъ боговъ Лафрійскихъ, исходившихъ, вѣроятно, отсюда. Еще ниже оставленное у Оссулье безъ дополненія *Κα . . .* было дополнено референтомъ еще въ 1884 году на основаніи западно-локридскихъ надписей (*Κάφρα*). Наконецъ, еще ниже вмѣсто *ἐ ν. ολι . . .* (Оссулье) предложено читать *ἐν[Γ]θάλλ[α]*, хотя это имя и повторяется въ слѣдующей строкѣ. Всѣ эти поправки,

так. обр., падають на В столб. III и А столбець IV, составляшіе, по мнѣнію референта, одинъ столбець. Не касаясь прочихъ частей памятника, которыя также нуждаются въ поправкахъ, референтъ указалъ на необходимость тщательнаго факсимилированнаго переизданія его, такъ какъ только тогда можно различить основныя части перечня отъ позднѣйшихъ дополненій и измѣненій. Въ скоромъ времени такое изданіе ожидается отъ чрезвычайно аккуратнаго эпитафиста и лучшаго знатока дельфійскихъ надписей, открытыхъ до 1892 года, Г. Помтова, и, если окажется совпаденіе приведенныхъ выше замѣтокъ съ изслѣдованіемъ послѣдняго, то это безспорно будетъ говорить въ защиту правильности предложенныхъ толкованій.

Отчетъ

о состояніи кассы Общества за время отъ 27 апрѣля
1897 г. по 27 апрѣля 1898 г.

Приходъ.

	Р. К.
Членскіе взносы	138 —
Пособіе отъ Правленія Юрьевскаго Университета	450 —
% съ капитала	7 54
	Итого 595 54

Расходъ.

Канцелярскія принадлежности, публикаціи и почтовые расходы	49 48
За работу по письменной части	10 —
	Итого 59 48
Касса наличными деньгами	536 6
	Итого 595 54

Отчетъ

о состояніи библіотеки Общества.

Въ отчетномъ году въ библіотеку Общества поступило книгъ : 28 томовъ. Всѣ книги поступили въ даръ, а именно : отъ Е. А. Боброва — 7 томовъ ; отъ С. К. Богушевскаго — 6 томовъ ; отъ А. Н. Веселовскаго — 4 тома ; отъ Историко-Филологическаго Общества при Институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ — 1 томъ ; отъ М. Е. Красножена — 3 тома ; отъ В. К. Мальмберга — 3 тома и отъ А. А. Чумикова — 4 тома.

Книги хранятся въ шкафѣ, поступившемъ въ пользованіе Общества отъ Правленія Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Списокъ

членовъ Общества къ 27-му апрѣля 1898 года.

Должностныя лица :

1. Предсѣдатель Общества — Антонъ Семеновичъ Будиловичъ, Ректоръ Императорскаго Юрьевскаго Университета.
2. Товарищъ предсѣдателя — Евгенийъ Вячеславовичъ Пѣтуховъ, профессоръ того-же Университета.
3. Секретарь — Михаилъ Егоровичъ Красноженъ, профессоръ того-же Университета.
4. Казначей — Сергѣй Казиміровичъ Богушевскій, профессоръ того-же Университета.

Члены Совѣта Общества :

5. Виссаріонъ Григорьевичъ Алексѣевъ, профессоръ того-же Университета.

6. Александръ Васильевичъ Никитскій, профессоръ того-же Университета.
7. Степанъ Ивановичъ Роше, лекторъ французскаго языка того-же Университета.
8. Библіотекаръ — Адамъ Францовичъ Зачинскій, профессоръ того-же Университета.

Дѣйствительные члены :

1. Александровъ, Николай Александровичъ, доцентъ Ветеринарнаго Института (съ 20 октября 1897 г.).
2. Алексѣевъ, Виссаріонъ Григорьевичъ, профессоръ Университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
3. Андрусовъ, Николай Ивановичъ, профессоръ Университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
4. Афанасьевъ, Вячеславъ Алексѣевичъ, профессоръ Университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
5. Богушевская, Людмила Сергѣевна, жена профессора Университета (съ 23 октября 1897 г.).
6. Богушевскій, Сергѣй Казиміровичъ, профессоръ Университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
7. Будиловичъ, Антонъ Семеновичъ, Ректоръ Университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
8. Бѣлявскій, Николай Николаевичъ, профессоръ Университета (съ 23 октября 1897 г.).
9. Васильевъ, Степанъ Михайловичъ, профессоръ Университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
10. Ганзеръ, Мартынъ Антоновичъ, инспекторъ Городскаго училища (съ 26 августа 1898 г.).
11. Грабарь, Владиміръ Эммануиловичъ, доцентъ Университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
12. Гравитъ, Ермолай Ананьевичъ, инспекторъ народныхъ училищъ (съ 29 января 1898 г.).
13. Данилевичъ, Василій Ефимовичъ, учитель Реальнаго Училища (съ 23 октября 1898 г.).
14. Дружининъ, Михаилъ Ивановичъ, профессоръ Университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
15. Дьяконовъ, Михаилъ Александровичъ, профессоръ Университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).

16. Зачинскій, Адамъ Францовичъ, профессоръ Университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
17. Заицъ, Василий Осиповичъ, инспекторъ Реального Училища (съ 26 марта 1898 г.).
18. Знаменскій, Николай Петровичъ, учитель Гимназіи (съ 23 октября 1897 г.).
19. Ивановъ, Николай Ивановичъ, директоръ Гимназіи (съ 19 декабря 1897 г.).
20. Игнатовскій, Афанасій Сергѣевичъ, профессоръ Университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
21. Кондаковъ, Иванъ Лаврентьевичъ, профессоръ Университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
22. Красноженъ, Михаилъ Егоровичъ, профессоръ Университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
23. Крашенинниковъ, Михаилъ Никитичъ, профессоръ Университета (съ 5 марта 1898 г.).
24. Кривцова, Варвара Васильевна, жена профессора Университета (съ 26 марта 1898 г.).
25. Кривцовъ, Александръ Сергѣевичъ, профессоръ Университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
26. Кузнецовъ, Николай Ивановичъ, профессоръ Университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
27. Курчинскій, Василій Палладіевичъ, профессоръ Университета (съ 23 октября 1897 г.).
28. Лаутенбахъ, Яковъ Инджевичъ, лекторъ и приватъ-доцентъ Университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
29. Левинсонъ-Лессингъ, Францъ Юліевичъ, профессоръ Университета (съ 24 апрѣля 1897 г.).
30. Левицкій, Григорій Васильевичъ, профессоръ Университета (съ 27 Апрѣля 1897 г.).
31. Мальмбергъ, Владиміръ Константиновичъ, профессоръ Университета (съ 23 октября 1897 г.).
32. Миклашевскій, Александръ Николаевичъ, профессоръ Университета (съ 21 апрѣля 1897 г.).
33. Невзоровъ, Александръ Серафимовичъ, профессоръ Университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
34. Нечаевъ, Василій Михайловичъ, профессоръ Университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
35. Никитскій, Александръ Васильевичъ, профессоръ Университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).

36. Николаевскій, Александръ Васильевичъ, протоіерей Посольской Церкви въ Вѣнѣ (съ 23 октября 1897 г.).
37. Озе, Яковъ Фридриховичъ, профессоръ Университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
38. Павловъ, Александръ Павловичъ, учитель Гимназіи (съ 23 октября 1897 г.).
39. Петровъ, Василій Васильевичъ, учитель Гимназіи (съ 23 октября 1897 г.).
40. Придикъ, Александръ Мартиновичъ, доцентъ Университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
41. Пѣтуховъ, Евгенийъ Вячеславовичъ, профессоръ Университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
42. Роше, Степанъ Ивановичъ, лекторъ Университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
43. Садовскій, Александръ Ивановичъ, профессоръ Университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
44. Скрябинъ, Николай Александровичъ, учитель Гимназіи (съ 29 января 1898 г.).
45. Срезневскій, Борисъ Измаиловичъ, профессоръ Университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
46. Столяровъ, Михаилъ Николаевичъ, учитель Юрьевской Учительской Семинаріи (съ 5 марта 1898 г.).
47. Томсонъ, Арведъ Ивановичъ, привать-доцентъ Университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
48. Трефнеръ, Гуго Людвиговичъ, директоръ частной Гимназіи въ г. Юрьевѣ (съ 26 марта 1898 г.).
49. Царевскій, Арсеній Семеновичъ, протоіерей, профессоръ Университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
50. Чермакъ, Николай Карловичъ, профессоръ Университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
51. Черноусовъ, Евгенийъ Александровичъ, учитель Реального Училища (съ 23 октября 1897 г.).
52. Чиждъ, Владиміръ Федоровичъ, профессоръ Университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
53. Чирвинскій, Станиславъ Іосифовичъ, профессоръ Университета (съ 5 марта 1898 г.).
54. Шаталовъ, Иванъ Лонгиновичъ, инспекторъ народныхъ училищъ (съ 23 октября 1897 г.).
55. Шмурло, Евгенийъ Францовичъ, профессоръ Университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).

56. Янковичъ, Марія Адамовна, учительница Мариинскаго Училища (съ 23 октября 1897 г.).
57. Ясинскій, Антонъ Никитичъ, профессоръ Университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).



Отдѣлъ научный.

Происхожденіе Старокатолицизма

и

IV интернаціональный старокатолическій конгрессъ въ Вѣнѣ,

съ приложеніемъ матеріаловъ, относящихся къ вопросу о соединеніи старокатоликовъ съ православными.

„Есть у Меня и другія овцы, которыя не сего двора; и тѣхъ надлежитъ Мнѣ привести: и оны услышатъ голосъ Мой, и будутъ одно стадо и одинъ Пастырь“.
Іоан. X, 16.

„Католическая Церковь едина, неразлучна и нераздѣльна“. Кипріанъ карѳаг.
(Ер. 65 ад. Rogationum).

Безъ вѣры прожить трудно. Вопросы религіи всегда глубоко интересовали человѣческое общество; въ послѣднее время этотъ интересъ къ религіознымъ вопросамъ сдѣлался особенно замѣтнымъ, доказательствомъ чего, между прочимъ, можетъ служить происходившій въ августѣ (стар. ст.) прошлаго года въ Вѣнѣ IV интернаціональный старокатолическій конгрессъ, привлекпій къ себѣ вниманіе не однихъ только спеціалистовъ-богослововъ, но и всего образованнаго общества вообще.

Но прежде чѣмъ говорить объ этомъ конгрессѣ, на которомъ удалось присутствовать автору настоящей статьи, необходимо сказать нѣсколько словъ о старокатолициствѣ вообще.

Что же такое старокатоличество и въ чемъ заключается его значеніе для насъ православныхъ?

Съ самыхъ первыхъ временъ христіанской исторіи, міръ христіанскій раздѣлился на двѣ главныя части: на восточную и западную. Восточная половина христіанскаго міра, но преобладающему составу населенія, языку, нравамъ и характеру цивилизаціи, была преимущественно греческою, западная —

латинскою. 1) Основанія церковной жизни и источники права церковнаго до раздѣленія Церквей и на Востокъ, и на Западъ въ общемъ были одинаковы. Одни и тѣ же были въ восточной и западной Церкви догматы вѣры, одни и тѣ же нравственные начала христіанской жизни, одни и тѣ же св. таинства, одни и тѣ же основныя правила церковнаго устройства и богослуженія. Были, правда, нѣкоторыя разности въ обрядахъ церковныхъ, напр., въ постахъ, именно, на Западъ утвердился постъ въ субботу, въ память погребенія Христова; между тѣмъ на Востокъ поститься въ субботу, кромѣ одной Великой Субботы, строго воспрещалось, потому что этотъ постъ первоначально установленъ былъ нѣкоторыми еретиками съ злонамѣренною еретическою мыслию. На Востокъ постились въ среду и пятницу; на Западъ, напротивъ, въ среду и пятницу каждой недѣли и во всю первую недѣлю Великаго Поста разрѣшалось ѣсть молоко, сыръ и яйца. Была разница и въ совершеніи таинства мвропомазанія: на Западъ оно совершалось непременно епископомъ, а на Востокъ могло быть совершено и священникомъ. По самому внѣшнему виду западное духовенство отличалось отъ восточнаго: на Западъ духовные брили бороду, стригли волосы; на Востокъ же бороды не брили, а волосы носили длинные. Далѣе, на Западъ еще съ IV вѣка замѣчается, а въ послѣдующіе вѣка болѣе и болѣе распространяется и утверждается обычай безбрачія духовныхъ лицъ; на Востокъ же каждому изъ духовныхъ лицъ предоставлена была свобода — вступать въ бракъ до рукоположенія, или вести безбрачную жизнь. Были и другія разности. — Но всѣ эти разности не касались сущности вѣры и не нарушали союза Церквей. Надо при этомъ замѣтить, что въ древней Церкви вообще допускалась значительная свобода и разнообразіе во внѣшнихъ обрядахъ; требовалось только, чтобы существенныя основы церковной жизни — догматы вѣры, основныя начала церковнаго устройства — вездѣ были одни и

1) Протоіерей А. М. Иванцовъ-Платоновъ: „О римскомъ католицизмѣ и его отношеніяхъ къ православію“. Москва 1869. Часть I, стр. 1.

тѣ же, и чтобы во всѣхъ Церквахъ былъ одинъ братскій христіанскій духъ ¹⁾).

Въ VI вѣкѣ по Р. Х. появляется различіе между Церквами уже въ вѣроученіи; именно, на Западѣ съ VI вѣка стало распространяться особое мнѣніе объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца и Сына (Filioque), вопреки древнему Символу Вѣры, по которому Духъ Святой исходитъ только отъ Отца; но это мнѣніе до IX вѣка не было и на Западѣ принято повсемѣстно и не возводилось на степень общепризнаннаго Церковью догмата вѣры ²⁾. Вообще, эта разность въ вѣроученіи могла бы быть устранена мирнымъ обсужденіемъ и соглашеніемъ, и сама по себѣ, быть можетъ, еще не привела бы къ тому печальному явленію въ христіанскомъ мірѣ, которое извѣстно подъ именемъ раздѣленія Церквей. Существенною причиною разрыва между Восточною и Западною Церквами были іерархическія несогласія римскихъ папъ съ константинопольскими патріархами. Папы, вопреки самому духу христіанства и нрямымъ завѣщаніямъ І. Христа, стали мечтать о верховномъ господствѣ и первенствѣ надъ всѣмъ христіанскимъ міромъ, стали простирать свои властолюбивыя притязанія не только на всѣ западныя, но и на восточныя Церкви; константинопольскіе же патріархи, какъ главные представители православнаго Востока, видя въ притязаніяхъ папскихъ оскорбленіе и большую опасность для свободы и правъ всей Церкви, сочли своимъ долгомъ дать имъ рѣшительный отпоръ. Изъ за этого возникли вѣковые споры между римскою и восточною Церквами, которые и кончились рѣшительнымъ разрывомъ ихъ взаимнаго союза ³⁾.

Со времени раздѣленія Церквей, въ западной Церкви все болѣе и болѣе стали распространяться несогласныя съ древними преданіями нововведенія въ ученіи вѣры, церковномъ

1) Тамъ же, стр. 6, 8—11.

2) А. М. Иванцовъ-Платоновъ: „О западныхъ вѣроисповѣданіяхъ“. Москва 1894, стр. 3.

3) Онъ же: „О римскомъ католицизмѣ“. Ч. I, стр. 13—15.

устройствѣ и богослуженіи. Главною причиною этому было самое раздѣленіе Церквей. Разорвавъ союзъ съ восточною Церковью, западная Церковь лишилась въ ней просвѣщенной руководительницы, которая могла во время останавливать и предостерегать западныхъ богослововъ и правителей церковныхъ отъ намѣренныхъ и ненамѣренныхъ ошибокъ и отступленій¹⁾. Между прочимъ мнѣніе объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца и Сына дѣлается теперь уже общепринятымъ догматомъ римской Церкви. Далѣе, въ римской Церкви распространяется обычай совершать литургію на опрѣснкахъ. Наконецъ, властолюбивыя притязанія папъ приводятъ къ новшеству, противорѣчащему основному ученію христіанской религіи — мы разумѣемъ догматъ о папѣ, какъ видимой главѣ Церкви и верховномъ всемірномъ монархѣ. Догматъ этотъ составляетъ основаніе всей римско-католической вѣроисповѣдной системы и даетъ особенный характеръ всему устройству римской Церкви. За него крѣпче всего держатся сами папы и римскіе богословы. Во всѣхъ другихъ своихъ мнѣніяхъ и требованіяхъ они готовы еще допускать послабленія и уступки; но догматъ о власти папской признается ими за основу католицизма²⁾. Сначала папъ только называли главами Церкви, намѣстниками Апостола Петра, намѣстниками Христа; называли просто въ смыслѣ почетнаго титула; потомъ начали соединять съ этими

1) Онъ же: „О западныхъ вѣроисповѣданіяхъ“, стр. 3—4. Образованіе на Востокѣ между греками, говоритъ Иванцовъ-Платоновъ, стояло въ древности несравненно выше, нежели на Западѣ между латинянами. Направленіе и дѣятельность восточной Церкви отличались по преимуществу высшимъ богословскимъ догматическимъ характеромъ. Здѣсь были великіе учителя Церкви, оставившіе въ своихъ произведеніяхъ для всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ богатый неистощимый источникъ разумѣнія и точнаго, выразительнаго, художественнаго изложенія истинъ вѣры. Замѣчательнѣйшіе представители западной Церкви отличались богатыми практическими способностями; они не были высокіе богословы, — за то были замѣчательные политики и администраторы, умѣвшіе держать церковный порядокъ и утверждать вліяніе Церкви при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ и политическихъ переворотахъ, въ тѣ времена часто волновавшихъ Западъ. („О римскомъ католицизмѣ“. Ч. I, стр. 3—4.)

2) Иванцовъ-Платоновъ: „О римскомъ католицизмѣ“. Ч. I, стр. 85.

названіями опредѣленное понятіе о божественности папской власти. Стали утверждать, что безъ власти папской не можетъ стоять Церковь, не можетъ держаться вѣра, не можетъ дѣйствовать никакая другая власть: ни власть государственная въ мірскихъ дѣлахъ, ни власть епископовъ и вселенскихъ соборовъ въ дѣлахъ духовныхъ; безъ признанія власти папской не можетъ спастись ни одинъ человѣкъ. Папа можетъ вводить новые догматы¹⁾, можетъ издавать новые законы, которые должны имѣть силу во всей Церкви, а если найдетъ нужнымъ, можетъ отмѣнить уже изданные церковные законы²⁾; папа одинъ можетъ поставлять, судить, низлагать и возвышать всѣ церковныя власти³⁾. Онъ можетъ разрѣшать грѣхи людямъ не только за прошедшее, но и на будущее время. Власть папская простирается не только на живыхъ людей и Церковь земную, но и на міръ загробный, на Церковь небесную. Онъ можетъ облегчать мученія людей въ чистилищѣ и, вмѣняя заслуги людей праведныхъ людямъ грѣшнымъ, можетъ переводить души изъ чистилища въ рай раньше того срока, какъ они сами этого заслужили у Бога⁴⁾.

Но, вѣдь, всякій можетъ возразить: папа-человѣкъ; какъ человѣкъ, онъ можетъ впасть въ ошибку, можетъ погрѣшить, при пользованіи перечисленными выше правами.

1) Дѣйствительно, предшественникъ нынѣшняго папы, папа Пій IX въ 1854 году провозгласилъ догматъ о напорочномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы.

2) Граціанъ говоритъ: „какъ Христосъ на землѣ подчинялся законамъ, но въ дѣйствительности былъ Владыкою закона, такъ и папа стоитъ выше всѣхъ церковныхъ законовъ и можетъ распоряжаться ими свободно, какъ ему заблагоразсудится, потому что единственно онъ самъ даетъ силу каждому закону“. Саус. 25, qu. 1, с. 11. 12. 16. Н. Я. Вѣляевъ: „Основной принципъ римскаго католицизма“. Казань 1895, стр. 50.

3) Онъ одинъ только носитъ титулъ *vicarius Christi* и называется *episcopus universalis*, каковымъ названіемъ обозначается, что онъ епископъ единственный во всемъ мірѣ, что только одинъ онъ и есть въ цѣлой вселенной епископъ въ собственномъ смыслѣ. Н. Я. Вѣляевъ, тамъ же, стр. 53.

4) Иванцовъ-Платоновъ: „О римскомъ католицизмѣ“. Часть II, стр. 90—91.

И вотъ, чтобы окончательно устранить возможность такого сомнѣнія, 18 іюля 1870 года въ Римѣ на Ватиканскомъ соборѣ *большинствомъ голосовъ*, чего въ соборной практикѣ еще не было, провозглашается новый догматъ: папѣ усвоено божественное свойство непогрѣшимости, то есть ему приписано свойство, приличествующее одному Богу.

Этотъ день апоѳеоза папства получилъ важное значеніе для католической Церкви. Чаша была переполнена. Несобразность новаго догмата съ основными христіанскими понятіями и нравственными началами была очевидна. . . И вотъ, на самомъ Ватиканскомъ соборѣ около 150 членовъ собора открыто высказались противъ провозглашенія новаго догмата. Правда, онъ былъ принятъ большинствомъ голосовъ. Но развѣ можно рѣшать большинствомъ голосовъ вопросы вѣры, устанавливать догматы? Истина христіанская есть богооткровенная, она есть истина на вѣки неизмѣнная; она должна быть, по преданію Церкви, *ubique, semper, ab omnibus*. Какимъ же образомъ такую положительную истину можно подвергать баллотировкѣ? Разъ образовалось на соборѣ большинство и меньшинство, это уже составляетъ признакъ, что извѣстное ученіе указанному основному принципу не соответствуетъ. Дѣйствительно, если бы баллотировкою опредѣлялись догматы на вселенскихъ соборахъ, то православіе давно было бы уничтожено: оно было бы подавлено большинствомъ или арианъ, или несторіанъ, или монофизитовъ, или иконоборцевъ¹⁾. Исторія вселенскихъ соборовъ доказываетъ, что не по большинству голосовъ провозглашались и устанавливались догматы вѣры, а по единодушному и согласному рѣшенію отцовъ соборовъ. На вселенскихъ соборахъ постоянно выдвигался на первый планъ вопросъ: всѣ ли присутствующіе здѣсь представители помѣстныхъ церквей принимаютъ провозглашаемыя вѣроопредѣленія? Такъ напр., на Халкидонскомъ соборѣ 451 г. императоръ Маркіанъ прямо спросилъ отцовъ собора: „пусть

1) Н. Бѣляевъ: „Происхожденіе старокатоличества“. Москва. 1892, стр. 36—37.

скажетъ святой соборъ, по согласію ли всѣхъ святѣйшихъ епископовъ провозглашено прочитанное теперь опредѣленіе?“ Отцы собора отвѣчали: „всѣ такъ вѣруемъ; одна вѣра, одно мнѣніе; всѣ такъ мудствуемъ; всѣ мы, согласившись, подписали; всѣ мы православны; сія вѣра отеческая, сія вѣра апостольская, сія православная, сія вѣра вселенную спасла“. 1)

О согласіи всѣхъ всегда удостовѣрялись на прочихъ вселенскихъ соборахъ, при подписи вѣроопредѣленій 2).

На Ватиканскомъ соборѣ 1870 года было, какъ мы сказали, иначе.

Тѣмъ не менѣе, когда большинствомъ членовъ собора догматъ папской непогрѣшимости былъ принятъ, католическіе епископы въ своихъ церквахъ стали требовать отъ духовныхъ лицъ и всѣхъ католиковъ его исповѣданія. Тогда-то лучшіе люди католической интеллигенціи, знаменитѣйшіе католическіе германскіе ученые-богословы, канонисты и церковные историки, какъ напр. Деллингеръ, Фридрихъ, Губеръ, Лангенъ, Рейнкенсъ, Михелисъ и др. сочли долгомъ совѣсти заявить открыто, что они не могутъ далѣе подчиняться римской Церкви, что они желаютъ возстановить истинную католическую Церковь, старую, ту, какою она была въ періодъ древнихъ вселенскихъ соборовъ, до раздѣленія христіанъ западныхъ отъ восточныхъ 3).

Такъ возникло старокатоличество. . .

Къ первымъ старокатоликамъ - германскимъ скоро примкнули многіе ихъ единомышленники изъ Швейцаріи, Голландіи, Франціи, Италіи, Испаніи, Англій и Сѣверной Америки. Пользуясь тогдашнимъ настроеніемъ германскаго правительства, при канцлерѣ Бисмаркѣ, который велъ такъ наз. культурную борьбу съ Римомъ и мѣстными германскими ультрамонтанами,

1) Тамъ же, стр. 41.

2) Доказательства тому приведены въ названной статьѣ проф. Бѣляева, на стр. 39—43.

3) Иванцовъ-Платоновъ: „О западныхъ вѣроисповѣданіяхъ“, стр. 150.

старокатолики въ Германіи успѣли устроить себѣ обезпеченное гражданское положеніе — выхлопотали у германскаго правительства жалованье своему духовенству, право организаціи для своихъ общинъ и приходоу, признаніе официальныхъ правъ для епископовъ, которые должны были управлять ими, на ряду съ прежними римско-католическими епископами. За тѣмъ, они избрали себѣ особаго епископа—профессора Рейнкенса, получившаго посвященіе въ независимой отъ Рима утрехтской Церкви¹⁾. За старокатоликами германскими и швейцарскіе старокатолики избрали себѣ епископа — извѣстнаго своими учеными трудами Герцога²⁾.

Поставивши своею главною задачею возстановленіе древняго церковнаго ученія и древняго церковнаго устройства, старокатолики мало по малу въ отдѣльныхъ ученыхъ изслѣдованіяхъ и на общихъ многочисленныхъ сѣздахъ - конгрессахъ своихъ представителей стали отвергать произвольныя средне-вѣковыя изобрѣтенія и установленія католицизма. Они отвергли ложныя римскія ученія о верховенствѣ и непогрѣшимости папы, о непорочномъ зачатіи Св. Дѣвы, о чистилищѣ, а также многія искаженія въ совершеніи церковныхъ таинствъ и обрядовъ; пришли къ признанію необходимости возстановленія древняго Никейскаго Символа, съ исключеніемъ изъ него католическаго Filioque (не во всѣхъ, впрочемъ, старокатолическихъ общинахъ); стали возстановлять причащеніе подъ обоими видами и на квасномъ хлѣбѣ (также не во всѣхъ еще старо-католическихъ общинахъ); отмѣнили обязательное безбрачіе духовенства (этотъ вопросъ тоже рѣшенъ пока

1) Этотъ первый старокатолическій епископъ, сдѣлавшій для старокатоличества весьма много, умеръ 4 января н. с. 1896 года; преемникомъ его былъ избранъ профессоръ Теодоръ Губертъ Веберъ, одинъ изъ блестящихъ германскихъ философовъ, бывший, при жизни Рейнкенса, его викаріемъ. Епископъ Веберъ принималъ дѣятельное участіе на послѣднемъ IV интернаціональномъ старокатолическомъ конгрессѣ въ Вѣнѣ.

2) Епископъ Герцогъ обладаетъ блестящимъ ораторскимъ талантомъ, обращавшимъ на почтеннаго епископа общее вниманіе всѣхъ членовъ послѣдняго конгресса.

только въ теоріи, а на практикѣ многіе еще не рѣшаются допустить браки священниковъ, такъ что по этому вопросу между старо-католиками неоднократно возникали серьезныя разногласія) и т. д. Такимъ образомъ, приближаясь постепенно къ ученію Православной Церкви, старокатолики въ западномъ христіанскомъ мірѣ представляютъ твердое и безпристрастное свидѣтельство въ пользу многихъ православныхъ ученій и установленій, которыя западный христіанскій міръ въ продолженіи многихъ вѣковъ отвергалъ съ горделивою самоувѣренностью и непреклоннымъ упорствомъ¹⁾; они знакомятъ западные народы съ истиннымъ Православіемъ, разсѣиваютъ сложившіяся на Западѣ ложныя мнѣнія о немъ, заставляютъ его цѣнить и уважать. Въ этомъ заключается немаловажная заслуга старокатоличества предъ Православною Церковью.

Какъ-только у старокатоликовъ возникло желаніе отыскать истину, возвративъ римскую Церковь къ тѣмъ основнымъ вселенскимъ началамъ, отъ которыхъ она удалилась, но которыхъ неизмѣнно держится Православная восточная Церковь, они, естественно, должны были обратить свои взоры къ православному Востоку и, въ частности, къ великой русской Церкви: съ самыхъ первыхъ временъ, по отдѣленіи отъ Рима, старокатолики стали искать единенія старой католической Церкви съ Православною восточною Церковью и съ этой цѣлью устраивали съѣзды въ Боннѣ — въ 1874 и 1875 годахъ, въ Кельнѣ и Люцернѣ — въ 1890 и 1892 г.г. и въ 1894 г. въ Роттердамѣ, что бы приготовить это единеніе при помощи необходимыхъ предварительныхъ изслѣдованій со стороны богослововъ обѣихъ Церквей. И православныя Церкви, съ своей стороны, отнеслись къ этимъ добрымъ стремленіямъ старокатоликовъ съ особенною симпатією и сочувствіемъ. Особенно близко принимали къ сердцу эти стремленія старо-католиковъ православные богословы греческой, русской, румынской

1) Иванцовъ - Платоновъ: „О западныхъ вѣроисповѣданіяхъ“, стр. 161—163.

и сербской Церкви, которые принимали участие въ вышеупомянутыхъ сѣздахъ и тамъ, обмѣниваясь между собою взглядами, обсуждали многіе важные вопросы. Главнымъ результатомъ происходившихъ на этихъ сѣздахъ собесѣдованій, которыя имѣли не оффиціальныи, а предварительный и подготовительный характеръ, было то, что обѣ Церкви познакомились другъ съ другомъ и у большинства представителей съ той и другой стороны составилось убѣжденіе, что такъ какъ обѣ Церкви покоятся на однихъ и тѣхъ же основаніяхъ, то единеніе между ними возможно. Въ русской Церкви это убѣжденіе окрѣпло на столько и возбудило такія надежды, что Святѣйшій Синодъ въ Петербургѣ назначилъ особую комиссію для изслѣдованія вопроса объ этой великой цѣли единенія¹⁾. (Указъ Св. Прав. Синода отъ 15 дек. 1892 г. № 5038).

1) Церковный Вѣстникъ 1896 г. „Къ вопросу о старокатолицизмѣ въ его отношеніи къ Православію“, стр. 773 и 774. Составъ комиссіи, при ея учрежденіи въ 1892 году, былъ слѣдующій: предсѣдатель высокопр. Антоній, архіепископъ Финляндскій; члены: духовникъ Ихъ Императорскихъ Величествъ протопресвитеръ Іоаннъ Яньшевъ, ректоръ С.-Петербургской духовной академіи архимандритъ Борисъ, настоятель кафедральнаго Исаакіевского собора Петръ Смирновъ, настоятель Казанскаго собора протоіерей Александръ Лебедевъ, законоучитель Пажескаго Его Императорскаго Величества корпуса протоіерей Петръ Лебедевъ, товарищ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода В. К. Саблеръ, профессора С.-Петербургской духовной академіи И. Е. Троицкій и А. Л. Катанскій, и дѣлопроизводитель профессоръ той же академіи В. В. Вологовъ.

Эта комиссія должна была выработать условія или требованія, которыя могли бы быть положены въ основу переговоровъ со старокатоликами, ищущими общенія съ Православною восточною Церковью. Къ концу мая 1893 года комиссія выполнила свою задачу и представила (9 іюня 1893 г. за № 377) донесеніе по этому вопросу Св. Синоду. (См. Приложение № 1).

Копія съ этого донесенія, въ нѣмецкомъ переводѣ, была послана на имя утрехтскаго старокатолическаго архіепископа Гуля, который увѣдомилъ что онъ вмѣстѣ съ другими старокатолическими епископами назначить съ своей стороны комиссію для составленія отвѣта на эти требованія. Во время III интернаціональнаго старокатолическаго конгресса въ Роттердамѣ, дѣйствительно, назначена была со стороны старокатоликовъ комиссія изъ голландскихъ, швейцарскихъ и германскихъ ученыхъ, подъ предсѣдательствомъ германскаго, нынѣ покойнаго, епископа

Осуществленію этой великой цѣли, въ частности, посвященъ былъ и послѣдній IV-ый интернаціональный старокатолическій конгрессъ.

Этой конгрессъ, на которомъ удалось присутствовать автору настоящей статьи, происходилъ въ Вѣнѣ отъ $\frac{19}{31}$ августа до $\frac{22 \text{ авг.}}{3 \text{ сент.}}$ 1897 года и отличался многочисленностью участвовавшихъ въ немъ лицъ. Что касается старокатоликовъ, то представители ихъ собрались сюда почти изъ всѣхъ государствъ Западной Европы. На конгрессъ присутствовали архіепископъ утрехтскій (голландскій) Гуль, епископы—швейцарскій Герцогъ, германскій Веберъ; далѣе, президентъ голландской въ Аммерсфортѣ семинаріи Фанъ-Тиль, профессоръ Мишо¹⁾, адвокатъ д-ръ Вейбель, г. Филиппи²⁾ (всѣ трое изъ Швейцаріи), совѣтникъ народнаго просвѣщенія (Schulrath) д-ръ Купперсъ, священникъ Тобіасъ (оба изъ Германіи). Болѣе всего старокатолическихъ представителей на конгрессѣ было, конечно, изъ Австріи. Мы упомянемъ только тѣхъ, которые принимали наиболѣе дѣятельное участіе въ дѣятельности конгрессѣ, а именно администратора (Bisthumsverweser) австрійскихъ старокатоликовъ Милоша Чеха, профессора Бен-

Рейнкенса. Смерть этого предсѣдателя замедлила составленіе отвѣта старокатолической комиссіи, оконченное уже подъ предсѣдательствомъ преемника Рейнкенса, епископа Вебера. Этотъ отвѣтъ, при письмѣ предсѣдателя старокатолической комиссіи епископа Вебера отъ 10 августа н. с. 1896 г., пересланъ былъ на имя члена С.-Петербургской комиссіи протопресвитера І. Л. Янышева. (Письмо епископа Вебера протопресвитеру І. Л. Янышеву и отвѣтъ старокатоликовъ на мнѣніе С.-Петербургской комиссіи, въ русскомъ переводѣ протопресвитера І. Л. Янышева, помѣщены въ Приложеніяхъ № № 2 и 3).

1) Проф. Мишо—Michaud редактируетъ *Revue internationale de Theologie*; его перу принадлежитъ рядъ весьма интересныхъ писемъ о старокатолицизмѣ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ за 1897 г. № № 279, 290, 301, 311, 327, 335, 342, 353 и за 1898 № № 35, 38. Печатапіе этихъ писемъ еще не окончено.

2) На конгрессѣ въ Люцернѣ г. Филиппи былъ президентомъ; президентомъ онъ былъ избранъ и на послѣднемъ конгрессѣ въ Вѣнѣ.

дела, старокатолическихъ священниковъ Каминскаго, Гётца¹⁾, старѣйшаго члена Вѣнской старо-католической общины г. Синнека.

Въ качествѣ представителей отъ англиканской Церкви на конгрессѣ присутствовали: англо-американскій епископъ д-ръ Хэль, епископъ д-ръ Сеймуръ изъ Спрингфильда, священникъ Уайтъ (White) изъ Оксфорда (въ качествѣ представителя примаса Англїи архіепископа Кэнтерберійскаго и отъ давняго друга старокатоликовъ — епископа Салисбурійскаго).

Представителями евангелическо-лютеранской Церкви являлись д-ръ Гоосъ и извѣстный историкъ профессоръ Ниппольдъ (последній, впрочемъ, въ качествѣ представителя отъ евангелическаго въ Германїи союза).

Изъ православныхъ русскихъ на конгрессѣ присутствовали извѣстный знатокъ старо-католицизма духовникъ Ихъ Императорскихъ Величествъ протопресвитеръ І. І. Янышевъ, настоятели и члены причтовъ нашихъ посольскихъ церквей: о. протоіерей А. П. Мальцевъ и о. В. Гекенъ изъ Берлина, о. протоіерей Ѳ. Н. Кардасевичъ изъ Буда-Пешта, о. протоіерей А. В. Николаевскій изъ Вѣны, о. М. Н. Анненковъ изъ Дрездена; псаломщики М. А. Кедровъ изъ Карлсруэ и Н. И. Рыжковъ и А. П. Циреринъ изъ Вѣны. Изъ лицъ не духовныхъ въ конгрессѣ участвовали: извѣстная русская писательница О. А. Новикова, ея братъ генераль-лейтенантъ А. А. Кирѣевъ, горячій поборникъ идеи соединенія старокатоличества съ Православіемъ, далѣе, редакторъ „Русскаго Полонника“ А. И. Поповицкій, профессоръ церковнаго права Юрьевскаго Университета М. Е. Красноженъ и доцентъ Казанской духовной академіи А. В. Керенскій, весьма интересующійся старо-католическимъ движеніемъ.

1) Лиценціатъ Гетцъ (Goetz) еще весьма молодой, но очень образованный и энергичный священникъ изъ Пассау; живя въ Германїи, онъ изучилъ славянскій и русскій языкъ и не задолго до конгресса прїѣзжалъ въ Кіевъ лично познакомиться съ Россією, съ Православіемъ и Богослуженіемъ Православной Русской Церкви.

Изъ Сербіи на конгрессѣ присутствовали временно проживающій за границею Сербскій епископъ Никаноръ Ружичичъ, далѣе, нарочно прибывшій на конгрессъ изъ Македоніи, въ качествѣ представителя Сербскаго, нынѣ уже покойнаго, митрополита Михаила, архимандритъ Иларіонъ Весичъ¹⁾ и, наконецъ, настоятель Сербской церкви въ Вѣнѣ о. Михайлъ Мишичъ.

Такимъ образомъ на послѣднемъ старо-католическомъ конгрессѣ въ Вѣнѣ присутствовали представители всѣхъ главныхъ Церквей христіанскаго міра, кромѣ римской, антагонизмъ которой къ старо-католическому движенію исключаетъ возможность какого бы то ни было взаимнаго общенія съ нимъ²⁾).

Центромъ, около котораго группировались пріѣхавшіе на конгрессъ православные, былъ уважаемый протопресвитеръ І. І. Янышевъ. Онъ долго жилъ за границей и глубоко интересовался всѣмъ происходившимъ на Ватиканскомъ соборѣ 1870 г.; онъ переживалъ то время, когда князья-епископы римской Церкви, даже тѣ, которые сначала воспротивились на соборѣ новому догмату папской непогрѣшимости, противорѣчащему христіанской совѣсти, оказались неустойчивыми въ своихъ убѣжденіяхъ и смирились передъ папою, и только горсть самоотверженныхъ людей — тѣ немногіе, которые впоследствии стали во главѣ старо-католическаго движенія — имѣла мужество сохранить свои убѣжденія и, среди всякаго рода невзгодъ и лишеній, стала отыскивать истину Христову. Протопресвитеръ Янышевъ съ особенною симпатією и сочувствіемъ относится къ великому дѣлу возсоединенія старо-католиковъ съ Православною Церковью. Онъ присутствуетъ на всѣхъ старо-католическихъ конгрессахъ; не смотря на свои уже преклонныя лѣта, не опускаетъ ни одного засѣданія,

1) Онъ состоитъ директоромъ Сербской гимназіи въ Скопльѣ или Ускюбѣ, въ Македоніи.

2) В. Керевскій: „IV интернаціональный старо-католическій конгрессъ и его значеніе въ исторіи старо-католическаго движенія“. Православный Собесѣдникъ. 1897. XI, стр. 645.

всѣмъ интересуется, во все вникаетъ¹⁾). Въ свою очередь, представители старо-католицизма относятся къ почтенному протопресвитеру съ особымъ уваженіемъ и съ особеннымъ вниманіемъ прислушиваются ко всѣмъ его словамъ.

Что касается самаго конгресса, то онъ происходилъ въ слѣдующемъ порядкѣ.

Наканунѣ открытія конгресса, во вторникъ $\frac{19}{31}$ августа, состоялось первое свиданіе съѣхавшихся изъ разныхъ странъ участниковъ конгресса. Оно происходило въ весьма обширной и красивой *Reinachsaal*ъ, находящейся въ центрѣ города Вѣны. Здѣсь собрались не только участники конгресса, но и старо-католическія семьи и вообще лица, интересовавшіяся предстоящимъ конгрессомъ.

Первымъ привѣтствовалъ собравшихся администраторъ вѣнскихъ старо-католиковъ Милонъ Чехъ. „Съ радостью“, сказалъ онъ, „привѣтствую я участниковъ четвертаго интернаціональнаго старо-католическаго конгресса, которые въ большемъ, чѣмъ мы надѣялись, числѣ, прибыли не только изъ Германіи, Голландіи и Швейцаріи, но и изъ другихъ дружественныхъ церквей. . . Наше мирное дѣло состоитъ все въ болѣе и болѣе тѣсномъ сближеніи восточной и западной Церквей не на невозможномъ базисѣ подчиненія всѣхъ подл догмы и формулы одной Церкви, но на основаніи свободнаго утвержденія въ существенномъ ученіи вселенской Церкви, на

1) Онъ же состоитъ, какъ мы сказали, членомъ учрежденной при Св. Правительствующемъ Синодѣ комиссіи по вопросу о соединеніи старо-католиковъ съ Православною Церковью. Такъ какъ въ мнѣніяхъ Роттердамской комиссіи С.-Петербургская не все признала достаточно выясненнымъ или правильнымъ, то, въ виду предстоящаго въ Вѣнѣ четвертаго конгресса, въ С.-Петербургѣ возобновлены были 4-го и 8-го августа 1897 г. засѣданія С.-Петербургской комиссіи. Выработанные на этихъ засѣданіяхъ отвѣты на мнѣнія Роттердамской комиссіи были переданы протопресвитеромъ І. Л. Янышевымъ 2^{го} сентября н. с. 1897 г. председателю Роттердамской комиссіи германскому епископу Веберу. І. Л. Янышевъ: „IV интернаціональный старо-католическій конгрессъ“. Церковный Вѣстникъ 1897, № 38, стр. 1210. (Отвѣты эти помѣщены въ Приложеніи № 4.)

католическомъ основаніи дѣятельности въ духѣ христіанской истины и любви. . . . Не ненависть и нетерпимость — нашъ мечъ, но любовь и истина“.

Не менѣе сердечныя привѣтствія были высказаны собранію отъ лица вѣнской старо-католической общины председателемъ мѣстнаго комитета, подготовлявшаго конгрессъ, г. Фейгельмюллеромъ и одною изъ прихожанокъ общины г-жею Новакъ (послѣдняя выразила свое привѣтствіе въ стихахъ).

Въ свою очередь, не мало было высказано привѣтствій конгрессу и со стороны прибывшихъ на него представителей другихъ старо-католическихъ общинъ и дружественныхъ старо-католикамъ Церквей¹⁾. Въ весьма теплыхъ выраженіяхъ (на нѣмецкомъ языкѣ) привѣтствовалъ вѣнскую старо-католическую общину и всѣхъ членовъ конгресса представитель Православной русской Церкви протопресвитеръ І. Л. Янышевъ. „Въ высокой степени отрадно, сказалъ онъ, присутствовать въ собраніи, одушевленномъ стремленіями къ христіанскому миру, къ христіанской истинѣ и свободѣ, къ единенію въ вѣрѣ и любви. Что эти великія, единственные на землѣ истинныя, блага находятъ себѣ сочувствіе, — или нѣтъ, — высоко, по ихъ достоинству, цѣнятся на востокѣ и въ моемъ отечествѣ, это доказываетъ присутствіе здѣсь не малаго числа представителей православія съ востока и изъ отдаленнаго сѣвера. Скажу болѣе того. Въ С.Петербургѣ существуетъ учрежденная Святѣйшимъ Синодомъ комиссія, своею задачею имѣющая разсмотрѣніе вопроса о возможности соединенія старо-католиковъ съ восточною Православною Церковью. Какъ членъ этой комиссіи, въ послѣднихъ засѣданіяхъ которой принимали участіе, между прочимъ, два архіепископа и одинъ

1) Отъ швейцарскихъ старо-католиковъ привѣтствовалъ конгрессъ г. Филиппи, а отъ голландскихъ г. Фанъ-Тиль, говорившій за голландскаго архіепископа Гуля, тоже присутствовавшего на собраніи. Изъ представителей другихъ Церквей высказали привѣтствія конгрессу англо-американскій епископъ Хэль (отъ лица англо-американскаго епископата) и извѣстный историкъ Ниппольдъ (отъ евангелическаго въ Германіи союза). Было и еще нѣсколько привѣтствій.

епископъ — члены Святѣйшаго Синода, я имѣю порученіе какъ отъ комиссіи, такъ и отъ Первенствующаго члена Святѣйшаго Синода Высокопреосвященнѣйшаго митрополита Палладія искренно привѣтствовать вѣнскую старо-католическую общину и всѣхъ членовъ международнаго старо-католическаго конгресса и выразить молитвенное пожеланіе, да споспѣшествуетъ всемогущій Господь Богъ своею преизобильною благодатію всѣмъ благороднымъ истинно христіанскимъ стремленіямъ старо-католиковъ!¹⁾

Между рѣчами ораторовъ исполняемы были вокальныя и музыкальныя пьесы, такъ что „семейный“ старокатолической вечеръ кончился довольно поздно.

Организація конгресса (то есть выборъ его бюро) состоялась на слѣдующій день послѣ этого собранія, при чемъ были избраны слѣдующія лица: г. Филиппи — президентомъ, г.г. Бендель и Фанъ-Тиль — вице-президентами; д-ръ Вейбель, д-ръ Купперсъ и священникъ Шинделяръ — секретарями.

Что касается засѣданій конгресса, которымъ были посвящены три дня (среда, четвергъ и пятница) ^{20, 21, 22 авг.}_{1 2 4 сент.}, то они раздѣлялись на публичныя и непубличныя.

На первыхъ могъ присутствовать всякій желающій; назначеніе ихъ состоитъ въ томъ, чтобы знакомить лицъ, интересующихся старокатоличествомъ, съ его исторіею и современнымъ состояніемъ, а также вести дѣло пропаганды. Вторыя, въ которыхъ могли участвовать только члены конгресса, имѣли строго научный характеръ: на этихъ засѣданіяхъ докладывались рефераты и присходили дебаты по поводу подлежащихъ обсужденію конгресса заранѣе намѣченныхъ тезисовъ и предложеній.

Публичныхъ засѣданій было два: оба они присходили вечеромъ — первое въ среду, ^{20 авг.}_{1 сент.}, въ вѣнской евангелической церкви, какъ болѣе обширной, чѣмъ собственная церковь (Salvatorkirche) вѣнскихъ старокатоликовъ; второе — въ

1) Церковный Вѣстникъ 1897 г. № 38, стр. 1212 и 1213.

четвергъ, ^{21 авг.}_{2 сент.}, въ новой городской ратушѣ, на Ringstrasse. То и другое засѣданія посвящены были, главнымъ образомъ, изображенію возникновенія старокатоличества, исторіи его прошлаго, настоящаго и будущаго.

Въ нервомъ публичномъ засѣданіи конгресса первая рѣчь принадлежала архіепископу голландской Церкви Гулю, горячо убѣждавшему старокатоликовъ твердо стоять за исповѣдуемые ими принципы древней Церкви. Далѣе были произнесены рѣчи: швейцарскимъ епископомъ Герцогомъ — о возникновеніи старокатолическаго движенія въ Швейцаріи; германскимъ епископомъ Веберомъ, высказавшимъ глубокую благодарность вѣнскимъ старокатоликамъ за твердость ихъ религіозныхъ убѣжденій; администраторомъ вѣнской старокатолической общины д-ромъ Чехомъ, который, поблагодаривъ предшествовавшихъ ораторовъ, закончилъ свою рѣчь слѣдующими словами: „Если наша община и бѣдна совнѣ, за то она богата вѣрою и терпѣніемъ. Да иоможетъ намъ Богъ побѣдить время невзгодъ вѣрою!“

Во второмъ публичномъ засѣданіи произнесли рѣчи: г. Фанъ-Тиль — о старокатолическомъ движеніи во Франціи и о замѣтныхъ успѣхахъ старокатолицизма въ этой странѣ, особенно въ столицѣ Франціи — въ Парижѣ; д-ръ Куперсъ и проф. Нипиольдъ — о важности значенія старокатоличества, ирежній римскій миссіонеръ Dom Miraglia (на латинскомъ языкѣ) — о старокатолическомъ движеніи въ Италіи; адвокатъ д-ръ Вейбель — о будущности старокатолицизма (залогомъ успѣха этой будущности служитъ возвышенность старокатолическаго ученія); проф. Бендель сообщилъ нѣкоторыя данныя объ успѣхахъ старокатолическаго движенія въ Австріи; наконецъ, редакторъ „Русскаго Паломника“, А. И. Поповицкій прочиталъ на французскомъ языкѣ рѣчь, въ которой указалъ на то сочувствіе, съ которымъ относится къ старокатолическому движенію и къ его задачамъ, въ особенности къ главнѣшей изъ нихъ — соединенію Церквей, русская духовная пресса.

Непубличныхъ засѣданій конгресса было три $\frac{20}{1}$, $\frac{21}{2}$, $\frac{22 \text{ авг.}}{3 \text{ сен.}}$. Они происходили утромъ, послѣ литургіи, ¹⁾ въ старой городской ратушѣ, расположенной рядомъ съ небольшою, очень древнею по архитектурѣ, старокатолическою церковью (Salvatorkirche). По ранѣе составленной программѣ, на этихъ засѣданіяхъ предположено было подвергнуть обсужденію конгресса 8 тезисовъ научнаго характера и 9 предложеній чисто практическаго свойства.

Первый рефератъ предложенъ былъ докторомъ Вейбелемъ по поводу тезиса о невозможности осуществленія попытокъ римскаго папы привести отдѣлившіяся Церкви къ единству, такъ какъ папство стремится не къ соединенію, а къ безусловному подчиненію Церквей своей власти. Затронутый референтомъ вопросъ далъ возможность англо-американскому епископу Хэлю сдѣлать предложеніе отъ лица только что окончившей свои засѣданія Ламбетской (въ Лондонѣ) конференціи, на которой присутствовали около 200 епископовъ, о возобновленіи въ Боннѣ конференцій 1874 и 1875 г.г., для разсмотрѣнія разностей, отличающихъ независимыя отъ Рима Церкви одну отъ другой.

Это предложеніе вызвало оживленный обмѣнъ мыслей.

Протопресвитеръ І. Я. Янышевъ совершенно основательно указалъ на бесполезность возобновленія этихъ конференцій, по крайней мѣрѣ, для рѣшенія вопроса о соединеніи старокатоликовъ съ православною Церковью. ²⁾

1) Такимъ образомъ въ продолженіе конгресса были совершены три литургіи — первая двѣ въ евангелической церкви на Sumpendorfstrasse (это пользованіе для богослуженія церковью другого вѣроисповѣданія, вызванное, вѣроятно, тѣсною помѣщеніемъ въ собственной церкви, на насъ произвело весьма непріятное впечатлѣніе); послѣдняя, заупокойная, совершена была въ своей церкви (Salvatorkirche). Литургіи соединялись съ проповѣдью; во время литургіи пѣлъ мужской хоръ и игралъ органъ; во время второй литургіи прочитанъ былъ на латинскомъ языкѣ Символь вѣры, безъ слова Filioque (на двухъ другихъ литургіяхъ Символь вѣры не читался).

2) Онъ, между прочимъ, сказалъ: . . . „Православно-богословскія понятія объ общихъ основахъ православія и о частныхъ пунктахъ, отдѣ-

Это заявленіе весьма энергично было поддержано однимъ изъ старѣйшихъ старокатолическихъ священниковъ г. Каминскимъ, который, на основаніи долготѣняго опыта, пришелъ къ заключенію, что отъ подобныхъ конференцій невозможно ожидать ничего полезнаго ни для соединенія Церквей, ни для выясненія старо-католическаго ученія; мало того. возобновленіе боннскихъ конференцій, по мнѣнію г. Каминскаго, оказалось бы вреднымъ для самихъ старокатоликовъ, такъ какъ эти конференціи послужили бы для англиканъ однимъ изъ орудій сдѣлать изъ нихъ, старокатоликовъ, для себя „рабовъ“.

Тѣмъ не менѣе предолженіе епископа Хэля, поддержанное епископомъ Герцогомъ и проф. Ниппольдомъ, было принято, при чемъ была избрана комиссія изъ пяти лицъ для подготовленія конференціи, имѣющей быть въ Боннѣ въ 1898 году.

Изъ прочихъ рефератовъ, доложенныхъ на конгрессѣ, особеннаго вниманія заслуживаютъ рефераты священника старокатолической общины въ Пассау г. Гётца (о свв. Кириллѣ и Меодіѣ) и профессора Мишо (о Иоаннѣ Гуссѣ и Иеронимѣ Пражскомъ).

Г. Гетцъ доказывалъ, что первоучители славянскіе стояли на той же почвѣ семи вселенскихъ соборовъ, на которой стоятъ и старокатолики; противъ внесенія въ Символь вѣры слова *Filioque* Меодій возставалъ также, какъ старокатолики; славянскіе апостолы возставали, далѣе, противъ централизаціи

ляющихъ отъ него папство и протестантизмъ, не разъ уже высказаны нами старокатоликамъ и устно, и печатно: {зачѣмъ еще нужны намъ новыя конференціи? Вчера я позволилъ себѣ сообщить конгрессу, что не со стороны частныхъ лицъ, а со стороны уполномоченныхъ уже отъ русскаго Святѣйшаго Синода предприняты нѣкоторыя сношенія съ старокатолическою комиссіею, и въ этихъ сношеніяхъ сообщено, сколько я знаю, все существенное, что старокатоликамъ слѣдуетъ прежде всего имѣть въ виду, если они желаютъ каноническаго общенія съ нами: могутъ-ли, послѣ этого, наши богословы на новыхъ конференціяхъ сказать-что-либо новое? Для меня, признаюсь, сомнительно: полезны-ли безконечныя разсужденія о догматахъ вѣры для самихъ старокатоликовъ?“ Церковный Вѣстникъ 1897 г. № 39, стр. 1250.

римской Церкви, защищая самостоятельность славянской Церкви; против той же централизации возстают и старокатолики; наконец, славянские апостолы, не смотря на запрещеніе папы и на законъ о латинскомъ церковномъ языкѣ, боролись за введеніе славянской литургіи и за существованіе славянскаго церковнаго языка; за введеніе національныхъ языковъ въ церковное богослуженіе борются и старокатолики. Возвратившись къ духу и вѣрѣ свв. Кирилла и Меодія, славяне-католики нашли бы вмѣстѣ съ тѣмъ утраченную ими, исторически доказанную, связь съ православными восточными Церквами — таково заключеніе доложеннаго г. Гетцемъ (четвертаго ¹⁾) тезиса.

Изъ вызваннаго весьма важнымъ и интереснымъ рефератомъ г. Гетца обмѣна мыслей между членами конгресса обнаружилось, что стремленіе къ образованію національныхъ независимыхъ отъ Рима Церквей несомнѣнно существуетъ среди славянъ, живущихъ въ Чехіи и Моравіи. Можно поэтому надѣяться, что многіе изъ нихъ примкнутъ къ старокатолическому движенію.

Въ тѣсной связи съ рефератомъ г. Гетца находился непосредственно слѣдовавшій за нимъ рефератъ проф. Мишо, по поводу пятаго тезиса слѣдующаго содержанія: „Чуждый всякой политики и всякой политической партіи, стоя исключительно на почвѣ религіи, IV' интернаціональный старокатолическій конгрессъ объявляетъ, что осужденіе и сожженіе Іоанна Гусса и Іеронима Пражскаго Констанскимъ соборомъ онъ осуждаетъ, какъ мѣру не католическую и не христіанскую. Онъ объявляетъ далѣе, что чехи имѣютъ право и религіозную обязанность приступить къ основанію національной Церкви, подобно другимъ національнымъ Церквамъ, и высказываетъ

1) Третій тезисъ о томъ, что старокатолицизмъ держится принципа національной церковности, предложенный старокатолическимъ священникомъ (изъ Готтесберга) Адольфомъ Тобіасомъ, на конгрессъ былъ присоединенъ къ тезису г. Гетца.

Второй тезисъ объ ультрамонтанствѣ и гибельныхъ его послѣдствіяхъ предложенъ былъ и доложенъ на конгрессъ администраторомъ вѣнской старокатолической общины Милошемъ Чехомъ.

горячее желаніе, чтобы это патріотическое, святое дѣло удалось исполнить, при помощи Божіей.¹⁾

Изъ 9 значившихся въ программѣ предложеній, подлежащихъ рассмотрѣнію конгресса, первыя четыре — о выраженіи благодарности редакціи интернаціональнаго богословскаго журнала за ея труды; объ открытіи интернаціональнаго богословскаго факультета въ Бернѣ; о матеріальной поддержкѣ тѣхъ священниковъ, которые, получивъ образованіе и посвященіе въ римской Церкви, за тѣмъ желаютъ перейти въ старокатолическую и имѣютъ въ виду въ соотвѣтственныхъ богословскихъ учебныхъ заведеніяхъ ознакомиться съ сущностью старокатолическаго движенія, и объ образованіи для этой цѣли интернаціональнаго денежнаго капитала, — предложенныя швейцарскимъ епископомъ Герцогомъ, были приняты конгрессомъ; прочія пять предложеній, тоже чисто практическаго свойства, не были доложены конгрессу, такъ какъ предложившій ихъ священникъ Меннъ изъ Фрейбурга на конгрессъ не явился.

Въ заключеніе доложены были многочисленныя привѣтственные письма и телеграммы, полученныя на имя конгресса (между прочимъ, отъ константинопольскаго патріарха) и состоялось совѣщаніе о времени и мѣстѣ будущаго интернаціональнаго старокатолическаго конгресса. Онъ предположенъ въ 1899 году въ одномъ изъ городовъ южной Германіи (Мюнхенѣ или Пассау).

1) Изъ слѣдующихъ, подлежащихъ (по программѣ) обсужденію конгресса тезисовъ, шестой тезисъ, имѣющій въ виду защиту философіи австрійскаго ученаго Антона Гюнтера, осужденной папою Пиемъ IX, предложенный епископомъ Веберомъ, былъ взятъ докладчикомъ обратно.

Послѣдніе два тезиса — седьмой, выражающій ту мысль, что центр тяжести старокатолицизма заключается не столько въ полемикѣ противъ искаженія римскою Церковью церковнаго ученія, дисциплины и богослуженія, сколько въ созданіи истиннаго католицизма въ трехъ указанныхъ направлєніяхъ, не столько въ отрицательной, сколько въ положительной работѣ, и восьмой, гласящій: „старокатолицизмъ по своему существу истинно—консервативенъ и истинно—либераленъ; проведенный послѣдовательно онъ есть примиреніе государства и Церкви, авторитета и свободы“ — были предложены и доложены на конгрессѣ тѣмъ же епископомъ Веберомъ.

Для полноты описанія всего происходившаго на конгрессѣ необходимо упомянуть еще о состоявшемся въ 3 часа дня ^{21 авг.} _{2 сент.} банкетѣ участниковъ конгресса. Банкетъ происходилъ въ Ronachersaal'ѣ и отличался большимъ воодушевленіемъ. На этомъ банкетѣ, въ отвѣтъ на сердечную рѣчь епископа Герцога, въ которой онъ съ благодарностію напомнилъ присутствующимъ о постоянномъ сочувствіи къ старокатоликамъ со стороны восточной Церкви и которую закончилъ тостомъ за протопресвитера І. Л. Янышева и А. А. Кирѣева, почтенный протопресвитеръ съ неменьшею сердечностію высказалъ, чѣмъ вызывается это сочувствіе православныхъ людей къ старокатолическому движенію: „Развѣ можно, сказалъ онъ, не сочувствовать старокатолическому движенію? Развѣ можно всякому, сколько нибудь знакомому со словомъ Божіимъ и исторіею древней Церкви и не лишенному чувства чести и здраваго смысла человѣку, — развѣ можно ему, просто какъ человѣку, оставаться равнодушнымъ, когда онъ ясно видитъ, что неправда, явная ложь выдается всему міру за истину, открытую самимъ Богомъ, за такую истину, непризнание которой подвергаетъ будто бы человѣка проклятію, осужденію на вѣчныя муки? Развѣ не позоръ для стараго цивилизованнаго Запада, для католическаго именно Запада, что онъ въ 1870 году, въ лицѣ знатнѣйшихъ и просвѣщеннѣйшихъ своихъ іерарховъ, сначала нѣсколько встерпенулся было на защиту Христова Евангелія, но скоро иотомъ и постыдно поникъ и преклонился предъ тѣмъ, что сами же эти іерархи во всеуслышаніе проповѣдывали какъ ложь? Развѣ можно послѣ этого не сочувствовать отъ всего сердца христіанамъ, мужамъ науки и чести, которымъ измѣнили ихъ іерархи, — которые самоотверженно возстали за Христово Евангеліе и вотъ уже болѣе 25ти лѣтъ несутъ на себѣ, подобно древнимъ подвижникамъ, всѣ, только вамъ однимъ извѣстныя, тяжкія послѣдствія вашего великаго предпріятія? Для насъ, восточныхъ и русскихъ христіанъ, вы, въ вашемъ лицѣ, спасаете вѣру въ существованіе на католическомъ Западѣ честной богословской

науки и истинно христіанскаго, чуждаго іезуитизму и политикѣ, настроенія.

Не могу не сочувствовать вамъ и какъ сознательно вѣрующій христіанинъ: вѣдь та почва, на которой вы, вынужденные искать христіанскую правду, остановились, есть единственно твердая и здоровая, богатая несомнѣнными свидѣтельствами о томъ, какъ усвоено и введено въ жизнь міра Евангеліе и въ чемъ состоитъ наше временное и вѣчное спасеніе! Безъ древней Церкви седми вселенскихъ соборовъ для насъ не было бы христіанской истины, какъ не было-бы въ мірѣ и христіанства вообще.

И какъ патріотъ, я вполне сочувствую сближенію съ вами, ибо знаю, что для русскаго, какъ и для всякаго другого народа, только тогда возможны нормальный ростъ и всестороннее развитіе его силъ и благосостоянія, когда онъ живетъ не замкнуто въ себѣ, а напротивъ, охраняя твердо свою индивидуальность, поддерживаетъ честныя сношенія съ другими народами, умѣетъ цѣнить ихъ достойныя уваженія качества, а вмѣстѣ умѣетъ и другихъ заставлять уважать и себя.

Особенно же теперь, послѣ сегодняшняго засѣданія, не могу не выразить вамъ глубокаго сочувствія, какъ славянинъ: вѣдь всѣ эти тезисы и одушевленные рѣчи о свв. Кириллѣ и Меѳодіѣ, объ Іоаннѣ Гуссѣ и Іеронимѣ Пражскомъ, эти пожеланія, чтобы у славяно-католиковъ возникли Церкви ихъ святыхъ первоучителей, эти убѣжденія, что такія Церкви составляютъ существенное условіе національной самостоятельности и независимости отъ Рима, все это затрагиваетъ самыя глубокія и жизненныя потребности славянскаго міра, есть нѣчто намъ вполне родное и въ высшей степени дорогое. Отъ славянскаго сердца поэтому возглашаю конгрессу, его высокозаслуженному предсѣдателю и всей старокатолической высокопреподобнѣйшей іерархіи не нѣмецкое *hoch*, а русское „ура“! ¹⁾

1) Церковный Вѣстникъ 1897 г. № 39, стр. 1253 и 1254.

Такъ происходилъ IV' интернаціональный старокатолическій конгрессъ въ Вѣнѣ.

Какое-же заключеніе о старокатоличествѣ можно сдѣлать изъ всего сказаннаго? Конечно, стремленія старокатоликовъ суть стремленія добрыя и искреннія; тѣмъ не менѣе, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ они еще недостаточно тверды и ясны. Такъ, ища соединенія съ православными Церквами, старокатолики вмѣстѣ съ тѣмъ сближаются съ протестантами, а также съ послѣдователями англиканскаго исповѣданія¹⁾. За тѣмъ, остаются у старокатоликовъ еще нѣкоторые остатки римскихъ заблужденій и предубѣжденій. Наконецъ, старокатолики германскіе, французскіе, швейцарскіе и голландскіе — далеко еще не пришли къ полному соглашенію между собою и, какъ мы видѣли,²⁾ еще не рѣшаются проводить въ практику церковную то, что уже признается ими въ теоріи.

Будемъ, однако, надѣяться, что искренняя готовность старокатоликовъ употребить всѣ усилія, принести всякаго рода жертвы для великаго дѣла соединенія съ православною восточною Церковью приведутъ это дѣло къ желаемому концу. И кто знаетъ — быть можетъ, это соединеніе Церквей будетъ

1) Съ послѣдними, какъ говоритъ г. Керенскій, старокатолики даже вступали не разъ въ *interview* и черезъ это сами нарушали выставленное ими же самими положеніе о возсоединеніи Церквей на почвѣ ученія древне-нераздѣльной Церкви. См. статьи г. Керенскаго, напечатанныя въ Православномъ Собесѣдникѣ (1897 г. №№ 10—12): „Къ старокатолическому вопросу. Отвѣтъ старокатолическому епископу Веберу“ и „Четвертый интернаціональный старокатолическій конгрессъ и его значеніе въ исторіи старокатолическаго движенія“.

2) См. выше стр. 10 и 11. Противъ сдѣланнаго г. Керенскимъ въ этомъ отношеніи старокатоликамъ упрека возражаетъ проф. Э. Мишо: „Старокатолическая Церковь, говоритъ онъ, никогда не входила въ какія либо официальные отношенія съ Церквями протестантскими. Бывали личныя сношенія между какимъ-нибудь старокатоликомъ и какимъ-нибудь протестантомъ, но, повторяю, между тою и другою Церковью никогда никакихъ отношеній не было.“ (Москов. Вѣдомости за 1898 г. № 35 отъ 4 февраля.)

первымъ шагомъ къ единенію всего христіанскаго міра, къ устраненію прискорбнаго, многовѣковаго и въ глазахъ нехристіанъ укоризненнаго раздѣленія въ христіанской Церкви!

Въ православной Церкви, вмѣстѣ съ молитвою о соединеніи Церквей, всегда жила и живетъ надежда, что соединеніе это будетъ когда нибудь восстановлено. Какимъ славнымъ событіемъ завершился бы XIX вѣкъ, если бы въ концѣ его былъ сдѣланъ этотъ первый шагъ!



Приложеніе.

Матеріалы, относящіеся къ вопросу о соединеніи старокатоликовъ съ православными ¹⁾.

I.

Донесеніе С.-Петербургской Коммиссіи Св. Синоду.

По указу Святѣйшаго Правительствующаго Синода отъ 15 Декабря 1892 г. за № 5038 составленная Коммиссія, приступивъ къ выясненію тѣхъ условій и требованій, какія могли бы быть положены въ основу переговоровъ со старокатоликами, ищущими общенія съ православною восточною Церковью, усмотрѣла необходимость прежде всего выяснить, кого слѣдуетъ разумѣть подъ старокатоликами. Это имя усвояютъ себѣ многіе изъ западныхъ христіанъ, несогласные съ другими старокатоликами ни въ богословскихъ убѣжденіяхъ, ни въ стремленіяхъ.

Коммиссія понимаетъ подъ старокатоликами только западныхъ христіанъ трехъ мѣстныхъ Церквей: утрехтской (въ Голландіи), германской и швейцарской, составляющихъ паству архіепископа Гуля и епископовъ Рейнкенса и Герцога, такъ какъ лишь эти старокатолики имѣютъ болѣе или менѣе опредѣлившуюся церковную организацію, установившееся богослуженіе и авторизованныя книги догматическаго и отчасти каноническаго характера.

Средства, которыми располагала Коммиссія для составленія своего сужденія объ этихъ старокатоликахъ, были слѣдующія:

1. Такъ называемое Утрехтское объявленіе, подписанное 24 (12) Сентября 1889 г. всѣми пятью старокатолическими епископами того времени.

2. Руководство къ обученію католической вѣрѣ въ высшихъ

¹⁾ Извлечены изъ „Церковнаго Вѣстника“ 1896 г. №№ 37, 38, 39 и 1897 г. № 39.

школахъ, изданное (проф. Лангеномъ) по порученію старокатолическаго синода въ Боннѣ 1875 г.

3. Катихизисъ, изданный въ Боннѣ (въ 1875 г.) по порученію старокатолическаго синода.

4. Христово-каоолическій катихизисъ (швейцарскихъ старокатоликовъ), Бернъ 1889 г.

5. Книга литургическихъ молитвословіи съ приложеніемъ книги пѣснопѣній, Маннгеймъ 1885 г.

и 6. Книга молитвъ христово-каоолической швейцарской Церкви, Бернъ 1889 г.

Только первый изъ этихъ памятниковъ имѣетъ важность непреерекаемо документальную. «Руководство» же и оба «Катехизиза», по воззрѣнію самихъ старокатоликовъ, достаточно вѣрно излагаютъ ихъ вѣроученіе, но значенія символическихъ книгъ не имѣютъ и могутъ быть (авторитетомъ старокатолическихъ синодовъ) въ нѣкоторыхъ подробностяхъ и исправлены и дополнены.

Памятника, излагающаго вѣроученіе утрехтской Церкви, въ отношеніи къ прочимъ старокатоликамъ, германскимъ и швейцарскимъ, Церкви-матери, Коммиссія не имѣла. Но церковное общеніе утрехтской Церкви со старокатоликами германскими и швейцарскими показываетъ, что ни въ чемъ догматическомъ разности между нею и прочими старокатоликами не существуетъ.

Для составленія сужденія о старокатоликахъ въ ихъ прошедшемъ, Коммиссія имѣла слѣдующія данныя:

1. «Перечень догматическихъ» (6 пунктовъ) и главныхъ обрядовыхъ (и каноническихъ) разностей (7 пунктовъ), отличающихъ западную Церковь отъ православной восточной¹⁾.

¹⁾ Этотъ «Перечень» напечатанъ въ «Сборникѣ Протоколовъ» Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія. С.-Петербургскій отдѣлъ. Второй годъ 1873—1874. С.-Петербургъ 1874». стр. 428—434. Догматическія разности: 1. О Церкви и ея главѣ (представленіе о римскомъ епископѣ какъ *episcopus ecclesiae universalis* и его *plenitudo potestatis ecclesiasticae*). — 2. О Св. Духѣ (*Filioque*). — 3. О Пресвятой Дѣвѣ (*immaculata conceptio*). — 4. О добрыхъ дѣлахъ (сверхдолжныя заслуги). — 5. О грѣхахъ (*satisfactio*; индугенціи). — 6. О загробной жизни (чистище). Каноническія и обрядовыя разности: 1. О символѣ вѣры (вставка слова *Filioque*). — 2. О таинствѣ крещенія (обливаніе). — 3. О таинствѣ миропомазанія (особенности конфирмаціи). — 4. О таинствѣ евхаристіи (опрѣсноки; моментъ освященія; *sub panis*; нѣтъ причащенія дѣтей). — 5. О таинствѣ покаянія (*satisfactio*). — 6. О таинствѣ брака (целибатъ духовенства). — 7. О таинствѣ елеосвященія (*extrema unctio*).

Этотъ перечень составленъ С.-Петербургскимъ Отдѣломъ общества любителей духовнаго просвѣщенія въ 1874 г. Въ отвѣтъ на перечень въ томъ же году отъ старокатоликовъ получены были —

2. «Замѣчанія на схему quaestionum contraversarum».

и 3. Отчетъ о засѣданіяхъ двухъ боннскихъ конференцій, бывшихъ въ 1874 и 1875 г.г.

Сравненіе «Перечня» съ «Руководствомъ», «Катехизисами» и особенно съ «Утрехтскимъ объявленіемъ» дало Комиссіи возможность убѣдиться, что старокатолики съ 1874 г. значительно приблизились къ православной Церкви.

Высоковажное для старокатоликовъ «Утрехтское Объявленіе»¹⁾ касается не всѣхъ догматическихъ вопросовъ.

¹⁾ Вотъ самый текстъ «Объявленія»:

«Во имя Пресвятыя Троицы».

Іоаннъ Гейкамъ, архіепископъ утрехтскій,

Каспаръ Іоаннъ Ринкель, епископъ гаарлемскій,

Корнелій Дипендаль, епископъ девентерскій,

Іосифъ Губертъ Рейнкенсъ, епископъ германской старокатолической Церкви,

Эдуардъ Герцогъ, епископъ швейцарской христово-католической Церкви,

собравшись сего двадцать четвертаго сентября тысяча восемьсотъ восемьдесятъ девятаго года въ архіепископскомъ подворьѣ въ Утрехтѣ и призвавъ Святаго Духа, издаемъ (erlassen) нижеслѣдующее заявленіе

къ католической Церкви.

Собравшись вслѣдствіе приглашенія соподписавшагося архіепископа утрехтскаго, для собесѣдованія, мы положили: впредь отъ времени до времени собираться вмѣстѣ для совѣщанія объ общихъ дѣлахъ съ участіемъ нашихъ помощниковъ, совѣтниковъ и богослововъ.

При семъ первомъ собраніи нашемъ считаемъ благопотребнымъ въ общемъ заявленіи кратко изложить тѣ церковныя основоположенія, сообразно съ которыми мы до сихъ поръ исправляли нашу епископскую должность и будемъ исправлять на будущее время и которыя мы порознь неоднократно имѣли случай высказывать.

1. Мы твердо держимся древнецерковнаго основнаго правила, которое Викентій Лиринскій выразилъ въ положеніи: *id tepeamus, quod ubique, quod semper, quod ab omnibus creditum est; hoc est enim vere proprieque catholicum* (мы держимся того, во что вѣрили повсюду, во что вѣрили всегда, во что вѣрили всѣ: потому что это только и есть въ истинномъ и собственномъ смыслѣ вселенское).

Два послѣдніе его пункта, 7-ой и 8-й, выражаютъ упованіе, что усилія богослововъ — достигнуть соглашенія относительно разностей между Церквами, проявляемыя не въ такой полемикѣ, которая, погрѣшая противъ истинной любви, только оскорбляетъ и раздражаетъ противниковъ, но въ справедливомъ обсужденіи существующихъ разностей, согласномъ съ духомъ любви христіанской, — нѣкогда увѣнчаются успѣхомъ, и что вѣрное храненіе ученія Христова, съ устраненіемъ всякихъ примѣшавшихся къ нему по

Посему мы твердо держимся вѣры древней Церкви, какъ она выражена во вселенскихъ символахъ и во всеобще признанныхъ догматическихъ опредѣленіяхъ вселенскихъ соборовъ нераздѣленной Церкви перваго тысячелѣтія.

2. Отвергаемъ ватиканскіе декреты отъ 18 Іюля 1870 года о непогрѣшимости и объ универсальномъ епископствѣ или о церковномъ всевластїи римскаго папы, какъ противорѣчащїе вѣрѣ древней Церкви и разрушающїе древнецерковное устройство. Но это не препятствуетъ намъ признавать историческое первенство, какъ оно усвоено было римскому епископу, какъ первому среди равныхъ (*primus inter pares*), многими вселенскими соборами и отцами древней Церкви съ согласія всей Церкви перваго тысячелѣтія.

3. Отвергаемъ также объявленіе Пія IX отъ 1854 г. о «непорочномъ зачатїи Марїи», какъ не имѣющее основанія въ священномъ писанїи и преданїи первыхъ столѣтїй.

4. Что касается другихъ, изданныхъ въ послѣднія столѣтія римскимъ епископомъ догматическихъ декретовъ, буллъ: *Unigenitus*, *Auctorem fidei*, силлабуса 1864 года и т. д., то мы отвергаемъ ихъ, по скольку они противорѣчатъ ученію древней Церкви, и не признаемъ обязательными (*massgebend*). Кромѣ того возобновляемъ всѣ тѣ протесты, которые въ прежнее время уже сдѣлала Риму древняя голландская католическая Церковь.

5. Мы не приемлемъ тридентинскаго собора въ его опредѣленїяхъ, касающихся дисциплины, и догматическія его опредѣленїя приемлемъ лишь настолько, насколько они согласны съ ученіемъ древней Церкви.

6. Принимая во вниманїе, что святая евхаристїя издревне составляла истинное средоточїе богослуженія въ католической Церкви, считаемъ своею обязанностью заявить также, что мы со всею вѣрностію въ цѣлости и твердо содержимъ древнюю католическую вѣру относительно святаго таинства алтаря, вѣруя, что подъ видами хлѣба и вина мы приемлемъ тѣло и кровь Господа нашего Іисуса Христа.

Евхаристическое богослуженіе въ Церкви не есть продолжающееся повтореніе или возобновленіе примирительной жертвы, однажды на всегда принесенной Христомъ на крестѣ; но жертвенный его характеръ состоитъ въ томъ, что оно есть не престаю-

человѣческой винѣ заблужденій и злоупотребленій, есть наилучшій залогъ успѣха въ борьбѣ съ современнымъ невѣріемъ и религіознымъ равнодушіемъ. Коммиссія могла только присоединиться къ этимъ благимъ упованіямъ.

Равно не подлежали спору и первый пунктъ «Объявленія», что *quod ubique, quod semper, quod ab omnibus creditum est, hoc est vere proprieque catholicum*, и согласное съ этимъ началомъ завѣреніе старокатоликовъ, что они «твердо» держатся «вѣры древней Церкви, какъ она выражена во вселенскихъ символахъ и во всеобщепризнанныхъ догматическихъ опредѣленіяхъ вселенскихъ соборовъ нераздѣленной Церкви перваго тысячелѣтія». — Что подъ этими «вселенскими соборами» старокатолики разумѣютъ именно семь вселенскихъ соборовъ, видно изъ швейцарскаго катихизиса и изъ заявленій ихъ объ этомъ въ Люцернѣ.

Два другіе (4 и 5) пункта, въ которыхъ старокатолики выражаютъ свой протестъ противъ извѣстныхъ римскихъ буллъ и

шее воспоминаніе ея и совершающееся на землѣ дѣйствительное присутствіе того единаго приношенія Христа за спасеніе искупленнаго человѣчества, которое, по Евр. IX, 11, 12, продолжаетъ совершаться Христомъ на небѣ, такъ какъ Онъ нынѣ предстоить за насъ предъ лицомъ Божиимъ (Евр. IX, 24).

При такомъ характерѣ евхаристіи въ отношеніи Христовой жертвѣ, она есть въ то же время освященная жертвенная вечеря, въ которой вѣрующіе, причащающіеся тѣла Господня и крови Господней, имѣютъ общеніе между собою (1 Кор. X, 17).

7. Надѣмся, что усиліямъ богослововъ удастся, твердо держась вѣры нераздѣленной Церкви, достигнуть соглашенія относительно разностей, возникшихъ со времени церковныхъ раздѣленій. Священниковъ, подлежащихъ нашему руководству, мы увѣщаемъ: имѣть въ проповѣдяхъ и на урокахъ на первомъ планѣ существенныя христіанскія истины вѣры, исповѣдуемая всѣми, раздѣленными въ церковномъ отношеніи, вѣроисповѣданіями; при обсужденіи существующихъ еще противорѣчій старательно избѣгать всякаго оскорбленія истины и любви. — и словомъ и примѣромъ располагать членовъ нашихъ общинъ относительно иновѣрныхъ держать себя по духу Іисуса Христа, который есть Искупитель всѣхъ насъ.

8. Твердо и со всею вѣрностью содержа ученіе Іисуса Христа, отклоняя отъ себя всѣ примѣшавшіяся къ нему по человѣческой винѣ заблужденія, всѣ церковныя злоупотребленія и іерархическія домогательства, мы надѣмся съ наибольшимъ успѣхомъ противодѣйствовать невѣрію и религіозному равнодушію — наихудшему злу нашего времени.

Дано въ Утрехтѣ, 24 Сентября 1889 года. (*Слѣдуютъ подписи вышепоименованныхъ архіепископовъ и епископовъ*).

дисциплинарныхъ опредѣленій тридентинскаго собора, Коммиссія не признала нужнымъ подвергать обсужденію, такъ какъ православная Церковь не признаетъ никакого авторитета за этими буллами и соборомъ.

Со всею опредѣленностью «Объявленіе» (3 пунктъ) отвергаетъ папскій догматъ о непорочномъ зачатіи пресвятой Дѣвы Маріи. Такъ какъ и въ Катихизисахъ, и Руководствѣ нѣтъ и слѣдовъ этого ученія, то Коммиссія признала, что въ этомъ пунктѣ старокаатолики не разногласятъ съ православною Церковью.

Во второмъ пунктѣ «Объявленія» старокаатолическіе епископы столь опредѣленно высказываются объ истинномъ смыслѣ историческаго первенства римскаго епископа, что Коммиссія признала, что и въ ученіи о Церкви и ея Главѣ въ настоящее время разности между православною Церковью и старокаатоликами не существуютъ.

Такъ какъ ни въ Руководствахъ, ни въ Катихизисахъ въ ученіи о добрыхъ дѣлахъ, грѣхахъ и загробной жизни не встрѣчается тѣхъ особенностей, которыя отличаютъ римско-каатолическую Церковь отъ православной; то Коммиссія признала, что въ этихъ пунктахъ ученія старокаатолики не разногласятъ съ православною Церковью.

Такимъ образомъ изъ шести указанныхъ въ 1874 году догматическихъ разностей въ настоящее время остается въ силѣ одна: вопросъ объ исхожденіи Св. Духа.

Но въ постановкѣ и этой разности произошла уже *существенная* перемѣна. Смыслъ этой перемѣны выясняется, однако, лишь съ точки зрѣнія старокаатоликовъ на самихъ себя.

Старокаатолики ищутъ не *присоединенія* къ православной *Восточной* Церкви въ качествѣ обращающихся изъ *ереси* или *раскола*. Они думаютъ, что теперь, устранивъ изъ своего ученія всѣ нововведенія римско-каатолической Церкви, они не содержатъ никакого ложнаго ученія. И они желаютъ, чтобы православная Церковь отнеслась къ нимъ такъ же, какъ православная восточная времени вселенскихъ соборовъ относилась къ современной западной Церкви, посмотрѣла на нихъ такъ, какъ въ свое время восточные христіане, ученики Аѳанасіевъ, Василіевъ, Григоріевъ, Іоанновъ. Кирилловъ, смотрѣли на западныхъ христіанъ, учениковъ Иларіевъ, Амвросіевъ, Августиновъ, Львовъ, т. е., не смотря на особенности ихъ западнаго обряда, строя и личнаго богословскаго

мышленія, признала тождество содержимой ими, старокатоликами, православной вѣры съ тою католическою вѣрою, которую содержитъ сама православная восточная Церковь и — на основаніи этого тождества въ необходимомъ — удостоила ихъ своего общенія.

По мнѣнію старокатоликовъ эта «*in necessariis unitas*» между ними и православною Церквю существуетъ съ того мгновенія, какъ они устранили слово «*Filioque*» изъ символа, и тѣмъ самымъ торжественно признали, что ученіе объ исхожденіи Св. Духа *и отъ Сына* не есть догматъ.

Но устранили это слово изъ символа старокатолики не потому только, что оно было позднѣйшею западною прибавкою къ символу и внесено было туда канонически неправильно, но и не потому, что они пришли къ убѣжденію, что въ «*Filioque*» проповѣдуется ученіе *ложное*. Они только полагають, — и въ этомъ *существенное различіе* ихъ отъ папистовъ, — что воззрѣніе, содержащееся въ словѣ *Filioque*, никакъ не можетъ быть *догматомъ*, т. е. истинною необходимою для вѣчнаго спасенія и потому обязательно всѣми христіанами содержимою, — потому не можетъ быть, что вселенская нераздѣленная Церковь этого ученія не проповѣдала, и слѣдовательно оно не содержится въ апостольскомъ залогѣ вѣры.

Но изъ этого для старокатоликовъ не слѣдуетъ еще, что догматическая истина содержится въ прямо противоположномъ *Filioque* воззрѣніи: *Св. Духъ ни въ какомъ смыслѣ не исходитъ и отъ Сына*, т. е. не слѣдуетъ, что *Filioque* не *по формѣ выраженія* только, но и *по содержанію* ложно. *Догматомъ* не можетъ быть, по мнѣнію старокатоликовъ, и это противоположное воззрѣніе, — не можетъ по тѣмъ же самымъ основаніямъ, которыя ими предъявляются противъ *Filioque*.

Старокатолики желали бы, поэтому, чтобы православная Церковь не осуждала ихъ за то, что они, слѣдуя нѣкоторымъ западнымъ отцамъ и учителямъ, держатся *Filioque*, какъ частнаго богословскаго мнѣнія, ни для кого — однако — необязательнаго. Они завѣряють, что въ этомъ частномъ мнѣніи, *какъ они его понимаютъ*, не содержится никакого оттѣнка, несогласнаго съ православнымъ догматомъ. Такъ, они со всею рѣшительностью отклоняють подозрѣніе, будто они не признають Отца единымъ виновникомъ бытія Сына и Духа и будто Сына почитають вторымъ началомъ Св. Духа. То филиоквистическое представленіе, которое они, старокатолики, осудить не рѣшаются, по содержанію своему,

какъ они думаютъ, не противорѣчить ученію и свв. отцевъ восточныхъ времени нераздѣленной Церкви.

Такъ какъ ученіе свв. отцевъ восточныхъ и западныхъ старокатоликамъ вполне извѣстно и такъ какъ, съ другой стороны, вѣрными истолкователями своихъ личныхъ богословскихъ мнѣній могутъ быть сами старокатолики, то Коммиссія и полагаетъ, что слѣдуетъ предоставить ихъ собственной богословской совѣсти рѣшить, ихъ личныя воззрѣнія согласны-ли со слѣдующими положеніями:

«1. Вѣруемъ, яко Отецъ есть вина Сына и Духа: Сына чрезъ рожденіе, Духа же Святаго чрезъ исхожденіе. Отецъ рождаетъ Сына и изводитъ Святаго Духа, Сынъ же рождается отъ Отца, и Духъ Святой исходитъ отъ Отца. И тако чтемъ единое начало и признаемъ Отца единою виною Сына и Духа.

*Изъ Чина исповѣданія и обѣщанія
архіерейскаго, листъ 2-й, оборотъ.*

2. Въ богословскихъ умозрѣніяхъ избѣгаемъ всякаго образа представленія и выраженія, въ которомъ сколько нибудь признавались бы во святой Троицѣ двѣ вины или два начала, хотя бы таковыя понимались и не въ одинаковомъ смыслѣ, напр. Сынъ признавался бы началомъ вторичнымъ или вторичною виною Св. Духа; или хотя бы Отецъ и Сынъ мыслились соединенными въ одно начало для изведенія Св. Духа.

3. Предоставляемъ богословскому умозрѣнію и изслѣдованію разъясненіе встрѣчающагося у нѣкоторыхъ свв. отцевъ и учителей Церкви воззрѣнія о просіяніи Св. Духа чрезъ Сына (τὸ Πνεῦμα τὸ ἅγιον ἐκ τοῦ Πατρὸς δ' Ἰησοῦ φανεροῦται, ἢ πέφηνεν, ἢ ἐκλάμπει, ἢ πρόεισι, ἢ ἐκπορεύεται), относить ли это просіяніе отъ Отца чрезъ Сына только ко временному посланію Св. Духа въ міръ для благодатствованія тварей, или оно можетъ быть мыслимо и въ вѣчной жизни Божества.»

Никогда въ предшествующее время полемисты не предполагали, что между православною Церковію и римско-католическою можетъ быть догматическое различіе въ ученіи объ евхаристіи. Но въ 6-мъ пунктѣ «Утрехтскаго Объявленія» старокатолическіе епископы «считаютъ своею обязанностью заявить, также, что они

со всею вѣрностью въ цѣлости и твердо содержать древнюю каволическую вѣру относительно святаго таинства алтаря, вѣруя, что подъ видами хлѣба и вина мы приедемъ тѣло и кровь Господа нашего Иисуса Христа. Евхаристическое богослуженіе въ Церкви не есть продолжающееся повтореніе или возобновленіе примирительной жертвы, однажды навсегда принесенной Христомъ на крестѣ; но жертвенный его характеръ состоитъ въ томъ, что оно есть не престающее воспоминаніе ея и совершающееся на землѣ дѣйствительное присутствіе того единаго приношенія Христа за спасеніе искупленнаго Имъ человѣчества, которое, по Евр. IX, 11, 12, продолжаетъ совершаться Христомъ на небѣ, такъ какъ Онъ нынѣ предстоитъ за насъ предъ лицомъ Божиимъ (Евр. IX, 24). При такомъ характерѣ евхаристіи въ отношеніи къ Христовой жертвѣ, она есть въ тоже время освященная жертвенная вечеря, въ которой вѣрующіе, причащающіеся тѣла Господня и крови Господней, имѣютъ общеніе между собою (1 Кор. X, 17)».

Изъ этого усматривается нижеслѣдующее:

1. Исповѣдуя, что во св. евхаристіи вѣрующіе приедаютъ Самого Христа, старокатолическіе епископы не высказываютъ ясно, что хлѣбъ и вино въ евхаристіи суть самое тѣло и самая кровь Христа вслѣдствіе «преложенія» — «пресуществленія».

2. Выраженіе «Утрехтскаго Объявленія», что евхаристія «есть совершающееся на землѣ дѣйствительное присутствіе того единаго приношенія, которое продолжаетъ совершаться Христомъ на небѣ», — по буквѣ не устраняетъ возможности такого пониманія, что хлѣбъ и вино въ евхаристіи суть тѣло и кровь Господа per impanationem, вслѣдствіе ubiquitas corporis et sanguinis Christi; или же вслѣдствіе того, что «вознесшееся тѣло съ небесе нисходитъ».

3. Въ «Руководствѣ» и «Катихизисахъ» въ ученіи о св. евхаристіи нѣтъ упоминанія о «преложеніи» — «пресуществленіи».

4. А въ своей миссѣ старокатолики слова «sanctum, sacrificium, immaculatam hostiam» замѣняютъ почему-то догматическою идеею о Христѣ — вѣчномъ первосвященникѣ, нынѣ предстоящемъ за насъ предъ лицомъ Божиимъ.

5. Но, съ другой стороны, въ «Утрехтскомъ Объявленіи» старокатолическіе епископы заявляютъ: «со всею вѣрностью *въ цѣлости* и твердо содержимъ *древнюю каволическую вѣру* относительно святаго таинства алтаря.»

Въ виду всего этого Коммиссія полагаетъ:

Такъ какъ въ *догматъ* о св. евхаристіи православная восточная каѳолическая Церковь согласна съ римско-католическою (папистическою) и, какъ и эта послѣдняя, не согласуется съ представленіями протестантовъ и реформатовъ, то намъ, не близко стоящимъ къ наличнымъ теченіямъ въ церковной жизни запада, непонятно, въ чемъ именно старокатолическіе епископы усматриваютъ «свою обязанность» высказаться въ пунктѣ 6-омъ по догматическому предмету, не возбуждающему пререканій на почвѣ православно-каѳолической и римско-католической, и при томъ высказаться не о *всехъ* этомъ догматѣ сполна (со включеніемъ и ученія о «преложеніи»), а только объ одной его части.

Поэтому необходимо, чтобы старокатолики

а) во первыхъ, разъяснили, въ отклоненіе какихъ именно догматическихъ или практическихъ заблужденій 6-й пунктъ «Объявленія» изложенъ именно въ данной, а не иной (освященной древностью) формѣ,

и б) во вторыхъ, высказались, есть-ли какое-либо различіе между ними и римско-католиками въ догматическомъ ученіи о св. евхаристіи.

Ознакомленіе съ «Катехизисами» и «Руководствомъ» открыло Коммиссіи одинъ недостатокъ въ программахъ ихъ обученія. Съ точки зрѣнія самихъ старокатоликовъ на свое положеніе, какъ православныхъ христіанъ *западныхъ*, эта особенность ихъ программъ есть простая непослѣдовательность. Древніе западные христіане свою каѳоличность выражали въ томъ, что вѣроопредѣленія вселенскихъ соборовъ они немедленно включали въ составъ подлежащихъ сборниковъ, какъ общее достояніе всей каѳолической Церкви. Такъ *tomus fidei* короля Реккареда, прочитанный отъ его имени на толетскомъ III соборѣ въ 589 г., содержалъ не только его собственное изложеніе вѣры съ перечисленіемъ первыхъ четырехъ вселенскихъ соборовъ и краткимъ обозначеніемъ ихъ дѣятельности, но и текстъ символовъ никейскаго и цареградскаго и существенную часть вѣроопредѣленія халкидонскаго собора. Между тѣмъ учебныя книги старокатоликовъ никакихъ свѣдѣній о дѣятельности вселенскихъ соборовъ не сообщаютъ и существенныхъ чертъ соборныхъ вѣроопредѣленій о Лицѣ Богочеловѣка не излагаютъ съ достаточною ясностью. Даже «Руководство» говоритъ о Христѣ только, что онъ есть «истинный Богъ и истинный челоуѣкъ», — но опускаетъ столь важныя догматическія подробности, какъ «во

двухъ естествахъ», «едина ипостась», «одно лицо», «двѣ воли и два дѣйствованія», «Богородица». Поэтому не представляется невозможнымъ, что точный богословскій языкъ древне-каѳолической христологіи новымъ поколѣніямъ образованныхъ старокатоликовъ-мірянъ останется неизвѣстенъ и они едва-ли будутъ въ состояніи ясно отличать православныхъ восточныхъ христіанъ отъ тѣхъ восточныхъ, которые не принадлежатъ къ «исполненію» (τὸ πλήρωμα) Христовой каѳолической Церкви.

Поэтому Коммиссія признаетъ необходимымъ требовать,

а) чтобы рѣшительно всѣ старокатолическія общины устранили слово Filioque изъ сѣмбола вѣры и изъ катихизисовъ, если только есть общины, которыя до сихъ поръ еще этого не сдѣлали,

и б) чтобы старокатолики приняли надлежащія мѣры къ тому, чтобы семь вселенскихъ соборовъ были признаваемы у нихъ не по имени только; чтобы въ руководствахъ къ обученію каѳолической вѣрѣ въ высшихъ школахъ ученіе нераздѣленной Церкви періода вселенскихъ соборовъ было излагаемо съ его характеристическими подробностями, такъ чтобы и для образованныхъ старокатоликовъ-мірянъ было достаточно ясно различіе Православной Каѳолической Церкви отъ инославныхъ восточныхъ Церквей, отъ нея отпадшихъ и не имѣющихъ съ нею общенія: несторіанской, коптской, абиссинской, якобитской, маронитской.

Изъ вопросовъ *каноническихъ* самый важный въ настоящее время и въ вопросѣ объ общеніи старокатоликовъ съ Православною Церковью существенный состоитъ въ томъ, можетъ ли православная восточная Церковь принять въ общеніе *въ существѣ ихъ чинѣ* епископовъ утрехтской Церкви и отъ нея имѣющихъ хиротонію епископовъ Рейнкенса и Герцога.

Происхожденіе утрехтской іерархіи — безспорно канонически *неправильное*.

Утрехтская церковь въ 1559 г. возведена была въ достоинство *архіепископїи*; но со смертію перваго ея архіепископа (въ 1580 г.) прекратилось и ея нормальное существованіе. Вслѣдствіе затрудненій, которыя дѣлали реформаты назначаемымъ архіепископамъ, папы замѣнили архіепископовъ сперва апостольскими викаріями, потомъ нунціями, которые титула архіепископовъ утрехтскихъ не носили, но всѣ были *episcopi in partibus* и жили не въ Утрехтѣ, а или въ Кѣлнѣ, или въ Брюсселѣ. Послѣдній изъ этихъ нун-

цѣвъ, архіепископъ севастійскій Кодде, былъ вызванъ въ Римъ на судъ по обвиненію въ янсенизмъ и былъ (въ 1704 г.) низложенъ. Но утрехтская паства противъ этого приговора надъ Кодде протестовала, голландское правительство назначеннаго на мѣсто Кодде преемника «изгнало». Такъ и началась *схизма* утрехтской Церкви.

Лишь въ 1723 г. утрехтскій капитулъ, *не имѣя на то права, по взгляду папъ*, рѣшилъ избрать Корнелія Стееновена въ архіепископа утрехтскаго и такимъ образомъ возстановить существованіе архіепископской каедры утрехтской. Стееновенъ 15 (4) Октября 1724 г. былъ рукоположенъ въ епископа Доминикомъ Маріею Варлѣ, епископомъ вавилонскимъ *in partibus*, который

а) священнодѣйствовалъ одинъ, безъ ассистентовъ,

б) рукополагалъ въ области ему, какъ епископу вавилонскому, не подвѣдомой,

в) канонически не могъ бы и приступить къ хиротоніи, такъ какъ не имѣлъ — требуемаго на то по *тогдашнему* римско-католическому церковному праву — папскаго разрѣшенія (*mandatum apostolicum*),

и г) по канонамъ и не долженъ бы былъ приступать къ совершенію хиротоніи, такъ какъ еще 15 (4) Марта 1720 г. ему было объявлено запрещеніе въ священнослуженіи — между прочимъ и за то, что въ 1719 г. онъ совершилъ, не имѣя на то разрѣшенія, до 640 конфирмацій надъ утрехтскими схизматиками.

Тотъ-же Варлѣ и также одинъ, безъ ассистентовъ, совершилъ хиротонію и надъ тремя преемниками Стееновена. Эти «архіепископы утрехтскіе» упорно посылали папѣ извѣстительныя грамоты. А папа, въ отвѣтъ имъ, высказывалъ свое сужденіе объ ихъ хиротоніи и уже въ отвѣтъ на вторую изъ этихъ извѣстительныхъ грамотъ объявилъ всѣхъ прикосновенныхъ къ хиротоніи отлученными и схизматиками. Такимъ образомъ третью и четвертую хиротонію Варлѣ совершалъ отлученный (не только запрещенный) надъ отлученными среди отлученныхъ. Послѣдующіе епископы утрехтской Церкви такъ же посылали извѣстительныя грамоты въ Римъ и получали отъ папъ отвѣтъ въ смыслѣ осужденія ихъ.

Въ римско-католической литературѣ былъ споръ о *дѣйствительности* утрехтской іерархіи. Авторитетный канонистъ ванъ-Эспенъ высказался за дѣйствительность ея. Въ отвѣтахъ папъ повторяется почти стереотипно выраженіе: *electio nulla, ordinatio illicita (et execrabilis)*.

Изъ всего хода событій ясно, что утрехтская Церковь фак-

тически лишена была возможности возстановить свою іерархію *канонически*, licite, regulariter, такъ какъ единственный открытый путь къ этой каноничности состоялъ въ полной покорности утрехтскихъ «схизматиковъ» папѣ. Но тѣмъ же самымъ путемъ утрехтская іерархія могла бы и потомъ исправить эту неканоничность ея происхожденія: за полную покорность папы, конечно, дали бы этимъ епископамъ свою «диспенсацію», такъ какъ только избраніе ихъ — по суду папъ — было *ничтожно*, а хиротонія была лишь *неканонична*, illicita.

Но и *неправильно* рукоположенный подлежитъ уже *суду* Церкви за эту неправильность, и приговоръ этого суда можетъ быть неодинаковъ, смотря потому, что требуетъ благо самой Церкви, что для нея возможно при ея отношеніи къ своимъ и чуждымъ, при ея попеченіи и о вѣрныхъ ей чадахъ и о членахъ, отъ нея отпавшихъ.

Изъ практики древней Церкви видно, что Церковь, какъ общество живое и полновластное, признавала за собою полномочіе судить о канонически неправильныхъ хиротоніяхъ и къ однѣмъ изъ нихъ примѣнять всю строгость каноновъ (ἀρχιερεῖα τῶν κανόνων) и объявлять ихъ *ничтожными* и *недѣйствительными* (ἄχουρος καὶ ἀβεβαίος ἢ κατὰστασις, μηδὲν ἰσχύειν, ἀχουρωθῆναι), къ другимъ же, по буквѣ каноновъ также неправильнымъ, незаконнымъ и потому недѣйствительнымъ, относиться снисходительно, властно разрѣшать ихъ недѣйствительность, *утверждать* (χρησθῆναι) ихъ своимъ согласіемъ.

И въ отношеніи къ старокатоликамъ по вопросу о признаніи или непризнаніи ихъ іерархія законною дѣло можетъ быть рѣшено только Высшею Церковною властію.

Посему Коммиссія представляетъ сей вопросъ не предрѣшеннымъ на судъ Вашего Святѣйшества.

Другія каноническія и обрядовыя разности, отмѣченныя въ 1874 г., по мнѣнію Коммиссіи, не послужатъ препятствіемъ къ принятію старокатоликовъ въ общеніе съ православною Церковью.

Изъ этихъ разностей подверглись нѣкоторой перемѣнѣ болѣе другихъ важныя, относящіяся къ совершенію таинства евхаристіи.

Германскіе и швейцарскіе старокатолики совершаютъ свою миссу на нѣмецкомъ языкѣ. Текстъ ея не есть буквальный переводъ съ латинскаго по римскому миссалу. Допущены нѣкоторыя

отступленія и замѣны, и въ этихъ послѣднихъ текстъ не заимствованъ изъ какой-либо древней литургіи западной или восточной, а составленъ самими старокатоликами.

Въ римской и другихъ западныхъ миссахъ нѣтъ призыванія Св. Духа. Оно внесено въ старокатолическую миссу, хотя молитва: «ниспосли намъ, смиренно молимся, Духа Твоего Святаго, «подателя жизни и всякія святыни, и да освятятся земные «дары сіи въ небесные, преображенные, духовные, жертвенные дары; да будетъ преломляемый хлѣбъ въ общеніе «тѣла Господня, а благословляемая чаша въ общеніе крови «Исуса Христа».

поставлена прежде словъ установленія.

Другія отступленія старокатоликовъ отъ римскаго текста не сблизили ихъ миссу съ православною литургіею, и желательно, чтобы они возстановили древній текстъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ объ евхаристіи говорится, какъ о жертвѣ истинной, умилоостивительной, приносимой за грѣхи всѣхъ благочестно живущихъ и умершихъ; гдѣ св. Дѣва именуется славною Приснодѣвою и Богородицею; гдѣ поименно призываются святыя и именуются нашими молитвенниками, ходатаями и предстателями.

Въ настоящее время старокатолики причащаютъ вѣрующихъ и подъ однимъ видомъ и подъ обоими видами, смотря потому, насколько міряне подготовлены къ причащенію подъ обоими видами, признаваемому за единственно согласное съ примѣромъ Самого Христа и съ постоянною практикою древней нераздѣленной Церкви. Очевидно, отмѣна причащенія подъ однимъ видомъ для самихъ старокатоликовъ есть лишь вопросъ времени.

Что же касается опрѣснোকъ, употребляемыхъ старокатоликами, и прочихъ обрядовыхъ разностей, то Коммиссія полагаетъ, что вопросъ о нихъ уже рѣшенъ авторитетными словами «Посланія Восточныхъ Патріарховъ о православной вѣрѣ»:

«Что же касается до прочихъ обычаевъ и чиноположеній «церковныхъ, до совершенія священныхъ обрядовъ литургіи: то и сіе, при совершившемся съ Божію помощію «единеніи, можно будетъ легко и удобно исправить. Ибо «изъ церковныхъ историческихъ книгъ извѣстно, что нѣ- «которые обычаи и чиноположенія, въ различныхъ мѣстахъ «и Церквахъ, были и бываютъ измѣняемы: но единство «вѣры и единомысліе въ догматахъ остаются неизмѣнными».

И.

**Письмо старокатолическаго Епископа *Θ.* Вебера
Протопресвитеру *И. Л.* Янышеву ¹⁾.**

Боннъ 10-го Августа 1896 г.

Высокопреподобнѣйшій Господинъ Протопресвитеръ !

Въ конференці старокатолическихъ епископовъ, состоявшейся въ Роттердамѣ 27 Августа 1894 года по случаю третьяго интернаціональнаго конгресса, была учреждена изъ голландскихъ, швейцарскихъ и нѣмецкихъ ученыхъ Коммиссія, въ которой председательство принялъ на себя тогдашній епископъ германскихъ старокатоликовъ господинъ д-ръ Юсифъ Губертъ Рейнкенсъ. Задача Коммиссіи состояла въ составленіи съ ея стороны отвѣта на донесеніе, которое въ то время было представлено Святѣйшему Синоду учрежденною въ С.-Петербургѣ Коммиссіею по вопросу воссоединенія восточныхъ православныхъ Церквей съ западными старокатолическими и которое Ваше Высокопреподобіе отъ 29-го Мая 1894 года благоволили сообщить, въ нѣмецкомъ переводѣ, господину Г. Гулю, пресвященному архіепископу утрехтскому. По смерти господина епископа Рейнкенса, я, какъ преемникъ его должности, принялъ на себя председательство въ учрежденной въ Роттердамѣ Коммиссіи. Работа послѣдней по разнымъ обстоятельствамъ и именно изъ-за случившейся неожиданно смерти ея перваго председателя, къ сожалѣнію, замедлилась. Только 4-го августа 1896 года, въ конференціи, состоящейся въ Боннѣ, удалось окончательно установить мнѣніе западной Коммиссіи. Нижеподписавшійся имѣетъ честь при семъ препроводить его къ Вашему Высокопредобію для дальнѣйшаго благосклоннаго движенія (*zur weitern gefälligen Veranlassung*). Увѣряя отъ имени Коммиссіи, которая была руководима мною, что ея работа была произведена совершенно въ интересѣ мира, и выражая надежду, что ея подвинется впередъ желаемое съ обѣихъ сторонъ воссоединеніе цѣлыя столѣтія раздѣленныхъ Церквей, остаюсь съ величайшимъ высокопочтеньемъ Вашего Высокопредобія преданнѣйшимъ

Θ. Веберъ,
католическій епископъ старокатоликовъ
Германской Имперіи.

¹⁾ Въ переводѣ о. Протопресвитера *И. Л.* Янышева.

III.

Мнѣніе учрежденной въ Роттердамѣ Коммисіи о донесеніи С.-Петербургской Коммисіи Св. Сѣноду относительно соединенія западныхъ старокатолическихъ Церквей съ православными восточными¹⁾.

1. Filioque.

1. Всѣ члены учрежденной въ Роттердамѣ Коммисіи согласны въ томъ, что Filioque внесено въ западный символъ незаконно, но что, съ другой стороны, русская Коммисія въ отдѣльныхъ пунктахъ защищаетъ пониманіе, которое идетъ слишкомъ далеко. Имъ кажется, что она не довольно рѣзко отличаетъ догматъ отъ богословскаго мнѣнія, поддерживааетъ, именно, нѣкоторыя не совсѣмъ удачныя по содержанію (sachlich) положенія. Они думаютъ, что догматически обязательнымъ можетъ быть признано только ученіе неповрежденнаго Никейскаго символа (безъ Filioque), и потому нельзя требовать, чтобы и въ богословскомъ умозрѣніи избѣгаемъ былъ всякій образъ представленія о Сынѣ, какъ о вторичной причинѣ или Сопричинѣ (Mitursache) Святаго Духа.

2. Замѣчаютъ, что сама русская Коммисія, повидимому, не выполнѣ осуществляетъ это требованіе, оставляя открытымъ вопросъ, относится-ли встрѣчающееся у «нѣкоторыхъ отцевъ Церкви» пониманіе, что Духъ Святой исходитъ отъ Отца чрезъ Сына, только ко временному посланію, или — и къ вѣчной жизни Божества. Въ послѣднемъ случаѣ названіе Сына вторичною причиною Св. Духа по смыслу тѣхъ учителей Церкви было-бы единственно правильнымъ. Но кромѣ того находятъ, что не «нѣкоторые учителя Церкви» учили объ имманентномъ исхожденіи Св. Духа отъ Отца чрезъ Сына, слѣдовательно, признавали вторичною Его причину, но что это было обыкновеннымъ ученіемъ отцевъ на востокѣ всегда, а на западѣ до Августина. Изъ греческихъ отцевъ Церкви такое пониманіе раскрывали Аѳанасій, Василій, Епифаній, Дидимъ, Григорій нисскій, Григорій Назіанзенъ, Кириллъ александрійскій, Максимъ Исповѣдникъ, Іоаннъ Дамаскинъ и другіе. Обращаютъ вниманіе на то, что константинопольскій патріархъ Тарасій внесъ его даже въ свое вѣроисповѣданіе, которое одобрилъ седьмой все-

¹⁾ Въ переводѣ о. Протопресвитера І. Л. Янышева.

ленскій соборъ и которое защищалъ папа Адрианъ I, — наконецъ и на то, что Епифаній, Дидимъ и Григорій Назіанзенъ при этомъ сильно приближались къ позднѣйшему западному учению о *Filioque*. Думаютъ, что столь глубоко основанное въ сознаниі древнецерковнаго богословія мнѣніе и теперь должно быть дозволено, какъ выраженіе не откровенной, конечно, истины, а человѣческаго умозрѣнія.

3. Члены Комиссіи согласны между собою и въ томъ, что человѣческое умозерцаніе относительно Божественной тайны Троичности естественно вращается въ такихъ представленіяхъ и выраженіяхъ, которыя не могутъ быть признаны вполнѣ подходящими и потому могутъ быть усовершенуемы. И на этомъ основаніи всѣ ограниченія, выходящія за предѣлы откровеннаго догмата, считаются несправедливыми (*unberechtigt*).

2. Ученіе о Святой Вечери.

1. Русская Комиссія желаетъ знать, ради устраненія какихъ заблужденій старокатолическіе епископы, въ утрехтскомъ заявленіи 1889 года, высказались относительно ученія о святомъ Причащеніи. Въ отвѣтъ на это достаточно сообщить, что это сдѣлано по желанію голландскихъ епископовъ, такъ какъ изъ отношенія швейцарскихъ и германскихъ старокатоликовъ къ одной части англиканской Церкви можно было вывести заключеніе, будто-бы они не далеки были отъ кальвинистскаго, въ сущности, ученія этой Церкви о Причащеніи. При этомъ выраженіе «пресуществленіе» было избѣгнуто, потому что оно не было употребительнымъ въ древней Церкви; съ другой же стороны, легко давало поводъ къ (капернаумскимъ) недоразумѣніямъ. Что епископамъ и на мысль не приходило усвоить себѣ лютеранское ученіе объ *impanatio*, это на западѣ считалось понятнымъ само собою.

2. На вопросъ: есть-ли разность между старокатолическимъ и папистическимъ ученіемъ объ Евхаристіи? должно отвѣтить отрицательно, если опять отдѣлять установленное неизмѣнно, догматически, отъ школьныхъ мнѣній. Установленнымъ догматически, неизмѣнно, Комиссія признаетъ на основаніи свящ. Писанія и древней Церкви слѣдующее ученіе: въ св. Евхаристіи мы принимаемъ тѣло и кровь Христовы и онѣ, хотя и кажутся для чувствъ хлѣбомъ и виномъ, суть здѣсь (*sind gegenwärtig*) *vere, realiter et substantialiter*. Школьнымъ, напротивъ, только мнѣніемъ Комиссія можетъ назвать то, когда западные католическіе бого-

слова говорятъ о «пресуществленіи», основываясь на понятіяхъ о субстанціи и акциденціи въ смыслѣ Аристотеля. Несостоятельность этихъ понятій такъ твердо обоснована новѣйшею наукою, что объ этомъ невозможно спорить. Защищать ученіе о «пресуществленіи», основанное на понятіяхъ, ложность которыхъ доказана, не приходится болѣе. Если изданный Піемъ V римскій катихизисъ (11, 4) учитъ, что при освященіи хлѣба и вина остаются только акциденціи ихъ, субстанціи же ихъ не существуетъ и ея мѣсто заступаетъ субстанція тѣла и крови Христовыхъ и при томъ такъ, что въ Евхаристіи вкушаются кости, нервы и всѣ отдѣльныя части тѣла, то не найдется, конечно, ни одного, въ естественно-научномъ отношеніи образованнаго «паписта»-католика, который осмѣлился бы держаться этого устарѣлаго воззрѣнія. А если понимать пресуществленіе въ смыслѣ древней Церкви, то старокатолпки совершенно согласны съ папистами. Выраженія, которыми пользуются отцы Церкви и литургіи, изображаютъ на основаніи извѣстныхъ мѣстъ изъ Библии то ученіе, что хлѣбъ и вино по освященіи суть тѣло и кровь Христовы — не обыкновенная, а «отличная» отъ ней таинственная пища, служащая средствомъ къ участию въ искупительной жертвѣ Христовой. Какъ совершается это таинство, объ этомъ не говорится въ Новомъ Завѣтѣ и нѣтъ одного какого-либо древнею Церковью согласно засвидѣтельствованнаго преданія. Теоріи объ этомъ отцевъ Церкви очень разнятся между собою. II русскій догматистъ Макарій (III, 472) правильно передаетъ, что выраженія: *transsubstantiatio*, *μετουσίωσις* вошли въ употребленіе на западѣ только въ 11-мъ, а на востокѣ впервые въ 15-мъ столѣтіяхъ. Напротивъ, термины: *converti*, *μεταβάλλεσθαι*, *μεταποιεῖσθαι* въ ученіи отцевъ часто имѣли только то значеніе вообще, что хлѣбъ и вино послѣ освященія не были болѣе тѣмъ, чѣмъ были прежде, не были болѣе обыкновенною (*profane*), но становились таинственною Господнею пищею, при чемъ способъ этого измѣненія оставляемъ былъ безъ изслѣдованія. Не безъ основанія въ нашей Коммиссіи замѣчали, что въ этомъ трудномъ ученіи было-бы очень рискованно придавать значеніе догмата школьному средневѣковому мнѣнію, которое съ естественнонаучной и философской точки зрѣнія несостоятельно. Не говоря уже о томъ, что никто не имѣетъ права на это, подобное поведеніе думаютъ (въ Коммиссіи) принести вѣрѣ не пользу, а глубочайшій вредъ. Въ доказательство того, съ какою свободою отцы, безъ всякаго вреда твердости преданнаго въ литургіяхъ догмата, относились къ богословскимъ о немъ умозрѣніяхъ, (въ Коммиссіи)

напомнили изложеніе папы Геласія I (Тракт. III): съ земными элементами, думаетъ онъ, соединяется божественная субстанція, по сему мы, приѣмая святую Евхаристію, становимся причастными божественнаго естества. Онъ видитъ въ ней отобразъ главнаго таинства, т. е. воплощенія, и хочетъ сказать: какъ человѣчество и божество соединились въ одномъ Христѣ, такъ хлѣбъ и вино здѣсь суть носители воплощенной божественной природы.

3. Для полнаго устраненія всякаго подозрѣнія мы не колеблемся (*wir stehen nicht an*) объявить, что не имѣемъ ничего сказать въ догматическомъ отношеніи противъ удержанія недостающихъ въ нѣмецкой литургіи словъ: *sanctum sacrificium, immaculatam hostiam* и вообще противъ всего содержанія чина римской. изъ древней Церкви происходящей литургіи (*Messcanons*).

3. Ученіе о седми вселенскихъ соборахъ.

1. Русская Коммиссія, порицая введенные въ употребленіе въ Германіи учебники, смѣшиваетъ, повидимому, символическія книги съ учебными руководствами (*Compendien*) и опускаетъ изъ виду, что катихизисъ голландскихъ старокатоликовъ, согласно съ ихъ желаніемъ, нѣсколько подробнѣе распространяется о христологии, чѣмъ укоряемая въ недостаткахъ нѣмецкія книги. При всемъ томъ и представитель голландскихъ старокатоликовъ въ нашей Коммиссіи замѣчаетъ, что здѣсь дѣло идетъ исключительно о педагогически-техническомъ вопросѣ, на который слѣдуетъ отвѣчать смотря по отношеніямъ и потребностямъ отдѣльной помѣстной Церкви. Онъ даже позволяетъ себѣ, съ полнаго нашего согласія, присовокупить, что внѣдреніемъ механическихъ, для многихъ непонятныхъ, формулъ не много подѣлаешь, — что при урокахъ религіи, напротивъ, главная забота заключается въ духовномъ проникновеніи установленныхъ формулъ и въ умѣнни воспользоваться ими для религіозной жизни сердца (*für das religiöse Gemüthsleben*). Мы полагали бы также, что это было бы вѣрнѣйшимъ средствомъ къ предохраненію особенно высшихъ и образованныхъ сословій отъ невѣрія и сектанства.

2. Германскіе старокатолики отнюдь ничего не имѣютъ противъ того, чтобы восполнить «Руководство» въ смыслѣ русской Коммиссіи, хотя съ педагогической точки зрѣнія считаютъ правильнѣе различать болѣе ясно, чѣмъ какъ это, повидимому, принято въ Россіи, между Откровеніемъ, какъ оно содержится въ Писаніи и Преданіи, и умственной обработкою его, и содержаніе

этой послѣдней предоставитъ устному преподаванію смотря по потребностямъ учениковъ.

4. Каноническій характеръ посвященій голландскихъ старокатолическихъ епископовъ.

1. Комиссія находитъ изложеніе и пониманіе «донесенія» относительно посвященія голландскихъ старокатолическихъ епископовъ неправильнымъ въ существенныхъ пунктахъ съ исторической и предметной точки зрѣнія. Въ особенности невѣрно утвержденіе, якобы папа для управленія голландскою Церковью назначилъ сначала апостольскихъ викаріевъ, потомъ нунціевъ, жившихъ въ Кельнѣ и Брюсселѣ, и якобы «послѣднимъ изъ этихъ нунціевъ», какъ это буквально значитъ въ русскомъ донесеніи, «былъ архіепископъ Кодде», который «былъ вызванъ въ Римъ на судъ по обвиненію въ янсенизмѣ и былъ 1704 г. низложенъ». Нунци въ Кельнѣ и Брюсселѣ, съ одной стороны, и апостольскіе викаріи въ Голландіи, съ другой, занимали совершенно различныя должности, и Кодде былъ администраторомъ утрехтской Церкви, но никогда не былъ папскимъ нунціемъ въ Кельнѣ и Брюсселѣ.

2. Составители донесенія русской Комиссіи о голландскихъ посвященіяхъ стали на точку зрѣнія папскаго права. Выходя изъ этого права, какъ оно папами введено было въ практику (*wie es durch die Päpste zur faktischen Geltung gebracht war*), нельзя оспаривать, что голландскія посвященія не воплиѣ ему соотвѣтствовали, потому что не доставало папскаго утвержденія лицъ; можно допустить, что при нормальныхъ отношеніяхъ это право было бы примѣнено. Но тогдашнее положеніе повелительно требовало правильности. И русской Комиссіи не осталось не извѣстнымъ, что со времени реформаціонныхъ смуть въ Голландіи папа управлялъ тамошнею Церковью посредствомъ апостольскихъ викаріевъ. Но былъ ли онъ уполномоченъ на это церковнымъ правомъ, могъ-ли онъ цѣлую страну самовластно лишить канонически правильнаго управленія посредствомъ правомѣрныхъ епископовъ, это болѣе чѣмъ сомнительно. Голландская Церковь однако же смиренно перенесла это неправильное поведеніе римскаго двора и самъ архіепископъ Кодде, когда его изъ-за его древнецерковнаго, православнаго, антиіезуитскаго направленія отрѣшили отъ должности, покорно прекратилъ исполненіе своихъ обязанностей. Позже уже, спустя болѣе 20-ти лѣтъ, приступили, въ противность Риму, къ избранію и посвященію епископа — достаточное доказательство того, что дѣйстви-

вали не легкомысленно и не мятежнически. Не думая выходить из несверхдолжнаго подчиненія папѣ, съ голландской стороны, быть можетъ, долше чѣмъ слѣдовало, не опускали ни одного случая, хотя всегда напрасно, испрашивать римское соизволеніе на епископскіе выборы. Что больше всего, кромѣ другихъ причинъ, заставило отказать до извѣстнаго предѣла въ повиновеніи ему, это появленіе подъ вліяніемъ іезуитовъ догматической буллы *Unigenitus* 1713 г., которою подвергаются анаѳемѣ, какъ еретическія, цѣлый рядъ ученій вѣры, а также морали и дисциплины. Если голландская Церковь не должна была склониться подъ иго іезуитскихъ лжеученій, то она вынуждена была возстановить православленное, по праву существующее, епископское управленіе, къ дѣйствію котораго со стороны Рима долго полагались препятствія. Что въ состояніи такой нужды не слѣдовало останавливаться изъ-за небольшихъ, несущественныхъ неправильностей, которыя «донесеніе» порицаетъ въ посвященіи Стеенофена, ясно само собою. Даже самая важная изъ нихъ, служеніе только одного епископа при посвященіи, не имѣетъ значенія, такъ какъ даже по папскому ученію это признается достаточнымъ въ случаѣ нужды и вообще дозволяется отдѣльными новѣйшими циркумскрипціонными бумагами. И русская Церковь, если-бы ей пришлось выбирать между неправославіемъ и малыми дисциплинарными неправильностями, не касающимися сущности дѣла, ни на одну минуту не усумнилась бы на счетъ своего, согласно съ основными церковными постановленіями, поведенія.

5. Литургія.

Замѣчанія «донесенія» объ этомъ предметѣ не вполне подходящи, поколику римскій служебникъ находится въ употребленіи у старокатоликовъ не только въ Голландіи, но и въ нѣсколькихъ мѣстахъ въ Германіи. Можно бы оспаривать и утвержденіе, что будто-бы въ немъ нѣтъ «призыванія» (Св. Духа). Впрочемъ, догматически или принципиально мы ничего не имѣемъ сказать противъ желаній русской Коммиссіи относительно литургіи.

Боннъ 10 августа 1896 г.

Отъ имени учрежденной въ Роттердамѣ Коммиссіи

Предсѣдатель ея

Ѳеодоръ Веберъ,

каѳоліческій епископъ старокатоликовъ

Германской Имперіи.

IV.

Отвѣты С.-Петербургской Коммиссіи

на „Мнѣніе“ коммиссіи Роттердамской по вопросу о соединеніи старокатоликовъ съ Православною Церковью.

(Приложение къ журналу засѣданія 8 августа 1897 г.).

I. O Filioque.

1. Роттердамская коммиссія не сказала своего мнѣнія по существенному пункту ученія Православной Церкви о Св. Троицѣ. По сему ожидаемъ утвердительнаго отвѣта, принимается ли старокатоликами слѣдующее догматическое ученіе о св. Троицѣ Православной восточной Церкви :

Вѣруемъ, яко Отецъ есть вина Сына и Духа: Сына чрезъ рожденіе, Духа же Святаго чрезъ исхожденіе. Отецъ рождаетъ Сына и изводитъ Святаго Духа, Сынъ же рождается отъ Отца, и Духъ Святой исходитъ отъ Отца. И тако чтемъ единое начало и признаемъ Отца единою виною Сына и Духа.

2. Съ любовію привѣтствуя согласное съ ученіемъ Православной Церкви заявленіе Роттердамской коммиссіи о томъ, что Filioque внесено въ западный символъ незаконно, мы считаемъ необходимымъ для соединенія старокатоликовъ съ православными, чтобы всѣ старокатолическія общины устранили эту незаконную вставку изъ символа вѣры и изъ катихизисовъ, если только есть общины, которыя до сихъ поръ еще не сдѣлали этого.

3. Соглашаясь съ мнѣніемъ Роттердамской коммиссіи, что человѣческое умозрѣніе относительно божественной тайны Троичности естественно вращается въ такихъ представленіяхъ и выраженіяхъ, которыя не могутъ быть признаны вполне подходящими и потому могутъ быть усовершеняемы, мы не можемъ признать правильнымъ выводимое отсюда заключеніе, что всѣ ограниченія, входящія за предѣлы содержамаго Церковью догмата, несправедливы. Мы полагаемъ, что богословскія мнѣнія или умозозерцанія, къ какому бы догмату они ни относились, позволительны и желательны лишь настолько, насколько они служатъ къ его объясненію и разумному усвоенію. Въ противномъ случаѣ они должны быть избѣгаемы.

4. Богословское мнѣніе о Сынѣ, какъ о вторичной Причинѣ или Сопричинѣ Святаго Духа должно быть избѣгаемо потому, что

не служить къ уясненію догмата о Святой Троицѣ; напротивъ, колеблеть ученіе о единомъ началѣ (*ἀρχή*) или о единой причинѣ (*αἰτία*) въ Троичности, — личное свойство Отца — быть этимъ началомъ или причиною усвоетъ, хотя и въ ограничительномъ смыслѣ, Сыну и такимъ образомъ отчество смѣшиваетъ до нѣкоторой степени съ сыновствомъ. Предлагая избѣгать такого представленія и выраженія, мы повторяемъ принятое Боннской конференціею 1875 года, въ седьмомъ ея засѣданіи, четвертое положеніе, которое гласитъ: «мы отвергаемъ всякое представленіе и всякій способъ выраженія, въ которомъ содержалось бы принятіе двухъ началъ (*Principien, ἀρχαί*) или причинъ (*αἰτία*) въ Троичности».*)

5. Съ этимъ именно ограниченіемъ мы и предоставляемъ богословскому умозрѣнію относить встрѣчающіяся у святыхъ отцовъ и учителей воззрѣнія о просіяніи Святаго Духа чрезъ Сына и къ вѣчной жизни Божества, не отождествляя при этомъ понятія: *ἐκλαμψις, φανέρωσις* и т. д. съ понятіемъ полученія бытія — *ὑπαρξις*, которое у святыхъ отцевъ и учителей поставляется въ зависимость не отъ Сына, а отъ Отца, но слѣдую только ученію Откровенія о вѣчности Тройческой жизни и о предопредѣленіи отъ вѣчности творенія міра и домостроительства спасенія при участіи трехъ Лицъ Пресвятыя Троицы.

2. О св. Евхаристіи.

Предлагаемъ къ принятію слѣдующее ученіе Православной восточной Церкви о св. Евхаристіи:

1) Хлѣбъ и вино въ св. Евхаристіи по освященіи предлагаются непостижимымъ для насъ образомъ въ Тѣло и Кровь Господни истинно, дѣйствительно и существенно (*vere, realiter et substantialiter.*)

2) Посему вѣруемъ, что причащающіеся приемятъ подъ видомъ хлѣба и вина истинное Тѣло и истинную Кровь Господа нашего Иисуса Христа, и притомъ дѣйствительнымъ и тѣлеснымъ образомъ, такъ что Пречистое Тѣло и Кровь Господни входятъ въ уста и утробы причащающихся какъ благочестивыхъ, такъ и нечестивыхъ, первымъ во спасеніе и послѣднимъ во осужденіе.

3) Хотя въ одно и то же время бываетъ много священно-

*) Bericht über die vom 10. bis 16. August 1875 zu Bonn gehaltenen Unions-Conferenzen, von Dr. Reusch, Bonn 1875, S. 81.

дѣйствій во вселенной, но немногія Тѣла Христовы, а одно Тѣло Его и одна Кровь пребываетъ во всѣхъ отдѣльныхъ церквахъ вѣрныхъ. И это не потому, что Тѣло Господне, находящееся на небесахъ, нисходитъ на жертвенники, но потому, что хлѣбъ предложенія, приготовляемый порознь во всѣхъ церквахъ, и чрезъ освященіе претворяемый и пресуществляемый дѣлается одно и то же съ Тѣломъ, сущимъ на небесахъ (Посл. Вост. Патр. Чл. 17).

4) Исповѣдуемъ, что св. Евхаристія есть жертва истинная, умилостивительная, приносимая за грѣхи всѣхъ въ вѣрѣ живущихъ и умершихъ.

5. Ученіе о седми вселенскихъ соборахъ.

Мы отнюдь не смѣшиваемъ символическихъ книгъ съ учебными руководствами, но при всемъ томъ настойчиво желаемъ, чтобы въ учебныхъ руководствахъ старокатоликовъ безъ пропуска излагалось догматическое ученіе седми вселенскихъ соборовъ, въ ясное удостовереніе того, что не число только соборовъ ими пріемлется, но и самое ихъ ученіе.

4. О посвященіяхъ голландскихъ старокатолическихъ епископовъ.

Мы вполне понимаемъ всю трудность, въ какую поставлена была теченіемъ историческихъ событій голландская Церковь въ началѣ XVIII столѣтія, вынужденная для возстановленія своей іерархіи прибѣгнуть къ каноническимъ неправильностямъ. Но принимая во вниманіе, что Утрехтская іерархія получила свое начало отъ епископа запрещеннаго, а потомъ и отлученнаго, и руководствуясь канонами вселенской Церкви, продолжаемъ утверждать, что іерархія сія канонически неправильна, а равно неправильна и происшедшая отъ нея іерархія старокатолическая, и что вопросъ о ея дѣйствительности и признаніи ея законною можетъ быть рѣшенъ только голосомъ Церкви, когда старокатолики обратятся къ ней съ исповѣданіемъ своей вѣры и съ заявленіемъ своихъ искреннихъ желаній быть принятыми въ единеніе и общеніе съ нею.

5. Литургія.

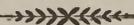
Такъ какъ Роттердамская Коммиссія заявила, что старокатолики догматически или принципиально ничего не имѣютъ сказать

противъ желаній русской комиссіи, то мы можемъ высказать теперь только пожеланія, чтобы это заявленіе въ дѣйствительности было осуществлено возможно скорѣе.

Подлинный подписалъ :

Антоній, архіепископъ Финляндскій.

М. Красноженъ.



Чешское свидѣтельство XIV вѣка

о

русскомъ металлическомъ производствѣ.

Во всѣ періоды своего историческаго существованія русская земля была страной съ преобладающимъ развитіемъ добывающей промышленности и поставщицей сырыхъ произведеній на иноземные рынки. Составитель нашей первоначальной лѣтописи влагаетъ въ уста князя Святослава слѣдующія слова, характеризующія древне-русскую торговлю: „Не любо ми есть, — говорилъ князь, — въ Кіевѣ быти, хощу жити въ Переяславци на Дунаи, яко то есть середѣ въ земли моей, яко ту вся благая сходятся — отъ Грекъ золото, паволоки, вина, оwoщеве разноличныя, изъ Чехъ же отъ Угръ серебро и комони, изъ Руси же скоро и воскъ, медь и челядь“¹⁾. Кромѣ воска, меда и мѣховъ, этихъ издавнихъ русскихъ товаровъ, впоследствии изъ Новгорода вывозили въ Западную Европу и другое сырье, а именно: ленъ, коноплю, холстъ, паклю, пшеницу и другой хлѣбъ, сало, кожи и т. д.²⁾.

Насколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ не отыскано ни одного свидѣтельства о вывозѣ изъ Руси въ страны Западной Европы предметовъ русской обрабатывающей промышленности. Напротивъ, мы располагаемъ массой указаній на то, что такого рода товары были привозимы изъ-за границы. Такъ, напр., изъ Византіи русскіе получали паволоки, дорогіе сосуды,

1) Лаврентьевская лѣтопись, стр. 28. Лѣтопись по Ипатскому списку (Спб., 1871), стр. 43—44.

2) Н. Аристовъ, Промышленность древней Руси (Спб., 1866), стр. 203.

богатыя одежды, ковры, сукна, священные одежды, иконы и т. д. 1). На рынкахъ Азова и Судака русскіе на мѣхъ вымѣнивали бумажныя и шелковыя ткани италіанскаго и восточнаго производства. Изъ Азіи русскіе пріобрѣтали золотыя и серебряныя вещи, какъ-то: блюда, цѣпочки, запястья, кольца, булавки, пуговики, бляхи для украшенія одежды и конской сбруи, оружіе и булатныя издѣлія. Изъ странъ Западной Европы при посредничествѣ нѣмецкихъ купцовъ доставляемы были сукна разнаго рода, салфетки, перчатки, нидерландскія и вестфальскія полотна, нѣмецкія и любскія иголки, стекло, оружіе и т. д. 2).

При существованіи такихъ установившихся воззрѣній на характеръ торговли и промышленности древней Руси, пріобрѣтаетъ въ глазахъ изслѣдователя важное значеніе всякое извѣстіе о вывозѣ въ Западную Европу предметовъ русской обрабатывающей промышленности, такъ какъ, дополняя въ извѣстномъ отношеніи наши свѣдѣнія о древнемъ русскомъ бытѣ, оно вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ доказательствомъ недостаточности нашихъ источниковъ, каковыми преимущественно являются древнія лѣтописи и житія.

Извѣстный знатокъ чешской средневѣковой палеографіи, проф. Іос. Эмлеръ, девять лѣтъ тому назадъ издалъ въ „Вѣстникѣ Королевскаго Чешскаго Общества наукъ“ отрывокъ инвентаря Бревновскаго монастыря 3). Въ печатномъ видѣ изданный памятникъ вмѣщается всего только на 25 страницахъ in-octavo. По мнѣнію проф. Эмлера, рукопись была изготовлена въ послѣднихъ годахъ XIV вѣка или въ самомъ началѣ слѣдующаго. При составленіи рукописи, въ основу были положены за-

1) Аристовъ, стр. 184—185.

2) Аристовъ, стр. 187, 190, 197, 203—204.

3) Zlomek inventáře kláštera Břevnovského z let 1390—1394 въ журналѣ Věstník král. české spol. nauk (Sitzungsberichte der königl. böhm. Gesellschaft d. Wissenschaften), Ročník 1888 (V Praze 1889), Třída filos.-histor., str. 280—305.

мѣтки или записи, собранныя въ одно цѣлое по желанію аббата Дивиша (1385—1408). По содержанію инвентарь представляетъ перечень книгъ, грамотъ, церковной утвари и хозяйственныхъ вещей, принадлежавшихъ Бревновскому монастырю, его двумъ скитамъ (Полицкому и Брумовскому)¹⁾ и фарнымъ или приходскимъ церквамъ, приписаннымъ къ монастырю. Такіе приписные приходы или фары Бревновскаго монастыря находились въ слѣдующихъ селахъ: Либоцъ, Сиркынъ, Цвиковъ, Незамыслицахъ, Костельцъ, Хцебуцъ и Бриствъ²⁾. Начало рукописи не сохранилось, а потому изданъ только ея конецъ, содержащій инвентарь имущества церквей въ Незамыслицахъ, Костельцъ, Хцебуцъ и Бриствъ. Составленіе записей для каждой церкви происходило при перемѣщеніи настоятелей или назначеніи новыхъ. Когда одинъ изъ членовъ монастырской корпорации, братъ Вацлавъ, былъ перемѣщенъ настоятелемъ въ Костелецъ, а на его мѣсто былъ назначенъ братъ Янъ, по прозванію Единачекъ, то составлена была 27 января 1393 года перепись движимаго имущества, принадлежавшаго

1) Бревновскій Бенедиктинскій монастырь былъ самымъ древнимъ въ Чехіи: освященіе его произошло 14 января 993 года. Въ началѣ XIII вѣка, при аббатѣ Куно, монастырь приобрѣлъ Полицкій и Брумовскій уѣзды, лежащіе на самомъ востокѣ Чехіи, на границѣ съ Силезіей. Тогда же въ Полицъ основанъ былъ скитъ (probošství). Другой такой скитъ былъ заложенъ въ Брумовѣ аббатомъ Бревновскимъ Ваворомъ въ 1322 г. См. Tomek, Dějepis města Prahy (dr. vyd. 1892), d. I, str. 88, 163, 436.

2) Первые три церкви были присоединены епископомъ Іоанномъ IV въ 1318 году, а послѣднія въ 1341 году (Tomek, d. I, str. 438). Присоединеніе къ монастырю церквей или инкорпорированіе ихъ заключалось въ томъ, что настоятелями такихъ церквей назначаемы были члены монастырской корпорации, а доходы, оставшіеся за удовлетвореніемъ потребностей настоятелей, поступали въ пользу монастыря. Епископъ Іоаннъ IV, присоединяя къ Рудницкому монастырю нѣкоторыя церкви, высказывался при этомъ въ своей грамотѣ такъ: *plurima incommoda et expensarum opera sustinere cogatur . . . ne per inmoderati oneris gravitatem posset in eo profectus monastici ordinis impediri — ecclesias parochiales, scilicet in . . . eidem monasterio auctoritate ordinaria incorporamus . . . in jus et proprietatem prefati monasterii — et ipsas — tam in spiritualibus quam temporalibus in totam subicimus . . . fratres seu canonicos sui monasterii in eisdem ecclesiis libere instituere et destituere.* См. *Diplomatář kláštera v Roudnici*, изданный проф. Эмлеромъ въ журн. *Věstník král české spol. nauk*, Ročník 1893 (V Praze, 1894), číslo XVII, str. 7—8.

Незамыслицкой церкви, а четыре дня позже и — Костелецкой. 1 августа того же года по той же причинѣ составили инвентарь Хцебуцкой, а 4-аго августа и Бриствицкой церквей¹⁾. Составленіе всѣхъ этихъ записей обуславливалось, вѣроятно, любовью къ порядку и точности аббата Дивиша, который былъ виновникомъ составленія и урбаря Бревновскаго монастыря²⁾.

Отрывокъ инвентаря написанъ средневѣковымъ латинскимъ языкомъ, но обильно уснащенъ славяно-чешскими словами, какъ-то: *Primo vasa pro cervisia, que dicuntur studwe, 13... Item duo cippi ferrei et una ilasca... Item duo smetane seu abiecte... Item duo cliny ferrei... Item 8 vomeres minores, qui dicuntur naradlnyky... et una brana ferrea... Item rethe pro avibus unum et rukawnyk secundum... Item krupicze 1/2 tina... Primo ssynow 16 et 2 motiki... et pomecz... Item 5 currus ferrati integri pro robota... Item brany ferree 3 et 7 sere... Item de ordeo tres wrstwy... Item kossyny pro fimo duplices... Item strhadlo... Item pytlyky 4^{or}... Item unus pytlowar... Item unus hoblyk... Item unus wor... Item dno sypnye... Item tres trlicze pro stappa... Item strhadlo³⁾.*

Въ этомъ памятникѣ чешскаго происхожденія въ той его части, которая составлена была 1 августа 1393 года, находится свидѣтельство о русскомъ металлическомъ производствѣ и торговлѣ. Въ описи вещей Хцебуцкой церкви⁴⁾ читаемъ, между прочимъ, слѣдующее: *Item tres sere ferree wlgariter ruskey*, т. е. „три желѣзные замка, въ про-

1) Подробности о характерѣ и составѣ рукописи инвентаря Бревновскаго монастыря сообщены проф. Эмлеромъ въ предисловіи къ изданію, стр. 280—282.

2) *Registrum honorum monasterii Brzewnowiensis anno MCCCXVI^o conscriptum* напечатанъ Эмлеромъ же въ изданіи *Decem registra censuum bohemia (v Praze 1881)*, p. 151—218.

3) См. *Věst. král. české spol. náuk, Ročník 1888*, str. 289--292, 303—305.

4) Село, называемое *Chcezebuz* или *Choczzebuz* по латыни, *Chzebuz* по-чешски и *Zebus* по-нѣмецки, въ 40-хъ годахъ нынѣшняго вѣка входило въ составъ имѣнія Либехова Литомерицкаго края, издавна подвергнувшася оцѣмеченію (*Palacký, Popis království českého*, str. 76). Это село отно-

сторѣчїи называемые русскими“. Такимъ образомъ, въ данномъ свидѣтельствѣ мы имѣемъ указаніе или на замки русскаго производства, или на такіе, которые, можетъ быть, были сработаны и въ самой Чехїи, но по заимствованнымъ изъ Руси образцамъ.

Сомнѣнія въ правильности чтенія рукописи въ данномъ мѣстѣ не можетъ быть, такъ какъ издателемъ является проф. Эмлеръ, первый знатокъ въ области чешской палеографїи, извѣстный своими изданїями средневѣковыхъ памятниковъ. Кромѣ того, нужно имѣть въ виду, что издатель отнесся съ особеннымъ вниманїемъ къ данному тексту. Это видно изъ того, что онъ считалъ необходимымъ сдѣлать объясненїе и ссылку такого рода: V pražs. knize Misc. č 17 fol. K, 22 k r. 1460 vyčítají se v pozůstalosti Iana Chalupy „zamky tři ruské“¹⁾. Этой послѣдней справкой Эмлеръ обязанъ доктору Винтеру, извѣстному знатоку культурной исторїи средневѣковыхъ чешскихъ городовъ. Къ нему, повидимому, обращался самъ издатель инвентаря Бревновскаго монастыря, заинтересованный оригинальнымъ и рѣдкимъ указанїемъ на употребленїе въ Чехїи русскихъ замковъ.

Установивши фактъ несомнѣнной подлинности свидѣтельства, мы можемъ перейти къ критической его оцѣнкѣ.

Нани историки относятся съ нѣкоторымъ недоувѣрїемъ къ тѣмъ текстамъ, въ которыхъ находятся указанїя на русскїя сношенїя съ странами Западной Европы, и склонны иногда относить ихъ на долю Угорской Руси. Говоря о томъ, что „въ началѣ X вѣка русскїе купцы проходили съ своими телѣгами черезъ Чехїю на берега Дуная и продавали баварцамъ лошадей и невольниковъ“, Бестужевъ-Рюминъ въ скобкахъ ставитъ вопросъ: „не были ли это Угорскїе Русскїе?“ а въ примѣчанїи приводитъ отысканное Погодинымъ свидѣтельство

сится къ числу наиболѣе древнихъ владѣній Бревновскаго монастыря (Erhen, Registra diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae, pars I, p. 33—34). Съ Хцебуцкой церкви Бревновскїй монастырь получалъ 2 копы дохода (Emler, Decem registra, p. 175, 215).

1) См. Věst. král. české spol. náuk, Ročník 1888, str. 303.

грамоты Леопольда Австрійскаго отъ 1190 года: *Ruzarii quosinque tempore vadant (in Russiam), duo talenta solvant, et in reditu ex Ruzia, dimidium talentum*, — свидѣтельство, имѣвшее въ виду дѣйствительно, какъ можно думать, купцовъ изъ Угорской Руси, граничившей съ областью Австрійскаго герцога¹⁾. Нельзя ли также и въ данномъ случаѣ упомянутые въ нашемъ памятникѣ русскіе замки считать издѣліями Угорской Руси? Въ самомъ дѣлѣ, по замѣчанію одного изслѣдователя, русскіе въ XIII вѣкѣ часть свинца получали изъ рудниковъ городка Родна, въ нынѣшнемъ Быстрицкомъ округѣ, на границѣ Трансильваніи и Буковины, а изъ Трансильваніи шло также и желѣзо²⁾.

Въ данномъ случаѣ мы не можемъ видѣть свидѣтельства, относящагося къ Угорской Руси. Прежде всего, позволено усомниться въ томъ, чтобы Угрія вообще была особенно богата въ XIV вѣкѣ добычей желѣза. По крайней мѣрѣ, желая способствовать развитію горнаго дѣла въ Австріи, а потому запрещая въ 1371 году ввозъ желѣза изъ Чехіи и Баваріи, герцогъ Альбрехтъ Австрійскій не считалъ, очевидно, необходимымъ примѣнять эту мѣру по отношенію къ Угріи³⁾. Кромѣ того, самый фактъ ввоза въ Россію нѣкоторой части Трансильванскаго желѣза является косвеннымъ указаніемъ на развитіе кузнечнаго дѣла на Руси и малый спросъ на необдѣланное желѣзо въ самой Трансильваніи.

Хотя русскіе, какъ было на это указано выше, получали много металлическихъ издѣлій и оружія изъ Западной Европы и Востока, но эти заграничныя вещи были, вѣроятно, въ употребленіи у князей и высшихъ классовъ населенія, а „большая часть народа пробавлялась, — по замѣчанію одного ученаго, — своими желѣзными издѣліями“⁴⁾. Спросъ на боевые

1) Бестужевъ-Рюминъ, Русская исторія, т. I, стр. 261.

2) М. Д. Хмыровъ, Металлы, металлическія издѣлія и минералы въ древней Россіи (Спб. 1875), стр. 71.

3) Ferd. Tadra, Kulturní styky Čech s cizinou (V Praze, 1897), str. 46; Urkundb. d. L. ob d. Enns VIII, 523.

4) Аристовъ, стр. 116.

доспѣхи въ XIII—XIV вѣкахъ на Руси былъ столь значителенъ, что не могъ удовлетворяться привозными издѣліями, а неизбѣжно долженъ былъ вызвать развитіе мѣстнаго производства 1). Матеріала для желѣзнаго дѣла было довольно. Кромѣ древней болотной руды Устюжны-Желѣзнопольской, кромѣ открытой промышленными новгородцами въ XIV вѣкѣ желѣзной руды въ Неноксѣ, на берегахъ Вѣлаго моря, существовали руды почти повсемѣстно на Руси, а нѣкоторыя изъ нихъ были разрабатываемы еще со скиѣской поры. По замѣчанію Хмырова, извѣстіе первоначальной лѣтописи, что хазары требовали отъ полянъ дань мечами, является весьма правдоподобнымъ, вопреки мнѣнію Карамзина и Костомарова, такъ какъ въ сѣверной части Кіевской и восточной части Волынской губерній встрѣчается не мало рудъ 2). О значительномъ развитіи желѣзнодорожнаго промысла свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что древнѣйшему русскому языку извѣстны названія желѣзныхъ орудій, предметовъ и издѣлій земледѣльческихъ: лемеха, рала, косы, серпа; плотнично-столярныхъ: пилы, долота, сверла, тесла; кузнечныхъ: наковальни, молота, клещей; кухонныхъ: котла, тренога или тагана, сковороды, цѣрна (солеварная сковорода); домашняго хозяйства: топора или сѣкиры, ножа и ножницъ, заступа (онъ же: рогалія, мотыка, лыскаръ), косаря, гвоздя, шила, удочки, замка, желѣзь (цѣпей); оружія: меча, сабли, копья (онъ же: лущъ, сулица, ослопъ, совень), рогатины, кончары, щита, шелома (онъ же прилбица), брони, кольчуги, папорзей или паперсей (родъ лать), лука и стрѣль 3).

Трудно сказать, насколько былъ правъ Аристовъ и на чемъ собственно онъ основывался, позволяя себѣ высказать о развитіи кузнечнаго дѣла въ Кіевѣ слѣдующее: „Кузнецы

1) Когда въ 1270 году великій князь Ярославъ угрожалъ Новгороду, и пригониша сторожи Ярославли мало не до Городища, и выидоша весь градъ въ оружіи, отъ мала и до велика, къ Городищу“ (Новгородская первая лѣтопись, стр. 62).

2) Хмыровъ, стр. 12, 32—33, 82.

3) Аристовъ, стр. 112—115.

русскіе существовали въ Кіевѣ уже въ XII стол. и составляли особый классъ мастеровыхъ; они имѣли кузницы около городскихъ воротъ, которыя поэтому и назывались кузнечими¹⁾, но существованіе въ ту пору кузнецовъ въ Курскѣ засвидѣтельствовано нашими источниками: мать св. Θεодосія Печерскаго приказала заковать сына въ желѣза²⁾, а самъ Θεодосій „шедъ къ единому отъ кузнецъ и повелѣ ему желѣзо съченато сковати, иже вземъ препояса имъ по чреслѣхъ своихъ“³⁾. Знаніе кузнечнаго дѣла было такъ распространено на Руси, что за издѣліе желѣзныхъ вещей брались иногда люди, не занимавшіеся специально мастерствомъ. Такъ, напр., преподобный Несторъ самъ дѣлалъ заступъ для раскопки могилы св. Θεодосія: „Азъ же пристроихъ семь дни рогаляя, имже копати“⁴⁾.

Что касается въ частности замковъ, то они были въ ходу на Руси съ древнихъ временъ. Въ 1169 году Феодорецъ велѣлъ „церкви вси Володимири затворити и ключъ церковныя взя“⁵⁾. Святославъ Всеволодовичъ въ Вышгородѣ „приде ко отни гробницы, и хотѣ внити по обычаю; попови же отшедшю съ ключемъ“⁶⁾.

По словамъ одного спеціалиста, „желѣзное дѣло на Руси XIV вѣка, сравнительно съ прежнимъ, расширилось. . . Да и самое мастерство это въ теченіе XIV вѣка значительно улучшилось отъ вліянія татарскаго, которое, расширивъ русское вооруженіе того времени, сообщило предметамъ его лучшую степень отдѣлки“⁷⁾.

Теперь намъ остается выяснить, какимъ образомъ могли попасть русскія металлическія издѣлія въ далекую сравни-

1) Аристовъ, стр. 116.

2) Хмыровъ, стр. 51; Филаретъ (еписк. Харьков.), Житіе препод. отца нашего, игумена печерскаго, Θεодосія (Уч. Записки Имп. Ак. Наукъ, по II. отд., 1856, кн. II, отд. III, стр. 134).

3) Аристовъ, стр. 116, прим. 362.

4) Лѣтопись по Ипатскому списку, стр. 147

5) Тамъ же, стр. 377.

6) Тамъ же, стр. 457.

7) Хмыровъ, стр. 83.

тельно Чехію. Указаніе на это можно найти въ тѣхъ свѣдѣніяхъ о чешско-русскихъ торговыхъ и культурныхъ сношеніяхъ, которыми мы располагаемъ, несмотря на отрывочность и скудость нашихъ источниковъ.

Среди многочисленныхъ женъ Владиміра Святаго была чешка, отъ брака съ которой князь имѣлъ сына Вышеслава, княжившаго нѣкоторое время въ Новгородѣ¹⁾. Частицы мощей св. Бориса и Глѣба находились послѣ 1071 года въ чешскомъ Сазавскомъ монастырѣ, который былъ, повидимому, въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ русской славянской церковью. Въ 1148 году, при возвращеніи изъ крестоваго похода, по Черному морю и Днѣпру, король чешскій Владиславъ посѣтилъ Кіевъ; здѣсь его принималъ и угощалъ Кіевскій князь Изяславъ II. Въ грамотѣ папы Иннокентія IV упоминается объ отправленіи въ 1246 году, по желанію русскаго князя, двухъ доминиканскихъ монаховъ. Знаменитый чешскій король Оттокаръ II былъ женатъ на Кунгутѣ, дочери русскаго князя Ростислава²⁾.

Приводя эти ничтожныя данныя о чешско-русскихъ сношеніяхъ, мы убѣждены въ томъ, что для правильнаго сужденія объ интенсивности ихъ всегда нужно имѣть въ виду скудость нашихъ источниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, принимая во вниманіе поразительное сходство нѣкоторыхъ русскихъ и чешскихъ народныхъ пѣсенъ, а равно и то обстоятельство, что славянскія житія такихъ чешскихъ святыхъ, какъ Іоаннъ, Людмила, Вацлавъ, сохранились только въ русскихъ спискахъ³⁾, — можно придти къ убѣжденію, что въ средневѣковую пору поддерживались живыя и непрерывныя культурныя сношенія между Русью и Чехіей. Въ частности имѣются также указанія и на торговыя сношенія. По свидѣтельству испанскаго еврея, Ибрагима

1) П л о в а й с к і й, Исторія Россіи (Москва 1876), т. I, стр. 75—76.

2) F e r d. T a d g a, Kulturní styky, str. 119—150. Объ участіи Данила Романовича Галицкаго въ войнахъ венгровъ съ чехами см. Н. Д а ш к е в и ч а, Княженіе Данила Галицкаго (Кіевъ, 1873), стр. 98—102.

3) А. Н. Я с и н с к і й, Паденіе земскаго строя въ чешскомъ государствѣ (Кіевъ, 1895), стр. 10—12.

Ибнъ-Якуба, совершившаго около 965 года путешествіе по западно-славянскимъ землямъ, городъ Прага отстоялъ отъ Кракова на разстояніи трехъ недѣль пути и, представляя наиболѣе торговый городъ въ славянскомъ мірѣ, былъ усердно посѣщаемъ и русскими купцами. Въ письмѣ королевы Кунгуты, супруги короля Оттокара II, упоминается о дѣлѣ какого-то Опавскаго купца, который около 1270 года подвергся ограбленію въ Галичѣ. Въ 1350 году чешскіе купцы жаловались императору Карлу IV на Краковскихъ мѣщанъ, которые, вопреки древнему обычаю, чинили имъ затрудненія въ торговлѣ съ Русью и Пруссіей, требуя уплаты какихъ-то новыхъ мытъ и пошлинъ и преграждая имъ возможность пользоваться торговыми путями, къ явному ихъ вреду и съ нарушеніемъ имперскихъ правъ. Наконецъ, есть указаніе на то, что чешскіе купцы пріѣзжали въ города Ригу и Ревель, состоявшіе въ торговлѣ съ нашими русскими республиками, Псковомъ и Новгородомъ¹⁾.

* * *

На основаніи всего вышеизложеннаго, мы позволяемъ себѣ утверждать, что русскіе замки, а также, можетъ быть, и другія металлическія издѣлія были отправляемы въ Чехію и находили тамъ сбытъ въ XIV—XV вѣкахъ. Какъ ни мало важенъ съ перваго взгляда отмѣченный нами фактъ, онъ все-таки пополняетъ наше представленіе о древнерусской промышленности и увеличиваетъ сумму нашихъ свѣдѣній о культурной взаимности славянскихъ народовъ.

А. Ясинскій.

1) Ferd. Tadra, str. 41.

Лужицкіе Сербы (Лужичане).

(Изъ путевыхъ замѣтокъ лѣтомъ 1897 года).

Лужицкіе Сербы или Лужичане представляютъ собою въ высшей степени интересный остатокъ нѣкогда болѣе многочисленнаго славянскаго народа сѣверо-западной вѣтви. Занимая въ старину обширныя земли между Салой, Чешскимъ лѣсомъ, Одеромъ и его притоками, Лужицкіе Сербы въ настоящее время живутъ лишь въ нѣкоторыхъ городахъ, мѣстечкахъ и селеніяхъ Бранденбургской и Силезской провинцій Пруссіи и въ Саксоніи. Соотвѣтственно теченію главныхъ германскихъ рѣкъ съ юга на сѣверъ, Лужичане (Lausitz) въ географическомъ отношеніи раздѣляются на двѣ части „нижнихъ“ (Niederlausitz) и „верхнихъ“ (Oberlausitz): первые — въ провинціи Бранденбургской, вторые въ провинціи Силезской и въ Саксоніи. Площадь, занимаемая Лужичанами, равняется въ общемъ 12,789 кв. кил., при чемъ на „нижнихъ“ Лужичанъ приходится 6840 кв. кил., а на „верхнихъ“ 5939 (въ Силезіи 3469 и въ Саксоніи 2470). Всего сербо-лужицкаго населенія считается ок. 170,000 чел., между которыми „нижнихъ“ Лужичанъ ок. 70,000, а „верхнихъ“ ок. 100,000 (въ Силезіи 38,000 и въ Саксоніи 60,000). „Верхніе“ Лужичане — протестанты, за исключеніемъ 10,000 католиковъ; „нижніе“ всѣ протестанты безъ исключенія, если не принимать въ расчетъ единичныхъ случаевъ.

Наиболѣе значительные города и мѣстечки, въ которыхъ живутъ „нижніе“ Лужичане — Любневъ (Lübbenau), Хочебусъ

(Cottbus), Ветешовъ (Wetschau), Гродекъ (Spremberg); но тутъ они перемѣшаны съ нѣмецкимъ населеніемъ, да и сами уже настолько онѣмечились, что нѣмецкій языкъ слышится въ этихъ мѣстахъ чаще лужицко-сербскаго; болѣе чистое славянское населеніе въ деревняхъ Борковы (Burg), Липе (Leipe) и др.; изъ городовъ, лежащихъ въ области „верхнихъ“ Лужичанъ, нужно назвать все болѣе и болѣе становящійся нѣмецкимъ Сгорълецъ (Görlitz) и Будишинъ (Bautzen), центръ теперешней сербо-лужицкой интеллигентной, ученой и литературной жизни. Т. о., собственно народную жизнь, въ большей или меньшей ея неприкосновенности и чистотѣ (говоря, конечно, относительно), можно найти въ деревняхъ и селахъ Нижней Лужицы (въ провинціи Бранденбургской), а слѣды и результаты умственной жизни въ народномъ направленіи — въ Будишинѣ. На этихъ двухъ пунктахъ я и остановлюсь по преимуществу въ настоящемъ моемъ разсказѣ, предваривъ его нѣкоторыми необходимыми краткими историческими замѣчаніями.

Раздѣляясь на многочисленныя мелкія племена (Мильчане, Лужичане и др.), Лужицкіе Сербы, не имѣвшіе между собою крѣпкой политической организаціи, уже со временъ Карла Великаго, вмѣстѣ съ племенами нынѣ вымершаго Балтійскаго и Полабскаго славянства, стали подвергаться натиску нѣмцевъ, при чемъ постепенно, одно племя за другимъ, уступали болѣе сильному врагу и теряли свою племенную самостоятельность, такъ что къ XI-му вѣку уже не было ни одного изъ нихъ, не подчиненнаго нѣмецкому владычеству. При этихъ погромахъ власть надъ Лужицкими Сербами то доставалась разнымъ феодальнымъ владѣтелямъ (графамъ Мейссенскому и Бранденбургскому), то переходила въ руки поляковъ, чеховъ и саксонцевъ, пока наконецъ, послѣ Тридцатилѣтней войны, народность эта не была раздѣлена между Саксоніей и Пруссіей, въ каковомъ положеніи (но съ важнымъ измѣненіемъ, по рѣшенію Вѣнскаго конгресса 1815 года), она и находится въ настоящее время.

Весьма естественно, что раннее лишеніе политической свободы повлекло за собою и раннее ослабленіе народности,

выразившееся прежде и больше всего въ языкѣ. Получивши первоначальное христіанское ученіе едва ли не отъ самихъ славянскихъ первоучителей (по крайней мѣрѣ, есть преданіе, что св. Константинъ самъ приходилъ въ окрестности Сторѣльца), черезъ Поляковъ и Чеховъ, и находясь въ IX столѣтіи въ связяхъ съ Велико-Моравскимъ княжествомъ, Лужицкіе Сербы еще въ XIII вѣкѣ сохраняли народный языкъ въ богослуженіи и въ судѣ; съ XIV же вѣка народный языкъ изгоняется изъ судовъ въ пользу нѣмецкаго, а изъ богослуженія — въ пользу латинскаго. Реформація въ XVI вѣкѣ, которой подверглись „верхніе“ Лужичане, уже не могла спасти, при сильномъ политическомъ и культурномъ вліяніи нѣмцевъ, сербо-лужицкій языкъ и народность отъ дальнѣйшаго порабощенія и ослабленія, хотя нужно замѣтить, что именно къ этому времени относятся старѣйшіе сохранившіеся памятники сербо-лужицкаго языка: рукописный Новый Заветъ 1548 года (въ Берлинской Королевской библіотекѣ) и небольшой канціональ съ молитвами и катехизисомъ Лютера, напечатанный евангелическимъ проповѣдникомъ Альбиномъ Моллеромъ въ 1574 г. Во второй половинѣ XVI-го и въ XVII вѣкѣ упадокъ сербо-лужицкой народности продолжался, при чемъ бѣдствія Тридцатилѣтней войны чрезвычайно ослабили и матеріальное ея положеніе; изъ дѣятелей этого времени особенно выдаются проповѣдникъ Михаилъ Бранцель или Френцель (1628—1706) и его сынъ Авраамъ (1656—1740), переходящій уже второй половиной своей дѣятельности въ слѣдующее столѣтіе: отецъ перевелъ на сербо-лужицкій языкъ Новый Заветъ, работалъ надъ установленіемъ народной орѳографіи и издалъ для народа немало церковно-поучительныхъ книгъ, а сынъ съ особеннымъ увлеченіемъ занимался исторіей и языкомъ своего народа, при чемъ свои труды издавалъ главнымъ образомъ на латинскомъ языкѣ (*De originibus linguae Sorabicae libri IV, De diis Slavorum et Soraborum in specie* и др.). Первая половина XVIII вѣка ознаменована была для Лужичанъ изданіемъ (въ 1728 году) на верхне-лужицкомъ нарѣчій полного пере-

вода Библии; на ниже-лужицкомъ нарѣчїи подобный трудъ появился почти на цѣлое столѣтіе позднѣе (1824), хотя отдѣльными частями онъ былъ извѣстенъ и опубликованъ еще въ XVIII вѣкѣ (Новый Завѣтъ въ 1709-мъ, а Ветхій Завѣтъ въ 1797-мъ). Кромѣ того, въ XVIII вѣкѣ выходило немалое количество духовныхъ пѣсенъ и проповѣдей для обѣихъ частей Лужицкаго народа (труды Преторія, Аста, Вавера — для протестантовъ, Кириана, Ганчка, Вальда — для католиковъ), но Семилѣтняя война, павшая тяжелымъ бременемъ на сербо-лужицкую народность, много содѣйствовала, вмѣстѣ съ возрастающей германизацией, подавленію этой просвѣтительной и литературной дѣятельности, хотя опять-таки именно къ этому времени и относятся первые труды ученаго характера (д-ра Карла Готтлоба Антона, 1751—1818), въ которыхъ вопросъ о сохраненіи сербо-лужицкаго языка и объ изученіи сербо-лужицкаго народнаго творчества поставленъ на серьезную и сознательную почву: въ этомъ сказалось общее вліяніе пробудившагося во второй половинѣ XVIII в. теоретическаго интереса къ народности; труды самаго д-ра Антона писаны, впрочемъ, то по-нѣмецки, то по-латыни.

Въ XIX вѣкѣ этотъ интересъ къ сербо-лужицкой народности, какъ въ ней самой такъ и со стороны, возрастаетъ, хотя наполеоновскія войны, въ которыхъ Лужичане сражались за освобожденіе нѣмецкаго народа, принесли имъ немало новыхъ ранъ и огорченій. Появляются такіе общественные и литературные дѣятели, какъ пасторъ Андрей Любенскій (1790—1840), указывавшій на знаменательную принадлежность своей народности къ великому славянскому племени, и его другъ и товарищъ, адвокатъ Фр. Ад. Клинь (1792—1855), бывшій политическимъ вождемъ Лужичанъ, отстаивавшій въ 1833—34 годахъ на земскомъ сеймѣ употребленіе лужицкаго языка въ школахъ и явившійся однимъ изъ главныхъ основателей Сербской Матицы въ 1847 году; здѣсь же долженъ быть упомянутъ и Андрей Зейлеръ (1804—1872), обнаружившій широкую и разнообразную литературную дѣятельность.

и даже до настоящаго времени его сочиненія, въ стихахъ и въ прозѣ, пользуются наибольшей популярностью среди сербо-лужицкой публики. Но самыми замѣчательными представителями новѣйшаго сербо-лужицкаго возрожденія должно признать Яна-Эрнеста Смолера (1817—1884) и Михаила Горника (1833—1894): оба они съ необыкновенной энергіей въ продолженіе всей своей жизни работали надъ собираніемъ и изданіемъ памятниковъ народной сербо-лужицкой поэзіи и быта, ревностно изучали исторію и современное положеніе своего народа, основывали и руководили литературными обществами въ народномъ духѣ, написали много научныхъ и популярныхъ книгъ и принимали дѣятельнѣйшее участіе въ сербо-лужицкой журналистикѣ. Они окружены были цѣлымъ рядомъ помощниковъ, изъ которыхъ особенно слѣдуетъ назвать А. Мосакъ-Класопольскаго, Л. Гаунта, Я. Йордана, Я. Пеха, К. Фидлера. Въ широкихъ обще-славянскихъ идеяхъ сербо-лужицкіе патріоты находили себѣ сочувствіе и дѣятельную поддержку и въ представителяхъ другихъ славянскихъ народностей, посѣщавшихъ сербо-лужицкія земли — Палацкомъ, Мацѣвскомъ, Штурѣ, Милутиновичѣ, Срезневскомъ, Бодянскомъ, Гильфердингѣ. Нѣкоторые изъ русскихъ принимали непосредственно участіе въ учено-литературныхъ трудахъ на пользу сербо-лужицкаго народа (напр., Срезневскій дѣятельно помогалъ Смолеру въ изданіи верхне- и ниже-лужицкихъ народныхъ пѣсенъ), и лучшіе труды по исторіи этой вѣтви славянскаго племени, помимо самихъ сербо-лужичанъ, безспорно принадлежатъ русскимъ (Гильфердингъ, Первольфъ, Лебедевъ, Срезневскій, Новиковъ и др.)¹⁾.

Должно сказать, впрочемъ, что въ этомъ процессѣ новѣйшаго возрожденія далеко не одинаковое участіе приняли обѣ части сербо-лужицкаго народа. Въ несравненно-выгоднѣйшихъ

1) А. Пыпинъ и В. Спасовичъ, Исторія славянскихъ литературъ. Изд. 2. II, стр. 1068—1090. А. Гильфердингъ, Народное возрожденіе Сербовъ-Лужичанъ въ Саксоніи. Собр. соч., т. II (Спб. 1868), стр. 19—49. Т. Флоринскій, Лекціи по славянскому языковзванію. Ч. II. Кіевъ 1897, стр. 583—591.

условія ихъ находились и находятся Верхніе Лужичане, входящіе политически въ составъ Саксонскаго королевства; въ этомъ отношеніи много помогли имъ смутныя событія 1848 года, во время которыхъ политическіе вожди сербо-лужицкаго народа прекрасно поняли свою роль въ смыслѣ народной пользы и поставили свой народъ въ сторонѣ отъ смутъ и волненій; въ дрезденскихъ событіяхъ только сербскій полкъ остался вѣренъ королю, и въ награду за это Сербы получили вскорѣ право народнаго языка въ церкви, судѣ и школѣ. Расположеніе саксонскаго королевскаго дома къ сербо-лужичанамъ сдѣлалось уже какъ бы традиціоннымъ и получило еще недавно особое выраженіе во время этнографической выставки въ Дрезденѣ лѣтомъ 1896 года: „вотъ, ѣдутъ мои вѣрные Сербы!“ сказалъ король при представленіи на выставкѣ разныхъ народныхъ грушъ, въ національныхъ костюмахъ, когда приблизились Сербы; это было услышано, передано и рассказывается теперь среди народа и интеллигенціи съ восторгомъ. Далеко не въ такихъ, сравнительно счастливыхъ, условіяхъ находятся Нижніе Лужичане, принадлежащіе къ Прусскому королевству: тамъ идетъ энергическій процессъ германизации, стирающій народныя особенности въ бытѣ и ограничивающій область распространенія сербо-лужицкаго языка, который не имѣетъ почти и тѣни тѣхъ официальныхъ правъ, какія предоставлены этому же языку въ Саксоніи. Тѣмъ большаго интереса и вниманія заслуживаетъ этотъ тающій среди нѣмецкаго моря остатокъ славянства. Къ нему мы и обратимся.

Область Нижнихъ Лужичанъ въ Германіи и среди туристовъ всѣхъ странъ, усердно посѣщающихъ эти мѣста, извѣстна всего болѣе подъ именемъ Spreewald'a: она лежитъ въ бассейнѣ рѣки Шпрее, развѣтвляющейся на множество ручьевъ, рѣчекъ и каналовъ (до 300), и покрыта обильной древесной, кустарниковой и травяной растительностью. Сообразно своему положенію въ бассейнѣ названной рѣки, Spreewald, въ свою очередь, дѣлится на Oberspreewald (въ верхнемъ теченіи рѣки Шпрее) и Unterspreewald (въ нижнемъ ея теченіи).

Одинаково обильныя водой во все время года, по своему низкому положенію и природному характеру почвы, обѣ эти части различаются по своей растительности; обладая меньшей площадью лѣсного пространства (7400 гектаровъ), Unterspreewald представляетъ болѣе разнообразія и величественности, болѣе интересенъ для натуралиста и исключительнаго любителя природы, нежели Oberspreewald, который, при большемъ пространствѣ своемъ (20,700 гектаровъ), обладая въ меньшей степени нетронутыми красотами природы, представляетъ несравненно большій интересъ для этнографа и обыкновеннаго туриста, такъ какъ на его обширномъ пространствѣ разсѣяно немало мѣстъ, удержавшихъ еще, благодаря сравнительной отдаленности отъ большихъ городскихъ центровъ и отсутствію желѣзнодорожныхъ сообщеній, много исконно-народнаго, славянскаго въ смыслѣ языка, возрѣній, быта и вообще цѣлаго склада матеріальной и духовной жизни населенія.

Посѣтивъ Unterspreewald, т. ск., мимоходомъ, я имѣлъ возможность ближе ознакомиться съ Oberspreewald'омъ.

Лучшимъ мѣстомъ для начала путешествія по Oberspreewald'у, безспорно, служитъ небольшой городокъ Любневъ (Lübbenau) съ 3800 жителей, занимающихся гл. обр. огородничествомъ, вслѣдствіе удобной для того, влажной почвы. Любневъ ведетъ свое происхожденіе съ 1179 года и, какъ почти всѣ города Германіи, связанъ съ именами нѣкоторыхъ изъ своихъ нрежнихъ владѣльцевъ — Иленборговъ, Шуленбурговъ, графовъ Линаръ; замокъ послѣднихъ, окруженный прекраснымъ паркомъ, еще и теперь служитъ жилищемъ членовъ этой фамиліи и привлекаетъ вниманіе туристовъ. Обиліе путешественниковъ по Spreewald'у вызвало основаніе въ 1887 году въ Любневѣ особаго Общества (Spreewaldverein), поставившаго себѣ главной задачей распространять свѣдѣнія о Spreewald'ѣ и предоставлять обращающимся туда иностранцамъ разныя практическія удобства, давать указанія и совѣты относительно путешествія.

Отъ Берлина по желѣзной дорогѣ до Любнева около

2¹/₂ часовъ, но отъ Любнева, сообразно особенностямъ страны, путешествіе принимаетъ уже совсѣмъ другой характеръ.

Въ Spreewald'ѣ, по обилію воды, самыми естественными и наиболѣе употребительными путями сообщенія являются тѣ безчисленныя рѣчки, каналы и протоки, которые пересѣкаютъ и переплетаютъ всю эту низменность въ различныхъ направленіяхъ. Средствомъ для передвиженія лѣтомъ служитъ продолговатая плоскодонная лодка, приводимая въ движеніе особымъ багромъ, имѣющимъ на опущенномъ въ воду концѣ форму весла; ѣдущій не гребетъ, а опирается въ дно столько же по мелкости водяного пути, сколько и по его иногда чрезвычайной узости. Для сѣдока устанавливается обыкновенно посрединѣ лодки удобное деревянное или плетеное кресло, а везущій становится сзади — способъ, совершенно тождественный съ венеціанскими гондольерами. Такая лодка (стоимостію отъ 20 до 100 марокъ) имѣется у каждаго, даже самаго бѣднаго хозяина, а у большинства ихъ по нѣскольку. Тѣзда на лодкѣ сопровождаетъ всѣ моменты жизни лужичанина: его везутъ на ней младенцемъ крестить въ церковь, на ней онъ ѣдетъ въ торжественномъ поѣздѣ къ вѣнцу, на ней же отвозятъ и его гробъ до могилы. Въ хозяйствѣ лодка служитъ обычнымъ средствомъ для перевозки разныхъ предметовъ и тяжестей, подобно тому, какъ нашему крестьянину служатъ лошадь и телѣга. Хотя въ Spreewald'ѣ есть и сухопутныя дороги (скорѣе — тропинки), но онѣ имѣютъ лишь самое узкое назначеніе въ предѣлахъ сравнительно небольшого пространства и дополняются, соединяясь одна съ другой, узкими мостиками черезъ воду, очень высоко поднятыми — чтобъ не мѣшать проходу обильно нагруженныхъ лодокъ; поэтому, пѣшкомъ по Spreewald'у (объ экипажѣ и говоритъ нечего) далеко уйти нельзя. Имѣя дѣло съ лодкою цѣлую жизнь, лужичанинъ, конечно, научился владѣть ею въ совершенствѣ, при чемъ въ этомъ искусствѣ мужчинамъ очень мало уступаютъ женщины и дѣвушки. Для туриста же этотъ способъ путешествія представляетъ необычайную и совершенно своеобразную

прелестъ: приводимая въ движеніе почти незамѣтными толчками сзади, лодка плавно скользитъ по поверхности этихъ узкихъ протоковъ, всего больше похожихъ на аллеи обширнаго парка во время наводненія. Въ настоящемъ смыслѣ наводненіе бываетъ въ Spreewald'ѣ зимою, когда вода поднимается значительно выше своего лѣтняго уровня и затопляетъ огромныя пространства земли. Покрываясь на два-три мѣсяца льдомъ, это обширное водное пространство зимой совершенно мѣняетъ фізіономію мѣстности и обращаетъ ее, т. ск., въ колоссальный катокъ: лодки замѣняются особыми стульями и санями на полозьяхъ, а вмѣсто багра ѣдущій или везущій вооружается коньками и длинной палкой съ желѣзнымъ наконечникомъ; владѣть коньками тутъ каждый въ извѣстномъ возрастѣ, безъ различія пола, умѣетъ такъ же хорошо, какъ и багромъ, и всему тому, чему весной и лѣтомъ служила лодка, зимой, во время льда, служатъ сани.

Селенія въ Spreewald'ѣ представляютъ собою чрезвычайно оригинальный видъ. Улицей, по которой происходитъ постоянное движеніе на саняхъ, конькахъ или лодкахъ, служитъ вода; къ ней обращены дома своей передней частью; при домахъ, владѣющихъ нѣсколькими лодками, сдѣланы особыя искусственныя заводы, гдѣ эти лодки стоятъ; за домомъ и отчасти по бокамъ его расположены сады и огороды, а также хозяйственныя постройки, гдѣ помѣщается скотъ и домашняя птица, всякаго рода хозяйственные предметы и плоды сбора съ огородовъ и луговъ. Есть каменные дома, но большая часть ихъ — деревянные, на сваяхъ, тщательно и весьма искусно укрѣпляемыхъ. Крыши — то черепичныя, то изъ мелкихъ кусковъ дерева, то изъ соломы. Дверь въ домъ находится посрединѣ стѣны, составляющей передній фасадъ дома. Въ домѣ обыкновенно три комнаты: одна — для спанья, и значительную часть ея занимаетъ огромная постель съ разноцвѣтнымъ или вышитымъ пологомъ надъ нею; другая — для обычнаго пребыванія въ ней днемъ, и третья — кухня. Между жилой комнатой и кухней стоитъ кафельная печь, согрѣвающая

зимой обѣ комнаты одновременно; надъ печью сдѣланы особыя деревянныя приспособленія, на которыхъ развѣшиваются для просушки бѣлье, неводѣ и проч., а вокругъ идетъ скамья, на которой усаживаются въ зимшіе вечера дѣвушки, собирающіяся на посидѣлки и проводящія на нихъ время въ пряжѣ льна, пѣніи пѣсенъ, сказываніи сказокъ и обыденныхъ разговорахъ. По стѣнамъ комнатъ на палкахъ разставляется наиболѣе изящная и рѣдкая посуда и другіе цѣнные предметы, составляющіе собственность семьи и переходящіе отъ одного поколѣнія къ другому.

Главная статья хозяйства лужицкаго крестьянина въ Spreewald'ѣ — огородъ; тутъ онъ садитъ и сѣетъ всевозможныя овощи: лукъ, бобы, капусту, морковь, салатъ; сады, вслѣдствіе излишней влажности почвы, встрѣчаются рѣдко, и еще рѣже, по той же причинѣ, сѣется хлѣбъ; овощи выгодно сбываются въ близъ лежаще города и даже доходятъ до Берлина. Другой важной статьёй хозяйства являются луга, съ которыхъ обильно собирается сѣно, идущее какъ для прокормленія домашняго скота, такъ и на продажу. Немаловажную роль между домашнимъ скотомъ играютъ овцы, которыя своей шерстью, вмѣстѣ съ собираемымъ льномъ, доставляютъ экономной и запасливой семьѣ, неохотно покупающей что-нибудь со стороны, матеріалъ для приготовляемаго дома бѣлья и одежды. Важнымъ предметомъ питанія служить, конечно, также рыба, изъ разныхъ сортовъ которой приготовляются весьма вкусныя блюда подъ особымъ соусомъ мѣстнаго изобрѣтенія, имѣющимъ славу между туристами; рыбы этой въ водахъ Spreewald'a еще довольно много, но вотъ уже лѣтъ 15, какъ нѣтъ раковъ, истребленныхъ какой-то эпидемической болѣзнью не только здѣсь, но и дальше — въ Одерѣ и даже въ Эльбѣ.

Своеобразныя природныя условія, въ которыя поставленъ житель Spreewald'a, не могутъ быть названы вполне благоприятными; съ природой онъ долженъ постоянно вести борьбу, чтобы обезпечить свое существованіе, и это выработало въ немъ, вмѣстѣ съ отдаленностью отъ большихъ центровъ жизни,

многія симпатичныя стороны характера: трудолюбіе, настойчивость, бережливость, крѣпкую семейственность, поэтичность воззрѣній на окружающую природу и на связь между природой и своей собственной личностью. Это послѣднее особенно сказывается въ цѣломъ рядѣ представленій, сопровождающихъ всѣ выдающіеся моменты личной жизни серболужичанина. Рожденіе ребенка и въ особенности его крещеніе, происходящее въ церкви, торжественно празднуется въ семьѣ въ продолженіе цѣлыхъ шести недѣль. Дитя затѣмъ бережно охраняется матерью отъ вліянія нечистой силы, которая, напр., можетъ подмѣнить одного ребенка другимъ въ случаѣ, если неосторожная мать выйдетъ въ полночь изъ дому; кромѣ того, оно не должно до одного года смотрѣть въ зеркало, иначе его будутъ пугать видѣнія и пр. Еще съ большимъ торжествомъ празднуется свадьба, въ которой принимаютъ участіе многіе приглашенные родственники и знакомые; весь обрядъ этотъ, ровно какъ и предшествующее ему сватовство, носятъ на себѣ многія черты отдаленной старины, общей и другимъ славянскимъ народамъ, въ родѣ, напр., „выкупа“ невѣсты женихомъ, обряда одѣванія невѣсты къ вѣнцу и т. д. Когда кто-нибудь умеръ, то пока покойника не вынесли изъ дому, тамъ все время долженъ горѣть огонь, иначе мыши выѣдятъ покойнику глаза; солома, на который кто-нибудь умеръ, должна быть закопана въ землю въ отдаленномъ мѣстѣ, куда никто не ходитъ, и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отдана на кормъ скотинѣ. Душа умершаго чловѣка имѣетъ видъ бѣлаго голубя, и если кто-либо умираетъ, то нужно отворить окно въ домѣ, чтобы ее выпустить. Если дитя умираетъ некрещенымъ, то послѣ смерти душа его блуждаетъ вокругъ своего дома.

Немало разнаго рода суевѣрныхъ и фантастическихъ представленій соединяется у серболужичанина съ важнѣйшими годовыми праздниками. При возвращеніи съ рождественской службы изъ церкви слѣдуетъ трясти плодовые деревья, при

чемъ кто-нибудь ложится на землю къ стволу дерева и слушаетъ, что тамъ происходитъ: если слышна музыка, то въ предстоящій годъ будетъ въ семьѣ свадьба; если — пѣніе, то кто-нибудь умретъ; чтобы дерево принесло въ слѣдующемъ году плоды, нужно прикрыть его стволъ соломой какъ разъ въ 12 часовъ въ рождественную ночь. Когда въ церкви уже начали звонить къ рождественской службѣ, то надо покрыть голову бѣлымъ платкомъ, девять разъ обойти вокругъ дома и потомъ, обернувшись, посмотрѣть черезъ плечо въ домъ: тамъ можно увидѣть, что должно произойти въ предстоящемъ году. Существуетъ множество способовъ гаданія дѣвушекъ о женихахъ въ рождественскую ночь. То же самое, съ различными видоизмѣненіями, имѣетъ мѣсто и вечеромъ наканунѣ Новаго года; въ самый Новый годъ слѣдуетъ остерегаться всякой неловкости и неудачи, такъ какъ въ такомъ случаѣ онѣ будутъ повторяться весь послѣдующій годъ. Время масляницы есть время безграничнаго веселья; особенно рекомендуется молодымъ людямъ побольше танцовать, такъ какъ отъ этого зависитъ качество льна въ данномъ году, и кто выше будетъ прыгать, у того и ленъ будетъ выше. Въ пасхальную ночь дѣвушки имѣютъ обычай ходить къ перекрестной водѣ (образуемой двумя или нѣсколькими ручьями) и умываться ею, чтобы пріобрѣсти красоту; это совершается въ глубокомъ молчаніи, нарушаемомъ однако же нерѣдко деревенскими молодыми людьми, пользующимися случаемъ напугать дѣвушекъ и потомъ завязать съ ними какой-нибудь веселый разговоръ; въ эту же ночь слѣдуетъ остерегаться прихода вѣдьмъ, что относится также и къ ночи на 1-го мая (Вальпургиева ночь), ради чего дѣлаютъ на входныхъ дверяхъ мѣломъ или краской кресты. Въ Троицу украшаютъ дома березовыми вѣтками. Подъ Ивановъ день, когда уже весенняя природа является обыкновенно во всей своей красотѣ, совершаются въ деревнѣ шумныя и веселыя празднества; при этомъ, разумѣется, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ тутъ „Иванова трава“, которую нужно съумѣть

найти и распознать; къ этому дню изъ разныхъ цвѣтовъ и травъ (рекомендуютъ также цвѣты съ кладбища) готовится множество вѣнковъ, которые и развѣшиваются по стѣнамъ дома; листьями отъ этихъ вѣнковъ обкуриваются помѣщенія для скота, чтобы предохранить его отъ разныхъ болѣзней.

Видную роль въ жизни лужицкаго крестьянина играетъ пѣніе и музыка. Преобладающее мѣсто между народными пѣснями принадлежитъ пѣснямъ лирическимъ, отличающимся нѣжностью тона, мелодической красотой и вмѣстѣ съ тѣмъ значительнымъ реализмомъ содержанія, касающагося какъ повседневныхъ, такъ и выдающихся сторонъ народной жизни. Музыкальная сторона этихъ пѣсень отличается той своеобразной особенностью, что нельзя замѣтить и предугадать, когда пѣсня окончится; конецъ ея наступаетъ для слуха какъ бы совершенно неожиданно, и тѣмъ самымъ имѣетъ какой-то меланхолическій отбѣнокъ. Довольно много имѣется плясовыхъ сербо-лужицкихъ пѣсень, т. е. пѣсень, сопровождающихъ народные танцы, между которыми одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ т. наз. „сербской реѣ“; музыкальный аккомпанементъ этой пѣсни отличается оригинальными подробностями, составляющими существенную прибавку къ тексту. Есть также у Лужичанъ немало пѣсень, отъ которыхъ сохранилась лишь ихъ музыкальная сторона, безъ текста: онѣ составляютъ теперь лишь достояніе ихъ народной музыки. Что же касается музыкальныхъ народныхъ инструментовъ, то они имѣютъ три главныхъ типа: 1) флейта („taraкаwa“), теперь уже сравнительно рѣдко употребляемая; 2) скрипка („husle“), двухъ размѣровъ — большая и малая; играя, приставляютъ ее не къ подбородку, а къ груди; 3) дуда („dudy“), въ родѣ малор. „козы“, издающая рѣдкіе, пискливые звуки наполняющимъ ее воздухомъ. Надобно, къ сожалѣнію, замѣтить, что въ настоящее время чисто-народныя пѣсни и танцы исчезаютъ въ народѣ, замѣняясь современными нѣмецкими, какъ продуктомъ чужого вліянія со стороны.

Еще до настоящаго времени сохранилось много славянскаго въ типѣ Лужичанъ; это сразу бросается въ глаза всякому, прѣѣзжающему сюда изъ какого-нибудь нѣмецкаго города; въ особенности удержали славянскій типъ женскія лица, между которыми встрѣчаются истинно-изящныя, чрезвычайно правильныя и оживленныя часто голубыми глазами, съ нѣсколько наивнымъ выраженіемъ. Мущины большею частію не носятъ ни бороды, ни усовъ. Не менѣ замѣчательны и серболужицкіе костюмы. Даже обыденный костюмъ женщины весьма живонисенъ: онъ состоитъ изъ чернаго плисоваго короткаго лифа, покрывающаго корсетъ, изъ подъ котораго выходятъ на плечи короткіе, слегка накрахмаленные рукава рубашки; шею и грудь покрываетъ пестрый (часто черный, съ яркими цвѣтами) платокъ, концы котораго уходятъ подъ передникъ, подъ которымъ надѣта виднѣющаяся снизу и сзади пестрая довольно короткая юбка; голову покрываетъ пестрый платокъ, завязываемый высокимъ, расходящимся въ стороны бантомъ: этотъ довольно тяжелый головной уборъ надѣвается, впрочемъ, не всегда, особенно лѣтомъ, когда дѣвушки большею частію ходятъ безъ головного покрова, а женщины дѣлаютъ его легче и проще; чулки (обыкновенно бѣлые) лѣтомъ женщины надѣваютъ лишь въ болѣе торжественныхъ случаяхъ; башмаки носятъ низкіе. Въ праздничные дни и при торжествахъ костюмъ этотъ видоизмѣняется еще тѣмъ, что на голову, обыкновенно гладко причесанную, надѣвается женщинами нѣчто въ родѣ тюлеваго бѣлаго чепца, съ большимъ бантомъ сзади и съ тщательно разглаженнымъ, широкимъ въ расходящихся складкахъ воротникомъ вокругъ шеи; спереди прикалывается высоко на груди пестрый шелковый бантъ. При отправленіи въ церковь надѣвается на голову бѣлый платокъ, привязываемый подъ подбородкомъ и прикрывающій отчасти плечи. Мущины носятъ въ обыкновенное время короткую льняную куртку бѣлаго или синяго цвѣта, короткіе панталоны, чулки и башмаки; на головѣ невысокая шляпа, но въ болѣе торжественныхъ случаяхъ надѣвается черный или синій длинный

кафтанъ, цвѣтная жилетка и высокіе сапоги; надѣвается и нѣсколько другой формы шляпа¹⁾.

Я уже выше имѣлъ случай упоминать о нѣкоторыхъ суевѣріяхъ, создаваемыхъ и питаемыхъ народной фантазіей у Лужичанъ. Въ дополненіе къ этимъ даннымъ о духовной жизни сербо-лужицкаго деревенскаго люда, населяющаго Spreewald, я приведу здѣсь для образца нѣсколько легендъ и разсказовъ, созданныхъ той же народной фантазіей, вовсе не касаясь вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ этотъ энический матеріалъ самостоятеленъ по своему происхожденію или нѣтъ²⁾.

1. Недалеко отъ дер. Липе (Leipe) была прежде мельница, о которой разсказывается слѣдующее. Лѣтъ 50—60 тому назадъ была эта мельница сборищемъ злыхъ духовъ.

1) Для изученія народныхъ костюмовъ въ Spreewald'ѣ, кромѣ общедоступныхъ и вездѣ продаваемыхъ альбомовъ и отдѣльныхъ фотографій (довольно значительное собраніе ихъ имѣется въ книжной торговлѣ E. Bruchmann'a въ Любневѣ), я могъ бы указать на два новѣйшихъ изданія: одно „Sächsische Volkstrachten und Bauernhäuser. Dresden 1897“, изданное по случаю Дрезденской этнографической выставки лѣтомъ 1896 года и превосходно исполненное въ фототиніяхъ на листахъ большого формата, образующихъ собою роскошный альбомъ; другое изданіе „Bilder aus dem Spreewald. Facsimiledruck. Originalzeichnungen von Villy Werner. Berlin 1897“. Я имѣлъ случай также видѣть въ Märkisches Provincial-Museum въ Берлинѣ оригинальные исполненные карандашомъ, еще неизданные рисунки проф. Адольфа Бургера, представляющіе сцены и типы изъ жизни Spreewald'a; тамъ же есть листы съ раскрашенными фотографіями женщинъ изъ Spreewald'a въ костюмахъ, исполненные въ Хотцебусѣ (Cottbus).

2) Матеріалъ этотъ выбранъ мною изъ „Originalmärchen der Wenden“ Александра Рабенау (A. Rabenau), приложенныхъ къ книгѣ: „Der Spreewald und seine Bewohner. Von Engelhardt Kühn. Cottbus, 1889“. Содержаніемъ этой интересной книги пользовался я отчасти и для предшествующаго своего изложенія; книга снабжена интересными рисунками изъ природы Spreewald'a и жизни Лужичанъ. Собраніе приложенныхъ при книгѣ лужицкихъ сказокъ заслуживаетъ полнаго довѣрія по имени собирателя, владѣльца имѣнія и старожила г. Ветешова (Vetschau), знатока мѣстной этнографіи и старины. Для ближайшаго ознакомленія съ лужицкими народными сказками, суевѣрными обычаями и проч. можно обратиться къ сборникамъ Векенштедта (Wendische Sagen, Märchen und abergläubische Gebräuche. Gesammelt und nacherzählt von Edm. Veckenstedt. Graz, 1880) и Шуленбурга (Wendische Volkssagen und Gebräuche aus dem Spreewald. Von Wilibald von Schlenlenburg. Leipzig 1880).

Каждую полночь поднимался тамъ обыкновенно страшный шумъ, среди котораго громко слышались кошачьи крики. Жившие при мельницѣ люди употребляли всѣ усилія къ тому, чтобы устранить это, но все было напрасно, и люди принуждены были покинуть мельницу. Вотъ однажды приходитъ въ деревню налачъ; ему рассказываютъ объ ужасахъ, происходящихъ на мельницѣ, и онъ обѣщаетъ этому быстро помочь. Когда наступила ночь, онъ отправился на мельницу, велѣлъ въ одной изъ комнатъ поставить столъ, на столъ поставилъ два подсвѣчника съ зажженными свѣчами, очертилъ на столѣ большой кругъ и самъ пошелъ къ срединѣ этого круга на стулъ. Положивши на столъ ножъ, онъ началъ свои заклинанія. Лишь только пробило 12 часовъ, какъ послышался страшнѣйшій шумъ и кошачій крикъ. Затѣмъ множество кошекъ вошло черезъ дверь въ комнату, но онѣ подходили только къ чертѣ круга и тутъ поднимали ужаснѣйшій крикъ. Тогда послышался громкій голосъ: „иди же дальше!“, но кошки не осмѣливались переступить круга; наконецъ одна толстая кошка своей лапой потянулась къ срединѣ круга: тутъ палачъ ножомъ ударилъ по лапѣ и рассѣкъ ее до крови. Затѣмъ, всѣ кошки съ большимъ шумомъ удалились. На другой день всѣ узнали, что жена одного извѣстнаго человѣка имѣла раненую руку; всякій понималъ, въ чемъ дѣло: она была вѣдьма и посѣщала мельницу въ образѣ кошки. Съ тѣхъ иоръ на мельницѣ стало все спокойно (стр. 111—112).

2. Недалеко отъ Шлоссберга въ Бургѣ стоялъ нѣкогда старый высокій дубъ, мѣстность вокругъ котораго носила названіе Малкова выгона. Долгое время на этомъ выгонѣ каждый годъ, ночью 18 или 19 марта, происходило сборище змѣй, на которое являлось огромное ихъ множество со всѣхъ окрестностей, такъ что вся дорога отъ мельницы къ Шлоссбергу бывала усыяна змѣями. Собранія эти происходили ночью. Что все это было такъ, объ этомъ хорошо зналъ старый Малкъ, жившій вблизи Шлоссберга. Однажды въ такую ночь от-

правился онъ на мельницу, чтобы отдать тамъ кое-что перемолоть. Вдругъ онъ увидѣлъ передъ собой на дорогѣ огромное множество змѣй, посрединѣ которыхъ виднѣлась змѣиная королева съ золотой короной на головѣ; корона была усыянная блестящими драгоценными камнями. Малкъ хотѣлъ продолжать путь, но дважды былъ укушенъ змѣями и повернулъ домой. Только болѣе далекимъ обходомъ удалось ему въ эту ночь достигнуть мельницы (стр. 118).

3. У стараго Петрика въ Лобендорфѣ была волшебная книга. Посредствомъ этой книги онъ сзывалъ со всего поля зайцевъ, такъ что это было похоже на то, какъ если бы на выгонъ пришло пастись цѣлое стадо овецъ (стр. 125).

4. На мельницѣ у Ветешова жила нѣкогда водяная нимфа. Каждый годъ, въ Михайловъ день, требовала она себѣ какой-нибудь жертвы. За нѣсколько дней до Михайлова дня мельничное колесо пѣло страшную пѣсню, и если мельникъ не бросалъ туда чего-нибудь живого, кошку или собаку, то утопалъ кто-нибудь изъ людей. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока мельница не сгорѣла (стр. 126).

5. Въ одной деревнѣ недалеко отъ Любнева одна женщина ночью, за день до Рождества, услышала звонъ церковнаго колокола. Она вскочила со своей постели, одѣлась и, думая, что это рожденственская ночь, отправилась въ церковь. Какъ только она вышла на улицу, то ее удивило, что въ деревнѣ все спитъ. „Ничего, сегодня я первая“ сказала она себѣ и вошла въ церковь. Церковь была ярко освѣщена, но свѣтъ не было видно; на скамьяхъ сидѣло много народа, и между прочими недавно умершая ея сосѣдка. Лишь только она хотѣла сѣсть на скамью, какъ сосѣдка сказала ей: „Что тебѣ здѣсь нужно? Иди своей дорогой: иначе, тебѣ будетъ плохо; сегодня здѣсь Христова ночь для умершихъ“. Тогда женщина вышла изъ церкви; на башнѣ пробило 1 часъ (стр. 130—131).

6. Въ Верховѣ одинъ крестьянинъ сидѣлъ однажды въ корчмѣ за пивомъ. Возвращаясь ночью домой, онъ встрѣтилъ на дорогѣ блуждающій огонекъ и сказалъ ему: „иди со мной,

я тебѣ заплачу“. Огонекъ пошелъ съ нимъ. Когда крестьянинъ пришелъ домой, то не заплатилъ ничего огоньку, но быстро вошелъ въ свою избу и заперъ за собой дверь. Вскорѣ онъ услышалъ въ помѣщеніи, гдѣ стоялъ скотъ, страшный шумъ и собрался туда пойти, чтобы посмотрѣть, въ чемъ дѣло. Едва онъ отворилъ двери своего дома, какъ блуждающій огонекъ прыгнулъ къ нему подъ ноги; крестьянинъ разсердился и хотѣлъ его схватить, но огонекъ не давался. Крестьянинъ побѣжалъ за нимъ и упалъ въ большую яму съ водой, которая была у него на дворѣ. При этомъ блуждающій огонекъ, съ громкимъ смѣхомъ, исчезъ. (стр. 135).

Разсказывая эти или подобныя сказки, сербо-лужицкая деревенская молодежь, особенно женская, коротааетъ долгіе осенніе и зимніе вечера, сидя за какой-либо домашней работой. Впрочемъ, и въ этой области, подобно пѣснѣ и танцамъ, все больше и больше даетъ себя чувствовать нѣмецкій элементъ, на который съ каждымъ годомъ все чаще и сильнѣе наталкивается лужичанинъ какъ въ своей матеріальной, такъ и духовной жизни.

Если „нижняя“ Лузація представляетъ собою особенный интересъ по остаткамъ чисто-славянской народности въ простыхъ сельскихъ формахъ ея жизни, мало тронутой городской цивилизаціей, то „верхняя“ Лузація, и именно Саксонская, привлекательна существованіемъ въ ней центра умственной жизни Лужичанъ въ г. Будишинѣ, который былъ мѣстомъ первыхъ шаговъ новѣйшаго сербо-лужицкаго возрожденія и гдѣ дѣятельность сербо-лужицкой интеллигенціи въ этомъ направленіи продолжается и до сихъ поръ. Городъ занимаетъ весьма красивое мѣстоположеніе на правомъ берегу Шпрее, съ 25,000 народонаселенія; населеніе смѣшанное и говоритъ двумя языками — нѣмецкимъ и сербо-лужицкимъ. Имя Будишина (Bautzen) связано для русскаго человѣка, помимо славянства, тѣмъ историческимъ воспоминаніемъ, что вблизи его 20 и 21 мая 1813 года произошла великая битва между войсками Наполеона I съ одной стороны и союзными арміями

русской и нѣмецкой съ другой. Не имѣя въ виду перечислять достопримѣчательности Будишина, довольно богатаго интересными зданіями и историческими памятниками, я упомяну тутъ только о древнѣйшей, обширнѣйшей и самой красивой изъ церквей города — именно церкви св. Петра (Petri-kirche), которая представляетъ ту рѣдчайшую особенность, что вмѣщаетъ въ себя въ одно и то же время церкви католическую и протестантскую, отдѣленные одна отъ другой высокою рѣшеткой: т. о., тутъ подъ одними сводами мирно собираются, въ разное время, двѣ несогласныя между собою въ религіозныхъ вѣрованіяхъ церковныя общины.

Пользуясь, по дѣйствующимъ саксонскимъ законамъ, значительной свободой и средствами для удовлетворенія своихъ національныхъ потребностей, Лужицкіе Сербы саксонскаго подданства не имѣютъ большихъ побужденій къ основанію на народныя средства разныхъ просвѣтительныхъ учреждений, какъ это мы видимъ у другихъ славянскихъ народностей, менѣе благопріятно поставленныхъ въ отношеніе къ правительству, напр. у чеховъ. Впрочемъ, и въ Будишинѣ есть одно такое учрежденіе, о которомъ здѣсь должно упомянуть: это „Сербская Матица“, отпраздновавшая уже въ текущемъ 1897 году 50-лѣтіе своего существованія. Другое подобное учрежденіе, „Народный домъ“, находится теперь еще въ процессѣ созиданія.

Чтобы ясно представить себѣ, какое значеніе имѣло основаніе „Сербской Матицы“ въ Будишинѣ, необходимо вспомнить о тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ протекала тогда жизнь лужицкихъ сербовъ. Начало нынѣшняго столѣтія было для нихъ во всѣхъ отношеніяхъ печальное время. Успѣхи въ борьбѣ съ Наполеономъ I въ 1813—1814 гг. укрѣпили нѣмецкое національное сознаніе въ т. наз. „пангерманской“ идеѣ, въ программѣ которой лежало не только объединеніе германскихъ силъ, но и усиленная германизація славянскихъ народностей, входившихъ политически въ составъ еще пока раздробленныхъ нѣмецкихъ государствъ. Живѣе всего это стремленіе къ гер-

манизації находило себѣ откликъ въ Пруссіи. До Вѣнскаго конгресса Пруссіи принадлежала лишь небольшая часть Нижней Лужицы, но по его рѣшенію въ 1815 году къ ней перешла вся Нижняя Лужица и сѣверная часть Верхней; южная часть Верхней Лужицы осталась по прежнему за Саксоніей. Т. о., значительная часть сербо-лужицкаго народа попала въ условія, въ высшей степени неблагопріятныя для развитія въ національномъ направленіи; подъ вліяніемъ этихъ условій родное уступало легко и безъ всякой борьбы мѣсто чужому; свои обычаи предавались забвенію, замѣняясь нѣмецкими; тоже было отчасти и съ языкомъ, предѣлы уиотребленія котораго постепенно сѣуживались и отдалялись отъ духовныхъ интересовъ образованнаго сербо-лужицкаго общества. Но, къ счастью, и въ этомъ быстро онѣмечивавшемся народѣ нашлись болѣе дальновидные люди, которымъ были близки интересы своей народности, и вотъ они-то и выступили съ проектомъ учрежденія такого Общества, которое могло бы поддерживать все еще теплившуюся искру народнаго сознанія въ среди Лужичанъ и послужить опорой для его дальнѣйшаго развитія. Общество это и была „Сербская Матица“. Нельзя сказать, чтобы „Сербская Матица“ не имѣла себѣ предшественниковъ. Еще въ 1716 году основано было шестью сербскими студентами при Лейпцигскомъ университетѣ, съ разрѣшенія теологическаго факультета, „Сербское проповѣдническое Общество“, поставившее себѣ цѣлю изученіе роднаго языка ради церковнаго проповѣдничества на немъ. Въ Виттенбергскомъ университетѣ, 33 года спустя, сербскіе студенты основали подобное же Общество. Въ началѣ XIX вѣка возникаетъ въ Будишинской гимназій Общество сербскихъ гимназистовъ съ тѣмъ же народнымъ направленіемъ и характеромъ; въ немъ, между прочимъ, принималъ участіе упомянутый выше извѣстный сербо-лужицкій писатель Андрей Зейлеръ, а потомъ, въ 30-хъ годахъ, руководилъ этимъ Обществомъ Я. Э. Смолеръ, будучи ученикомъ четвертаго класса. По окончаніи курса въ Будишинской гимназій, Смолеръ поступилъ въ Бреславскій

университетъ, и тамъ его стараніями возникло при тамошнемъ „Академическомъ Обществѣ“ сербское отдѣленіе, члены котораго занимались роднымъ языкомъ, собирали произведенія народнаго сербо-лужицкаго творчества и даже издавали рукописный журналъ. Большую поддержку въ этихъ своихъ занятіяхъ студенты-сербы находили въ профессорахъ-чехахъ Бреславскаго университета, Челяковскомъ и Пуркине. Къ числу подобныхъ предшественниковъ „Сербской Матицы“ должно быть отнесено и литературное общество „Сербовка“, основанное въ 1846 году при Пражской лужицко-сербской Духовной Семинаріи, возникшей еще въ началѣ XVIII-го вѣка и продолжающей свою полезную дѣятельность до настоящаго времени.

Мысль основанія „Сербской Матицы“ была впервые подана знаменитымъ Я. Колларомъ въ одномъ изъ писемъ его къ Августу Мосакъ-Класопольскому, ранѣе уже упомянутому дѣятелю сербо-лужицкаго возрожденія, въ 1839 году, при чемъ Колларъ указывалъ на примѣръ подобныхъ же „Матиць“ въ Пенсѣ (съ 1826 года) и въ Прагѣ (съ 1829 года). Мысль эта быстро зрѣла въ головахъ сербо-лужицкой молодежи, и вотъ 18 апрѣля 1845 года Я. Э. Смолеръ представилъ ее въ видѣ готоваго проекта обширному собранію сербо-лужицкой интеллигенціи. Проектъ былъ принятъ съ восторгомъ, и немедленно приступлено къ его выполненію. Членами избраннаго при этомъ временнаго комитета оказались: пасторъ Андрей Зейлеръ какъ предсѣдатель, адвокатъ А. Мосакъ-Класопольскій какъ секретарь, кандидатъ богословія Смолеръ, Ванакъ и Иминъ, учитель Вела, студенты Пфуль и Цижъ какъ члены; вскорѣ къ нимъ присоединился докторъ Адольфъ Клигъ. Зимой 1846—1847 года выработанный Уставъ „Матицы Сербской“ былъ представленъ на утвержденіе Саксонскаго правительства, которое и получилъ 26 февраля 1847 года. Основанное Общество имѣло цѣлю изданіе хорошихъ популярныхъ и научныхъ книгъ на сербо-лужицкомъ языкѣ, а также изданіе журнала, посвященнаго литературѣ, языкознанію

и наукѣ. Первое собраніе членовъ „Сербской Матицы“ созвано было 7 апрѣля 1847 года въ Будининѣ, и въ тотъ же годъ пристулено было къ издательской дѣятельности, продолжающейся съ неослабной энергіей вотъ уже полвѣка и давней въ результатѣ съ одной стороны цѣлый рядъ отдѣльныхъ полезныхъ и важныхъ изданій какъ популярнаго, такъ и научнаго характера, а съ другой — 95 вып. журнала „Сасорис“, являющагося живымъ органомъ-выразителемъ всей дѣятельности Общества и сборникомъ многихъ весьма интересныхъ работъ по исторіи, этнографіи, языку и литературѣ сербо-лужицкаго народа. Предсѣдателями „Матицы“ за эти 50 лѣтъ были: А. Клинь (1847—1855), Э. Рыхтаръ (1856—1872), Я. Э. Смолеръ (1872—1882), М. Горникъ (1882—1894), А. Калихъ (1894—1895), Ю. Луцанскій (съ 1895 года). Общество имѣетъ слѣдующіе отдѣлы: языковѣднй, беллетристическій, этнографическій, музыкальный, педагогическій, естественно-научный, историко-археологическій и отдѣлъ „нижне-лужицкій“, открытый въ 1880 году и посвященный изученію Нижней Лужицы въ разныхъ отношеніяхъ. За истекшія 50 лѣтъ „Матица Сербская“ издала книгъ:

- 1) для народа: 98 выпусковъ номерованныхъ, въ количествѣ 243,896 экземпляровъ, 20 вып. неномерованныхъ, въ количествѣ 47,332 экземпляровъ, а всего для народа 295,228 экз.;
- 2) для интеллигентныхъ читателей: 8 отдѣльныхъ книгъ въ количествѣ 9250 экземпляровъ, 95 выпусковъ Сасорис'а въ количествѣ 31,900 экземпляровъ, а всего 41,150 экз.

Общее число экземпляровъ книгъ, изданныхъ „Матицей“, 327,128. Сюда же должно еще прибавить около 20,000 разныхъ листовъ популярнаго содержанія для народа.

Важнымъ неудобствомъ для „Матицы“ было неимѣніе при ея основаніи своего постояннаго помѣщенія. Такъ продолжалось дѣло до 1866 года, когда Смолеръ внесъ въ администрацію „Матицы“ прѣдложеніе начать сборъ пожертвованій на постройку дома, въ которомъ бы не только могли происходить засѣданія „Матицы“, но и помѣщаться ея типографія, бібліотека и разные

естественно-историческія и археологическія коллекціи. Предложеніе это было радостно принято, и немедленно открыта подписка; но пожертвованія притекали весьма слабо, такъ какъ сербо-лужицкая интеллигенція очень невелика и небогата, а крестьянскій людъ не достаточно еще сознавалъ важность за-тѣваемаго дѣла. Т. о., въ первые четыре года собрано всего на домъ „Матицы“ 116 талеровъ. Сдѣлавшись въ 1872 году предсѣдателемъ „Матицы“, Смолеръ, видя, что ждать сбора денегъ на постройку дома „Матицы“ было бы слишкомъ долго, рѣшился прибѣгнуть къ покупкѣ на свой собственный страхъ дома для „Матицы“ въ долгъ, въ надеждѣ тѣмъ или другимъ способомъ выплатить потомъ требуемую сумму и переуступить этотъ домъ „Матицѣ“. Когда купчая крѣпость была подписана, Смолеръ отправился въ Россію, чтобы найти здѣсь поддержку своему дѣлу, при чемъ ему удалось собрать около 4000 талеровъ отъ бр. Самариныхъ, Чижова и бр. Хомяковыхъ въ Москвѣ, при содѣйствіи М. П. Погодина, Н. А. Попова и И. С. Аксакова; въ Петербургѣ онъ получилъ отъ А. Д. Вапмакова 6000 талеровъ въ видѣ безпроцентной, долгосрочной ссуды. Этой суммы было все-таки достаточно на уплату первой части долга за купленный домъ, и 15 авг. 1873 года происходило въ немъ въ первый разъ засѣданіе „Матицы“. Въ 1881 году Смолеръ второй разъ поѣхалъ въ Россію для сбора пожертвованій, но на этотъ разъ его путешествіе было менѣе удачно, а между тѣмъ нѣмецкая печать увидѣла въ этихъ поѣздкахъ и хлопотахъ Смолера страшный призракъ „панславизма“ и не останавливаясь передъ самыми оскорбительными инсинуаціями относительно Смолера, называя его „измѣнникомъ“ отечества, а все его дѣло созданнымъ „русскими рублями“. Эти обвиненія, въ связи съ неудачей послѣдней поѣздки въ Россію, сильно подорвали физическія силы Смолера; онъ сталъ часто болѣть и 13-го іюня 1884 года скончался, среди самыхъ горячихъ выраженій глубокаго уваженія всего сербо-лужицкаго народа къ его безкорыстной и плодотворной дѣятельности на общую народную пользу. Пред-

сѣдательство въ „Матицѣ“ принялъ на себя послѣ смерти Смолера не менѣ почтенный сербо-лужицкій дѣятель Михаилъ Горникъ, также теперь покойный (ум. 22 февр. 1894 года). Долгъ, лежащій на домѣ „Матицы“, еще и теперь не вполне выплаченъ (остается около $\frac{1}{7}$ его части), и уплата производится постепенно, путемъ небольшихъ пожертвованій, собираемыхъ почти исключительно среди самого сербо-лужицкаго народа. Но такъ какъ помѣщеніе въ этомъ домѣ для „Матицы“, ея библиотеки и значительно разросшихся коллекцій не отвѣчаетъ уже новымъ требованіямъ, то „Матица“ въ день 50-лѣтняго юбилея своего въ апрѣлѣ текущаго (1897) года рѣшила положить основаніе новому „Народному Дому“, который бы могъ служить не только цѣлямъ дѣятельности „Матицы“, но и быть „убѣжищемъ и хранилищемъ всего того, что у другихъ многолюдныхъ народовъ составляетъ ихъ культурный организм“. Однако и въ этомъ дѣлѣ, начатомъ безъ готовыхъ денежныхъ средствъ, „Матица“ полагаетъ свои надежды исключительно на добровольныя пожертвованія, воззванія о которыхъ распространяются теперь не только среди самихъ Лужичанъ, но и усердно рассылаются во все концы славянскаго міра. Однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ въ осуществленіи этого предпріятія является нынѣшній редакторъ „Часовника“ Матицы, прекрасный знатокъ исторіи, этнографіи, языка и литературы своего народа д-ръ Э. Мука. И нельзя не пожелать полного успѣха такому важному дѣлу „Матицы Сербской“, долженствующему послужить новымъ оплотомъ маленькаго славянскаго народа противъ суровыхъ волнъ германизациі¹⁾.

Е. Пѣтуховъ.

1) Свѣдѣнія о Матицѣ и о Народномъ Домѣ почерпнуты мною изъ юбилейной брошюры „Zapiski Maćicy Serbskeje w Budyšinje (1847 — 1897). Zestawał a wydał dr. Ernst Muka. Budyšin 1897“ и изъ статьи В. А. Францева „Матица Сербская въ Будишинѣ“ въ Ж. М. Нар. Пр. 1897, № 6.

Нѣсколько замѣчаній

о научной постановкѣ славянской исторіи, ея
объемѣ, содержаніи и періодахъ.

На вопросъ: „возможна ли славянская исторія, какъ самостоятельная наука“, многіе ученые донинѣ даютъ отвѣтъ отрицательный, ссылаясь на то, что со времени своего выступленія на историческое поприще славяне развивались во взаимномъ отчужденіи, подчиняясь одни вліяніямъ византійскаго юга, другіе — романогерманскаго запада, третьи — тюркскаго востока, а слѣдовательно не составляютъ одного историческаго организма и должны быть изучаемы или по отдѣльнымъ группамъ, или даже въ составѣ другихъ культурныхъ организмовъ, напр. югославяне въ составѣ исторіи византійской, венеціанской, турецкой, славяне западные — въ составѣ исторіи романогерманской, главнымъ образомъ въ исторіи священной римской имперіи нѣмецкой націи и т. п. По этой, кажется, причинѣ до недавняго времени не было въ русскихъ университетахъ и особой каѳедры для славянской исторіи, а существовали только каѳедры славянской филологіи, славянскихъ нарѣчій и литературъ, славянскихъ законодательствъ и т. п. Въ Юрьевскомъ же университетѣ донинѣ не имѣется и такихъ каѳедръ, а только чистолингвистическія, именно: 1) „русскаго языка въ особенности и славянскаго языковѣдѣнія вообще“ и 2) „сравнительной грамматики славянскихъ нарѣчій“. То же замѣ-

чаемъ и въ заграничныхъ университетахъ: такъ напр. мы находимъ кафедры славянской филологіи въ университетахъ Львовскомъ (проф. Калина), Краковскомъ († Л. Малиновскій), Будапештскомъ (Асботъ), Загребскомъ (Маретичъ), Пражско-чешскомъ (Гебауеръ, Поливка, Пастрнекъ), Вѣнскомъ (Ягичъ, Вондракъ, Мурко, Рениетаръ), Грацскомъ (Крекъ, Стрекель), Берлинскомъ (Брикнеръ), Лейпцигскомъ (Лескинъ, Шольвинъ, Вольнеръ); кое гдѣ встрѣчаемъ и кафедры славянскихъ древностей (напр. въ Вѣнѣ — проф. К. Иречекъ), славянскихъ языковъ и литературъ (въ Прагѣ — проф. Махаль, въ Парижѣ — проф. Л. Леже въ Collège de France, въ Оксфордѣ — Морфилъ, въ Упсалѣ — Люндель и т. д.): но кафедры для славянской исторіи, насколько извѣстно, нигдѣ нынѣ не существуетъ. Даже кафедра славянскихъ законодательствъ, учрежденная въ Россіи по уставу 1863 г., не могла у насъ удержаться и упразднена уставомъ 1884 г., такъ что нынѣ она существуетъ единственно въ Варшавскомъ университетѣ (проф. Зигель), по уставу 1869 г.

Въ нашихъ учебныхъ планахъ и экзаменаціонныхъ программахъ послѣдняго времени встрѣчаются уже, правда, термины: исторія славянъ, исторія славянскихъ народовъ; но изъ этихъ программъ видно, что подъ славянскими народами здѣсь разумѣются собственно только южные и западные славяне, т. е. двѣ вѣтви, отрываемыя отъ основного ствола, какимъ безспорно является славянство восточное или русское.

Да это и не удивительно, если вспомнимъ, что даже въ тѣхъ отдѣлахъ славяновѣдѣнія, которые основаны на языкѣ, напр. въ исторіи славянскихъ литературъ и въ курсахъ славянскихъ грамматикъ, обыкновенно ограничиваются механическимъ сброшюровашиемъ, такъ сказать, отдѣльныхъ монографій литературнаго или грамматическаго характера, вмѣсто переработки ихъ въ одно органическое цѣлое. Для примѣра можно сослаться на Исторію славянскихъ литера-

туръ Пыпина и Спасовича, а также на I и III томы Сравнительной грамматики славянскихъ нарѣчій Миклошича. То же видимъ и въ Лекціяхъ по славянскому языкознанію проф. Флоринскаго (Кіевъ 1895—1897 гг.). Конечно, подобное изолированное изученіе и изложеніе фактовъ славянской діалектологіи, литературы, юриспруденціи, исторіи и т. д. несравнено легче, чѣмъ цѣльная, сравнительная ихъ обработка. Но при рѣшеніи вопроса о возможности или невозможности примѣненія этого послѣдняго метода къ фактамъ славянской исторіи мы должны руководствоваться не большею или меньшею трудностію примѣненія такого метода, а самую сущностію дѣла, именно рѣшеніемъ вопроса: представляетъ ли славянство только племенное цѣлое, или и культурно - историческое? Есть ли оно историческій организмъ, всѣ части котораго связаны общностію не только происхожденія, но и историческихъ задачъ и цѣлей, единствомъ наконецъ управляющихъ ими законовъ развитія? Если такое единство существуетъ, то въ немъ безспорно заключается вполнѣ законный предметъ для историческаго изученія и изображенія, какъ ни трудно можетъ быть на первый разъ такое изображеніе. Особая наука объ историческихъ судьбахъ славянства будетъ въ такомъ случаѣ не только возможна, но и необходима въ такой же мѣрѣ, какъ напр. наука объ историческихъ судьбахъ міра китайскаго, индійскаго, иранскаго, греческаго, римскаго, т. е. исторія китайская, индійская, греческая и т. д.

Итакъ, существуетъ ли славянство, какъ одинъ историческій организмъ, хотя бы очень сложный и разчлененный на болѣе или менѣе самостоятельныя вѣтви или разновидности? Думается, что да, ибо это является естественнымъ слѣдствіемъ какъ племенного единства славянъ, такъ и общности ихъ историческихъ судебъ.

Племенное единство славянъ, какъ результатъ ихъ происхожденія отъ одной матери, нагляднѣе всего выражается въ ихъ языкѣ, который донинѣ сохранилъ наслѣдіе

языка праславянского съ такой вѣрностію и консерватизмомъ, какого мы не найдемъ ни въ индійской семьѣ живыхъ языковъ, ни въ латинской, ни въ германской, а развѣ въ отдѣльныхъ разновидностяхъ романизма или германизма, напримѣръ въ системѣ нарѣчій французскихъ, итальянскихъ, нѣмецкихъ, скандинавскихъ и т. п. Это единство славянскихъ нарѣчій обнимаетъ и систему звуковъ, и строеніе формъ, характеръ ихъ значеній, основные типы фразеологіи и синтаксиса, а наконецъ — весь матеріаль лексикальный. Лишь болгарское нарѣчіе нѣсколько уклоняется отъ прочихъ въ отношеніи морфологическомъ, но это явленіе относительно новаго времени, аналогіи для котораго могутъ быть указаны напр. въ строеніи нынѣшняго *plattdeutsch* по сравненію съ болѣе архаичнымъ *hochdeutsch*. Къ тому же въ болгарскомъ народѣ, при измѣненіи строя рѣчи, въ направленіи аналитическомъ, все же не умерло еще чувство древнихъ, синтетическихъ ея формъ, благодаря сохраненію въ богослуженіи языка церковнославянскаго, который въ общемъ сохранилъ типъ языка древнихъ болгаромакедонскихъ славянъ 9—10 вв.

Единство системы живыхъ славянскихъ нарѣчій не мало поддерживается существованіемъ промежуточныхъ формъ въ мѣстахъ соприкосновенія отдѣльныхъ группъ или нарѣчій, каковы напр. мостъ словенскій между нарѣчіями русскимъ и чехоморавскимъ, словинскій между послѣднимъ и сербохорватскимъ, македонскій между сербскимъ и болгарскимъ и т. п.

А такъ какъ въ языкѣ отражаются не только анатомо-физиологическія, но и народнопсихологическія основы жизни личной и собирательной, въ частности же вся познавательная дѣятельность человѣка и народа, то понятно, что по единству славянскаго языка можно заключать объ единствѣ этихъ основъ и этой дѣятельности, которая тѣсно связана съ наукой и поэзіей, слѣдовательно составляетъ чуть ли не главную струю въ культурномъ оборотѣ народовъ. При

этомъ нельзя еще не отмѣтить, что у славянъ съ давняго времени, наряду съ живыми нарѣчіями и дробными литературными діалектами, существовали болѣе или менѣе распространенные общіе языки, напр. церковнославянскій, впоследствии же — на югѣ сербскій, на западѣ чешскій, отчасти и польскій, въ новѣйшее же время — міровой языкъ русскій: это также является залогомъ культурнаго взаимодѣйствія между многими или всѣми вѣтвями славянства, ихъ развитія на общихъ физикопсихическихъ основахъ, въ направленіи къ одному общему историкокультурному типу.

Не маловажнымъ условіемъ культурной близости славянъ является, затѣмъ, общая византійская школа, которую они прошли то въ большей, то въ меньшей мѣрѣ въ начальные вѣка своей культурной исторіи.

Изъ средневѣковой исторіи извѣстно, что въ періодъ выступленія славянъ на историческое поприще въ Европѣ было два культурныхъ центра: Римъ и Цареградъ, двѣ образованности: западная или римская и восточная или греческая. Дуализмъ этотъ возникъ не случайно: онъ коренится на различіи историческаго генія грековъ и римлянъ, нѣсколько аналогичномъ различію генія индійскаго и иранскаго въ средѣ арійцевъ азійскихъ. Индусы въ Азіи, а эллины въ Европѣ представляютъ богатое развитіе личности — въ области религіи, искусства, науки, но слабое развитіе государственности, тогда какъ Иранъ (Персія) и Римъ, наоборотъ, создали мало великаго въ области личной жизни, но много въ области государственной, въ сферѣ права. Когда появилось христіанство и распространилось сначала въ мірѣ эллинскомъ или вѣрнѣе эллинистическомъ, а потомъ и въ мірѣ римскомъ, западномъ, то и на немъ не могло не отразиться это основное различіе эллинизма отъ романизма; вслѣдствіе сего уже рано, съ IV—V вв. начинаютъ все болѣе обозначаться своеобразныя особенности христіанства восточнаго, сблизившагося съ гре-

ческой философіей и поэзіей, греческимъ демократизмомъ, греческой децентрализаціей съ одной стороны, а христіанства западнаго, сроднившася съ римскимъ абсолютизмомъ, формальнымъ правомъ и довольно матеріалистическимъ притязаніемъ на *dominium orbis* — съ другой.

На почвѣ византійской, обильно пропитанной наслѣдіемъ не только греческой философіи, но и римскаго права, контрасты генія эллинскаго и римскаго были, правда, нѣсколько смягчены разнообразіемъ культурныхъ идей и формъ. Но все же, старинный дуализмъ классическихъ культуръ южной Европы не былъ устраненъ и перенесеніемъ римской столицы въ Цареградъ, а впослѣдствіи еще усилился отъ раздѣленія имперій и церквей, которое приблизительно совпало съ временемъ выступленія славянъ на историческую сцену и отразилось важными послѣдствіями на всей дальнѣйшей ихъ исторіи.

Уже и раньше, будучи размѣщены главнымъ образомъ по склонамъ Карпатовъ и теченію рѣкъ Черноморскаго бассейна, славяне стояли въ болѣе близкихъ отношеніяхъ къ эллинизму, чѣмъ къ романизму, тогда какъ кельты и германцы, наоборотъ, издревле занимали страны болѣе западныя, входившія въ римскую имперію или сосѣдившія съ нею, вслѣдствіе чего она и втянула ихъ постепенно въ кругъ своего культурнаго вліянія. Съ V-го же вѣка, когда славяне заняли Балканскій полуостровъ и долины средняго и нижняго Дуная, они еще сильнѣе примкнули къ центру восточнохристіанской образованности, особенно послѣ принятія ими христіанства и учрежденія въ IX в. трудами свв. Кирилла и Меѳодія и ихъ учениковъ — грекославянской церкви. Она сроднила славянъ съ византійскою письменностью, византійскою жизнью политической, общественною, экономическою, византійскимъ искусствомъ, наукою, правомъ, что и опредѣлило дальнѣйшее культурное развитіе славянъ, особенно южныхъ и восточныхъ. Въ первые вѣка славянской исторіи этотъ могучій потокъ

грекославянской образованности охватилъ и западныя области нашего племени: Угрію и Хорватію, Чехію и Польшу. Хотя въ послѣдствіи онъ былъ тамъ значительно ослабленъ вліяніями латинонѣмецкими, однако не стертъ ими въ конецъ: онъ замѣтенъ напримѣръ въ движеніяхъ гуситской эпохи, отчасти и въ позднѣйшей, чешско-братской; онъ же является однимъ изъ двигателей славянскаго возрожденія въ XIX в.

Но гораздо крѣпче отразился византійскій или восточнохристіанскій отпечатокъ на образованности южнославянской и русской, хотя въ послѣдствіи и въ эту среду вторгались съ разной силой вліянія то латинонѣмецкаго запада (черезъ Венецію, Латинскую имперію, Нѣмецкія марки, Тевтонскій орденъ, Остзейское рыцарство и т. д.), то азіатскаго востока. Самымъ нагляднымъ выраженіемъ такого отпечатка служить сохраненіе у южныхъ и восточныхъ славянъ кирилло-меѳодіевской или грекославянской церкви, кирилловской азбуки, а также сохраненіе или вѣрнѣе возстановленіе въ ихъ средѣ восточнохристіанской имперіи, по типу въ основѣ византійскому, хотя и осложненному въ послѣдствіи разнообразными восточными и западными вліяніями. Да и воскресшія въ новое время на югѣ славянскія государства: Черногорія, Сербія, Болгарія то въ большей, то въ меньшей мѣрѣ сбиваются иной разъ на политическій и общественный строй старыхъ южнославянскихъ государствъ, развившихся на почвѣ византійской имперіи и въ тѣсномъ взаимодействіи съ нею. Много византійскихъ элементовъ можно замѣтить и въ области славянскаго искусства (церковнаго зодчества, иконописи, церковнаго пѣнія и т. п.), въ славянской философіи, этикѣ, вообще наукѣ, причемъ конечно элементы эти смѣшиваются и съ другими культурными вліяніями, а также съ произведеніями собственнаго національнаго творчества славянъ.

Если этихъ общихъ соображеній о единствѣ не только племенныхъ, но и культурныхъ основъ славянской истори-

ческой жизни еще не достаточно для тезиса о славянствѣ, какъ одномъ историческомъ организмѣ, то изъ исторіи можно привести не мало фактовъ взаимодѣйствія то всѣхъ, то многихъ вѣтвей этого племени, и безспорнаго вліянія судебъ одной изъ нихъ на судьбы другой или даже на судьбы всего племени, наряду съ фактами признація такого взаимодѣйствія лучшими людьми всѣхъ славянскихъ народностей, съ древнихъ временъ и до нашихъ дней.

Историческое взаимодѣйствіе между отдѣльными славянскими народами выражается прежде всего въ общности многихъ ихъ движеній, предпріятій, подвиговъ. Такъ въ разгромѣ восточной имперіи и вытѣсненіи древнихъ и недревнихъ обитателей Балканскаго полуострова приняли участіе вѣтви и такъ называемаго впослѣдствіи болгарскаго, и сербохорватскаго племени. Въ передвиженіи же на среднеславянскій западъ въ эпоху великихъ переселеній участвовали колѣна и хорутанословинскаго, и чехословенскаго, и серболужицкаго, и ляшкопоморскаго племень. Когда же въ IX—XI вв. постепенно выдѣлились государства: болгарское, сербское, хорватское, великоморавское, чешское, польское, русское, то съ первыхъ же дней ихъ существованія обнаруживается въ ихъ средѣ стремленіе объединять 2—3 народности въ одно политическое цѣлое, напр. болгаръ и сербовъ при Симеонѣ и Самуилѣ, а потомъ при лучшихъ Асенидахъ и Неманичахъ, особенно при Душанѣ Сильномъ въ половинѣ XIV в. Въ великоморавское государство Ростислава и Святополка въ IX в. входили вѣтви славянъ чехословенскихъ, паннонословинскихъ, вѣроятно и паннонохорватскихъ, а быть можетъ и угрорусскихъ, ляшскихъ, серболужицкихъ. Въ XV и XVI вв. Чехія и Польша не разъ вступали въ династическое союзы, иногда со включеніемъ и Венгріи, которая издревле тѣсно связана съ историко-культурной системой западнаго, отчасти и южнаго славянства. Польскіе короли уже со временъ Болеслава Храбраго стремятся къ соединенію съ поморянами.

отчасти и серболужичанами на западѣ, а вѣтвями западно-русскими на востокѣ, причемъ полякамъ иногда удавалось достигать Кіева и Пскова, даже Москвы (при Самозванцахъ), хотя имъ не довелось тамъ утвердиться прочнымъ образомъ. И Русь издавна стремилась за свои предѣлы, въ края инославянскіе, напр. въ Болгарію при Святославѣ, въ Польшу отчасти и въ Угрію при св. Владимірѣ и его ближайшихъ потомкахъ, и въ концѣ концовъ она дѣйствительно успѣла утвердиться въ средоточіяхъ одной изъ западнославянскихъ народностей, именно въ Польшѣ, осуществивъ такимъ образомъ идею Люблинской уніи, но съ другого конца.

Еще болѣе тѣсныя связи между отдѣльными, особенно смежными славянскими племенами проявляются въ области отношеній церковныхъ и литературныхъ. Дѣятельность напр. свв. Кирилла и Меодія распространялась на славянъ и южныхъ, и западныхъ, и восточныхъ, слѣд. имѣла общеславянскій характеръ. То же можно сказать, до нѣкоторой степени, и объ ихъ ближайшихъ ученикахъ, а равно и объ основанной ими школѣ и письменности—литургической, святоотеческой и т. д. Нагляднымъ выраженіемъ послѣдняго служатъ разнообразныя изводы древнихъ церковнославянскихъ рукописей, напр. изводъ болгарскій, сербохорватскій, панноно-словинскій, чехословенскій, русскій и т. д. Находящееся въ исторической связи съ этою кирилло-меодіевскою школою чешское гуситство XV в. обхватило не чешскія лишь области, но и моравскія, словенскія, отчасти и польскія, слѣд. всѣ почти западнославянскія. То же видимъ въ дѣятельности чешскихъ и моравскихъ братьевъ и послѣдняго ихъ епископа Амоса Коменскаго. Да и вообще, чешская литература XV—XVI вв. имѣла сильное вліяніе на польскую, а эта послѣдняя — на западнорусскую въ XVI—XVIII в., отчасти и донынѣ, напр. въ Галичинѣ. Но и русская письменность, въ свою очередь, находилась въ самомъ живомъ взаимодействіи съ прочими славянскими, особенно южными,—

сначала пассивномъ, пока главные очаги этой письменности находились на болгарскомъ и сербскомъ югѣ, а потомъ и активномъ, когда тѣ очаги потухли подъ турецкимъ игомъ и Русь стала главнымъ средоточіемъ церковной и литературной жизни для всего славянскаго и вообще православнаго юга, что отчасти продолжается и донынѣ. Да и западное славянство, особенно русская Польша, усердно изучаетъ нынѣ русскій языкъ, произведенія русской науки и поэзіи, получившія общеевропейское или даже міровое значеніе и распространеніе, но особенно близкія и родственныя нашимъ славянскимъ соплеменникамъ.

Впрочемъ, и независимо отъ прямыхъ сношеній между отдѣльными вѣтвями славянства, можно замѣтить внутреннюю связь ихъ судьбы въ племенной борьбѣ съ завоевательными стремленіями то европейскаго Запада, то азіатскаго Востока. До тѣхъ поръ, пока на западѣ существовали, какъ передовые посты славянства, государства великоморавское, чешское, поморскія, вполне прикрыты были отъ давленія нѣмцевъ не только Русь, но и Польша и славянскій югъ, вслѣдствіе чего они могли развиваться болѣе или менѣе самостоятельно и отражать своихъ насильниковъ. Но когда Великоморавія пала, сразу ухудшилось положеніе и Чехіи и Польши; когда же нѣсколько вѣковъ спустя завоеваны были германцами дробныя вѣтви серболужицкаго и прибалтійскаго славянства, то нѣмцамъ и скандинавцамъ удалось перенести бой на берега Вислы, Двины, Наровы, Невы и нанести серіозные удары и полякамъ и Руси и связаннымъ съ ними инородцамъ лѣтскаго и чудскаго происхожденія.

Одновременно съ тѣмъ упадокъ государствъ хорватскаго и болгарскаго въ XI—XII вв. наряду съ усиленіемъ нѣмечины въ Венгріи, значительно облегчили движеніе на православный востокъ крестоносныхъ полчищъ запада и даже временное утвржденіе въ Цареградѣ Латинской имперіи, съ латинскими же королевствами, герцогствами, граф-

ствами въ Солуни и Аѳинахъ, на Кикладахъ и Спорадахъ, даже на побережьяхъ Сиріи и Палестины. Подъемъ же въ XII—XIV вв. государствъ болгарскаго и сербскаго немедленно отразился на ослабленіи этихъ феодальныхъ стоянокъ латинянъ на почвѣ восточнохристіанской, хотя окончательный разгромъ этихъ стоянокъ, особенно самыхъ упорныхъ между ними — венеціанскихъ, былъ заслугою и подвигомъ уже на славянъ, а турокъ. И позже лишь западное славянство сдерживало напоръ на Востокъ германизма, особенно въ войнахъ гуситскихъ съ имперіей и польсколитовскихъ съ орденомъ. Когда же разгромлены были нѣмцами въ XVII—XVIII вв. государства чешское и польское, самой Россіи пришлось отражать при Карлѣ XII, Фридрихѣ II, Наполеонѣ I и III напоръ съ запада. Но слѣдуетъ отмѣтить, что напоръ этотъ не мало облегченъ былъ латинонѣмецкимъ воспитаніемъ и направленіемъ вышшаго польскаго, а позже — и русскаго общества, которое вслѣдствіе того не только въ смутахъ самозванчества, но и позже, при Биронѣ, Чарторыжскомъ, Нессельроде и т. д. не мало послужило цѣлямъ и Рима, и Германіи, вообще — латинонѣмецкаго запада.

То же приблизительно наблюдается и въ отношеніяхъ славянства къ азіатскому Востоку. Пока Русь сдерживала напоръ половцевъ, печенѣговъ, татаръ, монголовъ и т. д., за ея охраннымъ валомъ могли болѣе или менѣе свободно отъ натиска съ этой стороны развиваться славяне запада и юга. Но когда азіатамъ удавалось прорвать этотъ валъ, орды кочевниковъ легко разливались по землямъ южнаго и западнаго славянства, нанося ему тяжелые удары, какъ это извѣстно изъ исторіи аваровъ, болгаръ, угровъ, половцевъ, особенно же монголовъ Чингисхана и Батя. II турки могли только черезъ головы югославянъ приблизиться къ Угріи, Дакіи, Украинѣ и въ теченіе столькихъ вѣковъ угрожать съ юга и Руси и Польшѣ.

При этомъ тѣсномъ взаимодействіи — то активномъ,

то пассивномъ — между отдѣльными славянскими народами, естественно предположить, что между ними должно было отъ времени до времени возникать какъ бы культурное представительство однимъ народомъ — цѣлой группы славянскихъ народностей или и всего племени. Въ IX в. подобное положеніе — въ нравственномъ смыслѣ — занимала Великая Моравія, особенно при жизни свв. Кирилла и Меѳодія. Оттуда расходились ихъ ученики — какъ учителя и миссіонеры — во всѣ славянскія земли и запада, и юга, и востока.

При царѣ Симеонѣ культурный центръ славянства переносится на югъ, въ Болгарію, а потомъ и Сербію, гдѣ таковой остается довольно долго, до конца XIV-го в., т. е. до завоеванія этихъ государствъ турками. Въ XV и XVI вв. во главѣ славянъ на сценѣ всемірной исторіи оказываются Чехи, въ вѣкъ гуситства, затѣмъ поляки, въ „золотой вѣкъ“ Сигизмундовъ, отчасти и далматинцы, въ вѣкъ возрожденія и блеска итальянской образованности. Съ XVIII-го же вѣка игемоническая роль между славянами переносится на востокъ, въ Россію, которая со временъ Петра В. становится надеждою и опорой всѣхъ славянъ, особенно южныхъ, какъ и другихъ православныхъ народовъ Востока. Возрожденіе этихъ народовъ совершается при тѣсномъ взаимодействіи — то физическомъ, то нравственномъ — съ Россіей, которая такимъ образомъ постепенно выдвигается до роли представительницы не только всего славянскаго племени, но и всей восточнохристіанской образованности.

Признанію исторической солидарности всѣхъ вѣтвей славянскаго племени, со включеніемъ живущихъ между ними и съ ними издревле инородцевъ чудскаго, тюркскаго, а отчасти и арійскаго происхожденія (каковы напр. греки, албанцы, румыны, литовцы, латыши и др.), вовсе не противорѣчатъ факты нерѣдкихъ раздоровъ и междоусобій въ ихъ средѣ, напримѣръ вѣковыхъ антагонизмовъ между бол-

гарами и сербами, сербами и хорватами, чехами и поляками, поляками и поморянами, особенно — поляками и русскими; подобно тому, какъ взаимные антагонизмы итальянцевъ и французовъ, французовъ и англичанъ, прусаковъ и австрійцевъ, шведовъ и норвежцевъ и т. п. не псключаютъ культурной близости всѣхъ этихъ народовъ, особенно же въ средѣ группъ: романской, нѣмецкой, скандинавской.

Правда, западныя вѣтви славянства, особенно поляки, чехомораване, словинцы и хорваты, изъ инородцевъ же — лѣты, финны, эсты и мадьяры довольно сильно пропитались идеями и формами западной жизни, въ областяхъ — религиозной, политической, общественноэкономической, научнохудожественной; но эта латинонѣмецкая культурная прививка является въ исторіи западныхъ славянъ не первую, а второю, послѣ нѣкотораго ослабленія прививки первичной, византійской, слѣды которой и донынѣ еще наблюдаются въ жизни означенныхъ народовъ. Съ другой стороны, нельзя не отмѣтить, что образованность западная налегла болѣе или менѣе плотнымъ слоемъ лишь на верхи западнаго славянства, мало, иногда и вовсе не коснувшись народныхъ массъ, напр. на Словачинѣ, въ горахъ Словѣнціи, во внутренней Далмаціи, отчасти и въ глухихъ закоулкахъ чешской и польской народной области. Такимъ образомъ, если славянство представляется нынѣ для поверхностнаго наблюдателя окончательно разбитымъ на двѣ части: восточнохристіанскую и западnoxристіанскую, то при ближайшемъ разсмотрѣннн разрывъ этотъ не оказывается столь глубокимъ, не прошелъ еще сверху донизу, а слѣд. не можетъ считаться неодолимымъ препятствіемъ для возстановленія ихъ древняго культурнаго единства и признанія такового въ общихъ чертахъ, въ такой положимъ мѣрѣ, какъ это допускается для католической и протестантской вѣтвей германизма, или для великобританской и заокеанской группъ англосаксонскаго племенного и культурнаго типа.

Во всякомъ случаѣ, духовная близость славянства западнаго съ южнымъ и восточнымъ, насколько она коренится въ народныхъ массахъ, не уступаетъ той, какая существуетъ между міромъ романскимъ и германскимъ, принадлежащими безспорно къ одному и тому же латинонѣмецкому культурному типу.

Что касается затѣмъ сознанія славянскаго племенного и культурнаго единства, то оно находило для себя выраженіе во всѣ почти вѣка славянской исторіи въ народныхъ преданіяхъ, сказаніяхъ, а затѣмъ въ лѣтописяхъ и другихъ литературныхъ памятникахъ.

Уже одно имя „словѣне“, имѣвннее встарину не только видовое, но и родовое значеніе, наряду съ древними же именами : венеты (анты, вятичи) и сербы, свидѣтельствуетъ о присутствіи въ разныхъ вѣтвяхъ славянства сознанія своего племенного единства. Это единство представлялось издревле фактомъ до такой степени очевиднымъ и безспорнымъ, что ясное сознаніе его замѣчается и у древнихъ сосѣдей славянъ : грековъ, италиковъ, нѣмцевъ и др., которые также нерѣдко употребляли имена : *Slavi*, *Veneti*, *Serbi* и т. п. не только въ видовомъ, но въ болѣе или менѣе широкомъ родовомъ значеніи, что сохранилось и до настоящаго времени въ нѣмецкихъ напр. терминахъ : *Slaven*, *slavisch*.

Когда же у славянъ зародилась письменность, то съ первыхъ дней ея возникновенія мы встрѣчаемъ тутъ обильныя доказательства яснаго сознанія племенного единства славянъ. Это ясно выражено и въ извѣстныхъ словахъ о славянахъ паннонскаго житія св. Кирилла, вложенныхъ въ уста византійскаго имп. Михаила :

да и вы причтетеся великихъ языцѣхъ, иже славятъ бога своимъ языкомъ.

Въ силу такого сознанія и могли принять на себя свв. Кириллъ и Меѳодій миссіонерскій подвигъ между сла-

вянами великоморавскими, къ которымъ они обратились словесно и письменно на нарѣчїи не великоморавскомъ, а нѣсколько иномъ, вѣроятно — цареградско-славянскомъ, издревле получившемъ наименованіе „словѣньскаго“ не въ видовомъ, а скорѣе въ родовомъ значенїи.

Не менѣе знаменательно въ этомъ отношенїи ясное сознаніе племенного единства славянъ въ старыхъ лѣтописяхъ, начиная съ Повѣсти временныхъ лѣтъ.

Послѣдняя неоднократно и настойчиво разъясняетъ, что „словѣне“— имя родовое, въ объемъ котораго входятъ и хорваты, и сербы, и хорутане, и ляхове, и наши поляне, древляне, дреговичи, полочане, словѣне (видовое имя ильменскихъ славянъ); что „такъ разидеся словенскій языкъ, тѣмъ же и грамота прозвася словенская“; что „словѣнскій языкъ и русскій одно есть“ и т. д. То же выражается въ западнославянскихъ лѣтописныхъ легендахъ о братьяхъ: чехъ, лѣхъ, русъ, въ ихъ предашїяхъ о дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодїа и въ другихъ многочисленныхъ литературныхъ указанїяхъ и фактахъ, въ обилии собранныхъ покойнымъ славистомъ Первольфомъ въ соч. О славянахъ, ихъ взаимныхъ отношенїяхъ и связяхъ.

Со второй же половины XVIII в., когда начинается возрожденіе и славянскихъ народностей и науки объ нихъ, фактъ какъ племенного, такъ и культурнаго единства славянъ постепенно входитъ въ общее сознаніе не только такихъ пророковъ, какъ: Колларъ, Штуръ, Хомяковъ, Данилевскій и мн. др., но и народныхъ массъ, что такъ ясно выразилось въ періодъ возстаїа герцеговинскаго, войны серботурецкой, особенно же — русскотурецкой. Результаты послѣдней вовсе не уничтожены ни ошибками русской дипломатїи, ни дѣятельностїю сербскихъ милановцевъ или болгарскихъ стамбуловцевъ, а наоборотъ — продолжаютъ развертываться все дальше и шире, соприкасаясь незрими нитями съ вопросами армянскимъ, греческимъ, египетскомъ, — словомъ, со всѣми развѣтвленїями вели-

каго восточнаго вопроса. Сущность послѣдняго и заключается не въ чемъ иномъ, какъ въ осуществленіи духовной самобытности грекославянскаго міра, оспариваемой издревле западными теоретиками и политиками, а съ ихъ голоса — и нашими западниками, столь еще многочисленными въ интеллигентныхъ кругахъ не только польскаго, чейскаго, словинскаго, хорватскаго, но и сербскаго, болгарскаго, а главнымъ образомъ — русскаго славянства. Этимъ западническимъ недомыслиемъ и объясняются, главнымъ образомъ, все возрастающіе успѣхи на грекославянской почвѣ разныхъ заносныхъ плевеловъ, въ родѣ наступательнаго германизма, итальянизма, мадьяризма, юдаизма и т. п. которые ослабляютъ организмъ не только западныхъ вѣтвей нашего племени, но и южныхъ и даже восточныхъ, облегчая этимъ экономическую ихъ эксплуатацію и духовное закрѣпощеніе.

Переходя затѣмъ къ вопросу объ объемѣ, содержаніи и періодахъ славянской исторіи, какъ самостоятельной науки, мы остановимся прежде всего на ея пространственныхъ и временныхъ граняхъ.

Еслибы славянство жило отдѣльно отъ прочихъ народовъ, на какомъ нибудь полуостровѣ напр. или островѣ, то вопросъ о территоріальныхъ граняхъ его исторіи не вызывалъ бы сомнѣній. Но на дѣлѣ видимъ иное. Славяне живутъ почти въ серединѣ арійскаго челоуѣчества и азійско-европейскаго материка, не имѣя рѣзкихъ границъ, въ родѣ напр. Гималаевъ для индусовъ, Альпъ для италиковъ, Пиренеевъ для испанопортугальцевъ и т. п. Вслѣдствіе того западная напр. граница славянскаго міра проводится различно, по линіи то отъ Кенигсберга до Триеста, то отъ Данцига до Венеціи. Подобнымъ образомъ и на югѣ славянская территорія простирается, по мнѣнію однихъ, до Скадрскаго озера и Адрианополя, по другимъ — до Архипелага и Босфора. На востокѣ одни считаютъ гранью славянскаго міра Уралъ, другіе берега Тихаго океана. Са-

мую новую и научную попытку опредѣленія славянской или грекославянской территоріи находимъ въ сочиненіи В. И. Ламанскаго : Три міра азійско - европейскаго материка (СПб. 1892 г.). Западная граница этого міра опредѣляется здѣсь такъ : сухопутная русско-норвежско-шведская граница; Ботнической и Рижской заливы; затѣмъ ломаная линія, проходящая по прусскимъ и австрійскимъ землямъ, между Балтійскимъ и Адриатическимъ морями, Данцигомъ и Триестомъ; а наконецъ Адриатическое и Ионическое моря. Южную границу составляютъ, по мнѣнію проф. Ламанскаго, Средиземное море и азійская Турція, причемъ Малая Азія и Сирія принадлежатъ-де скорѣе міру среднему (грекославянскому), чѣмъ собственно - азійскому. Далѣе въ Азіи граница нашего міра совпадаетъ-де приблизительно съ границами Россійской имперіи, проходящими по Арарату, Паропамизу, горнымъ хребтамъ Тянь-Шань, Алтайскому, Саянскому, Хинганскому и по р. Амуру. Востокъ и сѣверъ этого міра омываются Тихимъ и Ледовитымъ океанами. На этой громадной территоріи, опредѣляемой главнымъ образомъ утвержденіемъ на ней русскаго государства и народа, находится немало народовъ и неславянскихъ, каковы на примѣръ: лѣты, румыны, албанцы, греки, многочисленныя народности чудскаго корня, съ мадьярами, эстами, финнами во главѣ, народы тюркскаго корня и мн. др.; но они являются какъ бы спутниками того историческаго солнца, которое называется міромъ грекославянскимъ (по преобладанію въ немъ сначала грековъ, а потомъ славянъ) или, по терминологіи В. И. Ламанскаго, среднимъ, по противоположенію міру западному или европейскому въ тѣсномъ смыслѣ — съ одной стороны, а восточному или азійскому — съ другой.

Въ отдѣльныя главы славянской, а тѣмъ болѣе грекославянской исторіи входитъ, конечно, обзоръ историческихъ судебъ и нѣкоторыхъ другихъ народовъ и государствъ то западнаго, то восточнаго культурныхъ круговъ.

напр. Венеціи, Австріи, Пруссіи, Турціи, Персіи, Монголіи и т. д.; но ихъ роль въ организмѣ славянской исторіи совершенно иная, чѣмъ роль, положимъ, Литвы, Румыніи, Угорщины, которыя развивались совмѣстно со славянами не въ одну лишь, а во всѣ эпохи своей исторической жизни, вслѣдствіе чего не могутъ быть изучаемы въ отдѣльности отъ славянъ, составляя вмѣстѣ съ послѣдними одно культурное цѣлое.

Такое расширеніе славянской исторіи на цѣлый рядъ инородческихъ спутниковъ, конечно, значительно раздвигаетъ ея рамки и осложняетъ задачи; но съ другой стороны, сопринадлежность ихъ къ славянамъ возвышаетъ значеніе исторіи послѣднихъ въ системѣ всемірной исторіи, общей соціологіи, общей политики.

Нужно еще отмѣтить, что упомянутая сопринадлежность къ славянству цѣлой группы инородцевъ средняго міра издавна чувствовалась лучшими его знатоками, напр. Константиномъ Багрянороднымъ въ сочиненіи *De administrando Imperio*, въ нашей Повѣсти временныхъ лѣтъ, а впослѣдствіи въ трудахъ византолога Бандури, славистовъ Добровскаго, Копитара, Миклошича, Ягича, Востокова, Григоровича, Ламанскаго, Васильевскаго, Веселовскаго, Корна и др. Особенно характерна въ этомъ отношеніи дѣятельность покойнаго вѣнскаго славяновѣда Миклошича, который, не признавая теоретически такихъ „абстрактныхъ“, какъ „славянство“, „грекославянство“, практически включилъ однако въ свои славяновѣдныя разысканія и мадьяръ, и румыновъ, и албанцевъ, и новогрековъ, даже турокъ и цыганъ, какъ это замѣтно отчасти и у его учителя Копитара.

Переходя затѣмъ къ временнымъ гранямъ славянской исторіи, мы замѣчаемъ, что хотя славяне являются чуть ли не самымъ младшимъ изъ великихъ историческихъ дѣятелей арійскаго происхожденія, тѣмъ не менѣе они имѣютъ уже за собою болѣе десяти вѣковъ исторической жизни. Не такъ давно Россія отпраздновала тысячелѣтія

русскаго государства и славянской грамоты; затѣмъ слѣдовали десятивѣковыя годовщины блаженной кончины свв. Кирилла и Меѳодія, 900-лѣтіе крещенія Руси, 1000-лѣтіе прибытія мадьяръ въ Дакію, Языгію, Паннонію или нынѣшнюю Венгрію. Итакъ, 9—10 вѣковъ: вотъ періодъ исторической жизни большинства славянскихъ народовъ. Что лежитъ за этими вѣками, то составляетъ уже для славянъ эпоху полуисторическую, до временъ Юстиніана и Прокопія; а еще далѣе передъ нами разстилается мракъ доисторическаго прозябанія славянъ, ихъ дѣтства и только пассивнаго участія въ событіяхъ тогдашней исторической жизни. Можно, конечно, при помощи лингвистической палеонтологіи, сравнительной миѳологіи и доисторической археологіи освѣтить нѣсколько и эти темные вѣка славянскаго дѣтства, эпохи ихъ бронзовой или даже каменной техники; но такъ какъ мы не видимъ тамъ проявленій личности и сознанія, а только продукты массовой дѣятельности, полуинстинктивнаго творчества, то и изученіе этихъ вѣковъ входитъ въ задачи скорѣе славянской этнологіи, чѣмъ исторіи.

Что касается другой, обращенной къ намъ временной грани славянской исторіи, то она простирается до событій не вчерашнихъ только, но и сегодняшнихъ, ибо исторія вообще не должна избѣгать изученія новѣйшихъ эпохъ культурной жизни, якобы принадлежащихъ уже другой наукѣ, политикѣ, и недоступныхъ для объективнаго изображенія, по незаконченности явленій и трудности перспективнаго ихъ освѣщенія. Политика въ этомъ значеніи представляется какъ бы послѣдней страницей исторіи, изучающею поперечный, такъ сказать, разрѣзъ событій вчерашняго дня. Собственно съ этихъ событій и слѣдовало бы начинать исторію, если бы оказалось возможнымъ примѣнить къ ней методъ наукъ точныхъ, подвигающихся отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, слѣдовательно, въ данномъ случаѣ — отъ переживаемаго къ воспоминаемому и воспроизводимому на

основаніи матеріальныхъ и нравственныхъ остатковъ и слѣдовъ прошлаго. Иначе, начиная напр. исторію съ вѣковъ намъ мало понятныхъ и во многомъ недоступныхъ, мы постоянно наталкиваемся на историческія уравненія со многими неизвѣстными, которыя могутъ быть опредѣлены лишь съ очень условнымъ приближеніемъ.

Существуетъ нѣмецкое — и довольно высокомѣрное — заявленіе, что „славяне занимаютъ болѣе мѣста на землѣ, чѣмъ въ исторіи“. На дѣлѣ это вовсе не оправдывается при сколько нибудь внимательномъ изученіи средней и новой исторіи европейскаго и азіатскаго человѣчества. Наряду съ романцами и германцами, славяне являются третьимъ основнымъ стволемъ европейскаго аризма, хотя они нѣсколько моложе двухъ первыхъ группъ на поприщѣ міровой исторіи и жизни. Романцы (кромѣ волоховъ), представляющіе помѣсь кельтовъ и иберовъ съ италиками и ихъ колонистами въ Галліи и Иберіи, а впослѣдствіи съ германцами и нѣкоторыми другими народами, выступаютъ на сцену всемірной исторіи за нѣсколько вѣковъ до Рожд. Христова, какъ это извѣстно изъ гальскихъ нашествій на Италію, гальскихъ войнъ Юлія Цезаря и другихъ фактовъ римской исторіи. Равнымъ образомъ и германцы или тевтоны выступаютъ на сцену еще при Маріи, играютъ видную роль при Августѣ и его ближайшихъ преемникахъ, а къ V в. уже успѣваютъ разгромить западную имперію и образовать въ Германіи, Британіи, Галліи, Иберіи, даже въ Африкѣ цѣлый рядъ германскихъ государствъ, значительная часть которыхъ уже при Карлѣ Вел. была организована въ составѣ имперіи франковъ, иначе священной римской имперіи нѣмецкой націи.

Гораздо позже начинается выступленіе на сцену всемірной исторіи славянъ. Они двигались собственно уже за готами и другими родственными имъ германскими племенами, какъ второй валъ въ великомъ переселеніи народовъ, вслѣдствіе чего и эпоха образованія славянскихъ госу-

дарствъ относится не къ первымъ вѣкамъ нашей эры, а къ IX—X вв., слѣд. на 500—600 л. позже, чѣмъ у романогерманцевъ.

Этотъ существенный въ славянской исторіи хронологическій фактъ нѣкотораго запоздація въ выступленіи славянъ на сцену исторіи не только за романцами, но и за германцами, имѣетъ важное значеніе и въ общей исторіи европейскихъ арійцевъ, вплоть до нашихъ дней. Имъ главнѣйше объясняются многія неудачи и утраты славянства въ борьбѣ съ романогерманцами, какъ болѣе старыми и искушенными опытомъ народами средневѣковой и новѣйшей Европы.

Кромѣ болѣе поздняго выступленія славянъ на историческую сцену, были впрочемъ и другія причины, замедлившія ихъ культурный ростъ еще на нѣсколько вѣковъ, вслѣдствіе чего возникла какъ бы нѣкоторая ихъ отсталость въ сравненіи съ народами романогерманскими.

Таковыми причинами представляются: во 1) бѣльшая консервативность славянскихъ народныхъ массъ, что особенно ярко отражается на архаичномъ строѣ славянскаго языка (за изъятіемъ болгарскаго нарѣчія), уступающаго въ этомъ отношеніи только языку литовскому, но далеко превосходящаго языки германскаго, а тѣмъ болѣе романскаго корня; во 2) неблагоприятное расположеніе славянской территоріи, на пути изъ Азіи въ Европу, по которому двигались безчисленные степняки средней Азіи, борьба съ коими въ теченіе многихъ столѣтій составляла главную задачу и заботу славянъ, особенно восточныхъ и южныхъ; въ 3) относительная скудость славянской почвы и трудность климатическихъ условій, требовавшихъ болѣе затратъ физическихъ и нравственныхъ силъ, чѣмъ въ болѣе благословенныхъ краяхъ германскаго и романскаго запада, а наконецъ въ 4) самая обширность славянской географической области и разбросанность, а слѣд. и разобщенность населенія, лишеннаго удобныхъ путей сообщенія, которые

также являются немаловажнымъ факторомъ въ быстротѣ культурнаго оборота. Къ тому же, славянская территорія расположена относительно дальше отъ культурныхъ очаговъ старой Европы, именно Греціи и Италіи, Цареграда и Рима, что конечно было благопріятно для самостоятельности ихъ развитія, но не для быстроты ихъ культурнаго роста. Кажется, благодаря именно этому обстоятельству не принесли славяне столь тяжкихъ жертвъ эллинизму, какъ кельты, а затѣмъ и нѣмцы — латинизму, въ Галліи, Иберіи, Италіи. Это отражается даже на славянскомъ языкѣ, который въ несравненно меньшей мѣрѣ подвергся вліянію языка греческаго, чѣмъ напр. языки кельтскій, англійскій, да и нѣмецкій — вліянію латыни. То же естественно уже а priori предполагать объ отношеніяхъ къ эллинизму и византинизму славянскаго народнаго быта, народнаго права, искусства, государственности, религіи, — словомъ, всѣхъ сторонъ славянской образованности, по сравненію съ аналогичными отношеніями къ Риму образованности не только романскихъ, но и германскихъ народовъ. Во всякомъ случаѣ, указанная географическія условія и историческія соотношенія не могли не отразиться на нѣкоторомъ замедленіи темпа славянской исторической жизни, слѣд. на нѣкоторой ея отсталости по сравненію съ болѣе передовыми и болѣе возмужалыми народами европейскаго Запада.

Но признавая эту относительную юность грекославянъ и возмужалость романогерманцевъ, мы не находимъ здѣсь основаній утверждать, что и первые не имѣютъ исторіи, не совершили крупныхъ, всемірноисторическихъ подвиговъ. Уже отмѣченные выше факты внѣшней жизни славянъ, въ частности же то, что они составляли въ теченіе многихъ вѣковъ какъ бы охранный валъ для западной Европы, прикрывавшій ее отъ вторженія восточныхъ степняковъ или по крайней мѣрѣ ослаблявшій силу натиска на нее изъ Азіи, составляетъ такой всемірноисторическій подвигъ, ко-

торый можетъ быть сравненъ развѣ съ войнами Персидскими въ исторіи классической Эллады и Пуническими въ жизни древняго Рима. Потому то и въ славянскомъ народномъ эпосѣ, особенно русскомъ, сербскомъ и болгарскомъ, борьба славянскихъ богатырей со степными чудищами, татарами, турками, съ которыми слились, вѣроятно, и прежніе боги тьмы, составляетъ чуть ли не господствующій мотивъ поэтическаго изображенія.

Не лишены значенія и экономическіе вклады славянства въ жизнь Европы. Не ему ли обязана послѣдняя хозяйственной обработкой громадной территоріи, значительно превосходящей площадь расселенія германцевъ или романцевъ въ Европѣ и донныѣ служащей важнымъ подспорьемъ для пропитанія западныхъ сосѣдей славянства?

Въ политической же исторіи запада участіе — то пассивное, то активное — славянъ встрѣчаемъ чуть не на каждой страницѣ, начиная со временъ Карла В. и до нашихъ дней. Вспомнимъ напр. роль Чехіи въ судьбахъ священной римской имперіи, а затѣмъ еще Хорватіи, Военной Границы, Угрии, Червонной Руси — въ судьбахъ Австріи, прибалтійскаго же славянства, поляковъ, серболужичанъ — въ судьбахъ Пруссіи.

Демократическій строй коренного славянства, въ относительной чистотѣ сохранившійся на его востокѣ и югѣ, а древле господствовавшій и у западныхъ славянъ, былъ въ теченіе вѣковъ какъ бы живымъ обличіемъ для строя западно-феодальнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ образцомъ для пересозданія послѣдняго. Извѣстно, на примѣръ, вліяніе чешскаго гуситства, сербохорватскаго ускочества, русскаго казачества, а въ новѣйшее время — нашего артельного и общиннаго крестьянства на соціальныя движенія и ученія старой и новой Европы.

Въ области же религіозной уже одинъ фактъ существованія, рядомъ съ романогерманскимъ иапизмомъ, автономныхъ христіанскихъ церквей грекославянскаго Востока,

съ народной организаціей и даже національными литургическими языками, — не могъ не дѣйствовать на Западъ, какъ живой протестъ противъ притязаній папъ, а вмѣстѣ какъ примѣръ другой, болѣе свободной организаціи христіанскихъ церквей. Въ этомъ смыслѣ Гусъ является какъ бы учителемъ Лютера, а свв. Кириллъ и Меѳодій — какъ бы основателями національныхъ церквей Запада, его библейскихъ обществъ, самоотверженныхъ миссій и вообще свободной церковной жизни, послѣ отторженія отъ Рима.

Даже націонализація западноевропейскихъ литературъ, такъ долго подавленныхъ встарь латынью, находится повидимому въ нѣкоторой связи съ давнимъ господствомъ у славянъ народнаго языка (отчасти народныхъ изводовъ церковнославянскаго языка) въ письменности и дѣловой, и лѣтописной, художественной, церковной.

Сравнительное изученіе средневѣковыхъ западноевропейскихъ литературъ доставило уже много указаній на важное значеніе грекославянскаго посредничества между этими литературами и міромъ восточнымъ, вплоть до Ирана и Индіи. А сколько славныхъ писателей *mediae et infimae latinitatis*, а потомъ среди героевъ литературы нѣмецкой, итальянской др. вышло изъ славянъ, въ родѣ напр. поляковъ Коперника, Сарбевскаго, чеховъ Гуса, Коменскаго, Добровскаго, хорватовъ Флакка Иллирика, Руджіеро Бошковича, Томазео, серболужичанина Лессинга и мн. др. Вообще, слѣдуетъ отмѣтить, что въ эпоху возрожденія древности хорваты, словинцы, чехословаки, поляки принимали самое дѣятельное участіе въ романогерманской литературѣ и наукѣ и внесли въ нее столь важные вклады, что по выдѣленіи ихъ пошатнулись бы самыя основы западноевропейской образованности. Да и въ настоящее время широкое развитіе славянской науки и искусства, напр. въ областяхъ чехословенскихъ, хорватскихъ и польскихъ, особенно же въ Россіи, является фактомъ общеевропейскаго, даже міроваго значенія.

Вирочемъ, какъ ни важно историческое значеніе греко-славянскихъ вкладовъ и подвиговъ для Запада, оно, конечно, еще важнѣе для самихъ грекославянъ, а черезъ нихъ — для міра. Въ самомъ дѣлѣ, славянство составляетъ такой историческій организмъ, развитіе и судьбы котораго далеко не безразличны для множества другихъ народовъ, да и для всего образованнаго человѣчества. Уже одна многочисленность славянъ (свыше 100 милл.) и распространенность ихъ на необъятной площади — отъ Чешскаго лѣса и Норическихъ Альпъ до Берингова пролива и Сахалина, а отъ Олимпа, Арарата, Паропамиза до Ледовитаго океана, создаетъ для славянъ въ Старомъ свѣтѣ такое положеніе, которое не боится сравненій съ многолюдствомъ и распространенностью любого другого великаго историческаго народа, напр. индусовъ, римлянъ, нѣмцевъ и др. Многолюдство же племени и его распространенность въ данномъ случаѣ, какъ и вообще, можетъ служить нѣкоторымъ указаніемъ на размѣры его физическихъ силъ, энергію труда и успѣхъ борьбы за существованіе какъ съ природою, такъ и съ другими народами, жившими на той же площади или имѣвшими на нее притязаніе.

Но и духовныя силы этого младшаго изъ арійскихъ дѣятелей исторіи не уступаютъ, кажется, другимъ арійцамъ, насколько можно о томъ судить по проявленіямъ этихъ силъ въ области языка, вѣрованій, сказаній, въ творчествѣ научномъ и художественномъ, въ дѣятельности религіозной, политической, общественной и т. д. Славянскій языкъ, въ совокупности своихъ нарѣчій и говоровъ — прошедшаго и настоящаго времени — составляетъ по своему грамматическому строенію и лексическимъ богатствамъ одно изъ величайшихъ созданій человѣческаго духа въ области язычной. Онъ смѣло можетъ быть сравненъ въ этомъ отношеніи съ языками древнеиндійскимъ, древнегреческимъ, нѣмецкимъ. Народная словесность славянъ въ области эпоса, лирики, дидактики врядъ ли имѣетъ

нынѣ себѣ равную по богатству, силѣ и необычайной живучести. То же можно сказать о славянской народной музыкѣ, особенно русской. Въ области политической славянство не только въ прошедшемъ представляетъ значительныя государства, каковы напр.: великоморавское въ IX в., болгарское въ X, а затѣмъ въ XIII в., сербское въ XIV в., чешское въ XV в., польское въ XVI—XVII в., но и въ настоящемъ имѣетъ столь могущественнаго вождя и представителя, какъ Россія, съ ея прочнымъ государственнымъ строемъ, испытаннымъ вѣками и безчисленными невзгодами. Еще обширнѣе религіозное значеніе славянства, какъ главнаго нынѣ носителя ученія и учрежденій восточной церкви, этого древнѣйшаго и основного ствола въ развитіи идей и формъ христіанства. Обширны и тѣ задачи, которыя если не выполнены, то хоть намѣчены славянствомъ въ области социальна-экономической, съ его артелями, общиннымъ землевладѣніемъ, круговой порукой, въ которыхъ быть можетъ скрывается разрѣшеніе тѣхъ противорѣчій капитализма и павперизма, въ которыхъ нынѣ запутался Западъ, „дрожащій надъ бездною“ социальной революціи. Наконецъ и въ области научнохудожественной славянство уже теперь представляетъ дѣятеля настолько крупнаго и самобытнаго, что изученіе его языковъ, особенно русскаго, его произведеній научныхъ, его школъ живописи, музыки и т. д. постепенно распространяется и на Западѣ, особенно во Франціи и Германіи, отчасти и въ Англии и другихъ западныхъ странахъ.

Различіемъ историческаго возраста славянъ съ одной стороны, а романогерманцевъ съ другой опредѣляется и то, что періоды исторической жизни тѣхъ и другихъ вовсе не совпадаютъ, а наоборотъ — существенно различны. Такъ напр. паденіе западной римской имперіи, отдѣляющее древній періодъ западноевропейской исторіи отъ средняго, вовсе не имѣетъ такого значенія въ исторіи славянъ, ибо они не были ни активными, ни пассивными участниками этого со-

бытія и вовсе не воспользовались имъ, какъ германцы, для своего утвержденія на развалинахъ этой имперіи. Равнымъ образомъ и открытіе Колумбомъ Америки, почти совпавшее съ реформаціей латинской церкви, не имѣетъ первостепеннаго значенія въ исторіи славянъ, которые только въ XIX в. начали пользоваться дорогами въ новый свѣтъ и лишь въ слабой степени были задѣты дѣятельностію Лютера и другихъ реформаторовъ чуждаго громадному большинству славянъ папизма. Нѣтъ, не эти событія должны признаваться эрами славянской исторіи, а совершенно другія. Гранью полуисторическаго и историческаго періодовъ жизни славянъ является, безспорно, дѣятельность свв. Кирилла и Меѳодія, совпавшая по времени съ образованіемъ первыхъ славянскихъ государствъ, ихъ постепенной христіанизацией и зарождепіемъ славянской письменности. Другою такою же гранію слѣдуетъ, кажется, признать паденіе имперіи, но не западной, а восточной или завоеваніе Цареграда турками, совпавшее съ окончательнымъ разгромомъ югославянскихъ государствъ и перенесеніемъ культурныхъ центровъ славянства съ юга на западъ (въ Дубровникъ, Чехію, Польшу) и востокъ, гдѣ съ этого времени возвышается Москва, какъ третій Римъ или — вѣрнѣе — второй Цареградъ. Третью же грань въ славянской исторіи составляетъ колоссальная личность и дѣятельность Петра В., въ частности же Полтавская побѣда, перенесшая въ Россію политическое, а затѣмъ и вообще историческое представительство всего славянства, даже всего греко-славянства.

Принимая эти событія, какъ порубежныя грани славянской исторіи, мы получаемъ для нея слѣдующіе періоды (сверхъ доисторическаго и полуисторическаго):

- I. древній, отъ свв. Кирилла и Меѳодія до паденія Цареграда;
- II. средній — до Петра В., и
- III. новый — съ Петра В.

Первый характеризуется, въ области политической, основаніемъ славянскихъ государствъ на югѣ, западѣ, востокѣ и очень успѣшнымъ ихъ развитіемъ, особенно въ началѣ этого періода, при Ростиславѣ великоморавскомъ, Симеонѣ болгарскомъ, Кресимирахъ I и II и Свинимирѣ хорватскихъ, Болеславахъ чешскомъ и польскомъ (Храбромъ), Олегѣ, Владимірѣ, Ярославѣ Мудромъ русскихъ. Угры, печенѣги, половцы съ одной стороны, а нѣмцы и отчасти Византія съ другой успѣли, правда, и въ эту пору нанести славянамъ нѣсколько тяжелыхъ ударовъ, особенно въ Угріи конца IX и начала X в., въ Болгаріи при Самуилѣ и въ Руси при Святославѣ. Но удары эти не были смертельны: Великоморавія напр. воскресла въ X—XI вв. въ полуславянской Угріи того времени, а Болгарія возродилась въ концѣ XII в., въ періодъ образованія второго болгарскаго царства, совпавшій съ появленіемъ Сербіи Неманичей. Болѣе вреда надѣлали удѣльные междоусобія князей, особенно въ Руси и Польшѣ, едва не доведшія ихъ до гибели подъ ударами то Батая, то нѣмцевъ. Но и эти невзгоды постепенно сглаживаются къ концу древняго періода, когда съ одной стороны Русь, объединившись подъ Москвою, начинаетъ наступательное движеніе на татарскій востокъ, съ другой же Польша, вступивъ въ унію съ Литвой и западной Русью, отражаетъ нѣмцевъ подъ Танненбергомъ и образуетъ на федеративныхъ началахъ обширное государство, простиравшееся нѣсколько позже отъ береговъ Балтійскаго моря до Чернаго.

Только на югѣ древній періодъ заканчивается паденіемъ не одной Византіи, но и государствъ болгарскаго, сербскаго, на половину и Венгріи, при чемъ однако это не было окончательнымъ ихъ замираніемъ, а скорѣе временнымъ сномъ, за которымъ послѣдовало пробужденіе и возрожденіе при лучшихъ историческихъ условіяхъ. Смерть — притомъ не политическая лишь, но и народная — постигла въ этотъ періодъ лишь прибалтійскихъ славянъ, кото-

рые въ его началѣ господствовали до Эльбы, а къ концу осуждены были на гибель даже на Одрѣ и нижней Вислѣ.

Впрочемъ, этотъ печальный исходъ многовѣковой борьбы славянъ прибалтійскихъ обусловленъ былъ не только государственною слабостію, разрозненностію, междоусобіями западныхъ славянъ, особенно ляшско-балтійской группы, но еще болѣе раннимъ проникновеніемъ въ ихъ среду латинскихъ миссіонеровъ, монаховъ, епископовъ, вообще латинскаго духовенства. Послѣднее подорвало въ ней основы и стараго язычества, и возможнаго распространенія въ тѣхъ краяхъ грекославянской церкви, которая одна могла бы поддержать силы этихъ славянъ въ борьбѣ съ Западомъ и обезпечить имъ взаимодѣйствіе со славянствомъ южнымъ и восточнымъ.

Вообще, необходимо признать, что судьбы грекославянской церкви въ этотъ періодъ славянской исторіи, а отчасти и въ дальнѣйшіе, составляютъ основной фактъ ея, болѣе важный по вліянію на успѣхи народной образованности, чѣмъ событія политическія, экономическія и т. п. Прочное утвержденіе этой церкви въ славянствѣ южномъ и восточномъ болѣе всего опредѣлило ея принадлежность къ восточнохристіанскому культурному типу и слѣдовательно непринадлежность къ типу западному, латинонѣмецкому. На этой почвѣ развивалась затѣмъ славянская литература, искусство, право и т. д., вслѣдствіе чего безъ изученія судебъ славянской церкви нельзя понять самыхъ основныхъ сторонъ народной жизни славянъ. Даже въ исторіи славянскаго запада многое представляется необъяснимымъ безъ справокъ въ этой области, напр. значеніе церковной уніи, составляющей столь важный фактъ въ исторіи Угріи XI—XIII в., Болгаріи и Сербіи XIII—XIV вв., Руси и Польши съ XIV—XV вв.; значеніе и судьбы чешскаго гуситства, исторія чешскихъ и моравскихъ братьевъ и т. п.

Въ области общественно-экономическихъ отношеній древняго славянства слѣдуетъ прежде всего отмѣтить внутреннее единство демократическаго строя его тогдашней жизни, лишь слегка задѣтаго въ періодъ образованія славянскихъ государствъ элементомъ дружиннымъ и его служилыми развѣтвленіями. Дальнѣйшая сословная дифференцировка этого строя, неизбежная и сама по себѣ, была не мало опредѣлена уже въ древній періодъ различіемъ культурныхъ воздѣйствій, съ одной стороны — византійскаго бюрократизма, съ другой же — романогерманскаго феодализма, который прочно утвердился въ Польшѣ, Чехіи, Угріи, Хорватіи, отчасти проникалъ и въ Византію, а черезъ Польшу — въ западную Русь.

Въ научнохудожественной области древній періодъ характеризуется безспорнымъ господствомъ византійскаго вліянія, которое проникало и къ западнымъ славянамъ до XI—XII вв. Носителемъ тогдашней славянской науки былъ главнымъ образомъ церковнославянскій языкъ и церковнославянская письменность, основанная на переводахъ съ греческаго и подражаніяхъ имъ въ областяхъ агіографіи, лѣтописанія, дидактики. Церковнославянскій языкъ былъ въ X—XI вв. органомъ не только богослуженія, но и литературы у славянъ южныхъ, восточныхъ, отчасти и западныхъ, какъ это явствуетъ изъ уцѣлѣвшихъ памятниковъ чехословенскаго извода (отрывки Кіевскіе и Пражскіе), а также изъ житій чешскихъ святыхъ Вячеслава и Людмилы и отрывковъ службъ имъ. Изъ произведеній чехословенскаго лѣтописанія на церковнославянскомъ языкѣ до насъ ничего не дошло, но въ нашей Повѣсти временныхъ лѣтъ такъ подробно говорится о нѣкоторыхъ событіяхъ великоморавской исторіи IX в., что невольно возникаетъ предположеніе о чехословенскихъ источникахъ такихъ преданій „Повѣсти“. Повидимому, такіе источники были въ рукахъ и у составителя Паннонскихъ житій, возникшихъ на югѣ, но сохранившихъ много вѣрныхъ подробностей изъ

жизни западныхъ славянъ того времени. Конечно, господство церковнославянскаго языка и письменности у послѣднихъ продолжалось недолго и врядъ ли проникло во всѣ ея области. По крайней мѣрѣ, чешскія грамоты временъ св. Войтѣха были писаны уже по латыни, подобно какъ и чешскія, моравскія, польскія лѣтописи почти всего древняго періода; лишь къ концу его понемногу проникаетъ въ эту область, а равно въ юриспруденцію, дидактику, богословіе Чехіи, а за нею и Польши языкъ славянскій, но уже не въ церковнославянскомъ облаченіи, а въ видѣ мелкихъ діалектовъ — чешскаго и польскаго.

И въ области искусства можно прослѣдить за весь древній періодъ сильное вліяніе византійскихъ образцовъ, даже въ Угріи и Чехоморавіи. Но со второй половины этого періода все болѣе усиливается въ странахъ западнославянскихъ вліяніе стиля романскаго и германскаго, который отражается не только въ произведеніяхъ архитектуры, скульптуры, живописи, но даже въ графикѣ западнославянской, построенной не на кириллицѣ или глаголицѣ, а на голой латинской абecedѣ, какъ во времена до изобрѣтенія славянскихъ писемъ.

Если подвести балансъ пріобрѣтеніямъ и утратамъ славянства въ древній періодъ его исторіи, то съ одной стороны нельзя не видѣть, что нѣкоторымъ изъ его вѣтвей нанесены были въ это время тяжелые то матеріальные, то нравственные удары. Такъ на югѣ были отчасти эллинизованы, отчасти обалбанены и орумунены многія вѣтви славянства малоазійскаго, морейскаго, эпирско-македонскаго, орако-дакійскаго. И побережье Чернаго моря, которое въ началѣ этого періода не даромъ называлось „Русскимъ“, къ концу его становится болѣе или менѣе инородческимъ. На западѣ часть территоріи хорватской и словинской была занята итальянцами, опиравшимися на Венецію; въ странахъ подальпійскихъ она была стѣснена колошіями верхненѣмецкими или швабскими, въ Чехіи средненѣмецкими;

въ странахъ серболужицкихъ и прибалтійскихъ была буквально залита колоніями нижненѣмецкими или сакскими. Значеніе этой сакской колонизаціи въ исторіи не только славянской, но и вообще европейской можетъ быть сравнено лишь съ англосаксонскими приобрѣтеніями въ Великобританіи.

Но съ другой стороны племенная площадь славянъ не мало и расширилась въ древній періодъ, благодаря колонизаціонной дѣятельности народа русскаго, раздвинувшаго границы славянства на сѣверѣ до Бѣлаго моря, на востокѣ до Волги и Урала, а впослѣдствіи — до Камчатки и Владивостока.

Въ области нравственной славянство не мало потерпѣло уже въ древній періодъ отъ усиленія на западныхъ его окраинахъ образованности латинонѣмецкой, оторвавшей ихъ болѣе или менѣе отъ восточно-христіанскаго ствола славянства и такимъ образомъ внесшей въ его среду культурный дуализмъ, источникъ взаимнаго отчужденія самыхъ близкихъ древле славянскихъ вѣтвей и братоубійственныхъ усобицъ между нами, столь облегчившихъ впослѣдствіи торжество нѣмцевъ на многихъ изъ этихъ окраинъ.

Однако громадное большинство славянъ, особенно на югѣ и востокѣ, сохранило вѣрность воспринятымъ въ IX—X вв. началамъ грекославянской образованности, которая настолько окрѣпла къ концу древняго періода, что и по паденіи Цареграда могла продолжать свое развитіе. Конечно, культурные центры ея были потомъ перенесены — изъ Цареграда и Аэона, Тернова и Ресавы въ Кіевъ, Новгородъ, потомъ Москву; но это не отразилось особенно вредно на содержаніи и успѣхахъ грекославянской образованности.

Во второй или средній періодъ славянской исторіи югославяне, со включеніемъ грековъ, албанцевъ, румыновъ, отчасти мадьяръ, постепенно теряютъ политическую независимость и входятъ въ составъ Оттоманской имперіи. Послѣдняя по территоріи приблизительно совпадала съ импе-

ріей Александра Великаго, Юстиніана и Василя II Македонскаго; но по культурнымъ своимъ основамъ, какъ государство мусульманское, она принадлежитъ другому, именно чисто-азиатскому культурному типу, являясь въ этомъ смыслѣ какъ бы продолженіемъ царствъ Персидскаго, Арабскаго, Монгольскаго.

Вынужденные съ той поры, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, служить пьедесталомъ, отчасти даже цементомъ (именно въ славянскомъ янычарствѣ) этой мусульманской имперіи, югославыне, подобно другимъ православнымъ подданнымъ Турціи, были осуждены какъ бы бесплодно и даже во вредъ себѣ растрчивать свои физическія и нравственныя силы. Но съ другой стороны, если принять во вниманіе, что ни греки, ни болгары, ни сербы не имѣли въ XIV—XV достаточно силъ, чтобы сдерживать напоръ романогерманскаго запада на области восточнохристіанской культурной системы; что слѣдовательно безъ турокъ они, по всей вѣроятности, были бы раздавлены совмѣстными усилями папъ, Венеціи и Габсбурговъ: то слѣдуетъ признать, что оказанное грекославянами туркамъ вольное или невольное содѣйствіе при образованіи и развитіи Оттоманской державы не пропало даромъ для дальнѣйшихъ судебъ грекославянскаго міра. Къ тому же нельзя не отмѣтить, что во второй половинѣ разсматриваемаго средняго періода, съ конца XVI в., когда Турція начала понемногу клониться къ упадку и, въ виду постепеннаго усиленія Россіи, становилась для цѣлей грекославянства какъ бы нлеоназмомъ, югославянскимъ гайдукамъ, а также нашему казачеству не мало обязана была Европа ускореніемъ процесса разложенія Турціи и ея вытѣсненія съ наступательныхъ иозицій на Дунаѣ, побережьяхъ Адриатики и въ южнорусскихъ степяхъ.

На славянскомъ западѣ въ средній періодъ мы находимъ три болѣе или менѣе значительныя и самостоятельныя государства: угорское, чешское и польское, между которыми вообще существовали очень тѣсныя сношенія и

связи, нерѣдко выражавшіяся въ формахъ династической уніи. Угрія при Корвинѣ, а Чехія при гуситскомъ королѣ Подѣбрадѣ представляли довольно значительную государственную силу. Къ сожалѣнію, вскорѣ оказалось, что основы этихъ государствъ не вполне надежны. Въ 1526 г. послѣ злополучной Могачской битвы рухнула Угрія, занятая отчасти турками, отчасти же Габсбургами, въ силу особаго династическаго договора. Въ то же время и Чехія подчиняется Габсбургамъ, съ сохраненіемъ, правда, на нѣкоторое время автономіи, которая однако была утрачена послѣ Бѣлогорской битвы (1620). Но Польша, окрѣпнувъ отъ уніи съ Литвою и западной Русью, проявила болѣе политической живучести. Разгромивъ въ XV в. Тевтонскій орденъ, Польша съ союзниками является въ XVI в. однимъ изъ могущественныхъ государствъ континентальной Европы и занимаетъ довольно вліятельное положеніе между Римскою имперіей на западѣ, Швеціей на сѣверѣ, Москвою на востокѣ и Турціей на югѣ. При Стефанѣ Баторіи и Сигизмундѣ III многимъ казалось, что Польша призвана быть представителемъ славянскаго міра, какъ это выражено, между прочимъ, въ знаменитой поэмѣ далматинца Гундулича „Osman“. Въ смутное время польсколитовскія войска заняли значительную часть и московской Руси, а польско-іезуитскій ставленикъ Самозванецъ сидѣлъ уже въ Кремлѣ. Но не прошло и ста лѣтъ, какъ все это величіе рухнуло, подъ ударами главнымъ образомъ казаковъ, а затѣмъ шведовъ и Москвы, такъ что къ концу средняго періода славянской исторіи Польша является уже государствомъ дряхлымъ, разлагающимся, хотя политическая агонія его затянулась и на новѣйшій ея періодъ.

Гораздо прочнѣе и долговѣчнѣе оказался государственный ростъ Московской Руси, съ Ивана III. Страшный внутренній кризисъ прошла она во вторую половину царствованія Ивана IV и въ смуты самозванчества; но благополучный выходъ изъ этого кризиса, обусловленный не ка-

кими либо внѣшними случайностями, а подъемомъ народнаго духа и организаціей силъ по почину народныхъ массъ, является началомъ оздоровленія и еще болѣе мощнаго развитія этого громаднаго государственнаго организма. Лучшимъ доказательствомъ того служить добровольное воссоединеніе Малороссіи, послѣдовавшее такъ скоро послѣ смуть казачества при Самозванцахъ. Въ этотъ же средній періодъ славянская территорія далеко раздвинулась и на востокъ, именно въ Сибирь, которая призвана, повидимому, играть въ исторіи Россіи, а слѣдовательно и всего славянства, роль аналогичную, но конечно не тождественную той, какая выпала Сѣверной Америкѣ въ исторіи племени англосаксонскаго.

Въ области религіозной средній періодъ ознаменовался прежде всего перенесеніемъ съ юга на востокъ главныхъ центровъ восточнохристіанской, въ частности же греко-славянской образованности и историческаго ея представительства, вслѣдствіе упадка этой образованности въ земляхъ турецкихъ и постепеннаго роста ея въ Москвѣ, Кіевѣ, Вильнѣ, Львовѣ. Внѣшнимъ выраженіемъ этого факта было и утвержденіе русскаго извода церковнославянскихъ рукописей и книгъ въ богослуженіи всѣхъ славянъ, не исключая и католиковъ-глаголяшей. Съ другой стороны, славянской церкви пришлось начать въ этотъ періодъ, но далеко не закончить, борьбу съ латинонѣмецкими вліяніями, которыя выражались то въ формѣ церковныхъ ушій (продолженіе флорентинской, а затѣмъ брестская), то въ формѣ раскольническихъ толповъ (жидовствующій и др.), развивавшихся не безъ вліянія еретическихъ сектъ Запада.

И между западными славянами идеи сначала гуситства и общины чешко-моравскихъ братьевъ, а затѣмъ возрожденія и реформаціи сильно подрыли было въ этотъ періодъ папизмъ и дали другое направленіе ихъ религіозной жизни. Но вскорѣ оказалось, что и протестантизмъ, вслѣдствіе своихъ специфически германскихъ примѣсей, не могъ

послужить прочною основою этой жизни, вслѣдствіе чего онъ постепенно былъ вновь оттѣсненъ иапизмомъ, за исключеніемъ Словачины и отчасти Польши (прусской), гдѣ лютеранство было поддержано ненавистію къ іезуитскому латинству и силою культурныхъ вліяній Германіи.

Въ соціально-экономическомъ отношеніи славяне средняго періода не представляютъ уже столь однороднаго цѣлага, какъ славяне древнѣйшей поры. Вся западная половина или окраина нашего міра, отъ Далмаціи до Чудскаго озера, была охвачена вліяніями феодальнаго Запада, съ его специфическимъ магнатствомъ, шляхетствомъ, бюргерствомъ и подавленнымъ крестьянствомъ. Даже на югѣ и востокѣ славянства этотъ западный укладъ общества началъ было кое-гдѣ утверждаться, но окончательному его торжеству помѣшали: на югѣ турки, вовсе не знавшіе та того уклада и даже враждебные ему, на востокѣ же — казачество и эмиграція, наряду съ сохранившимися еще тамъ живучими остатками стариннаго общиннаго типа русскаго крестьянства.

Въ научно-художественной области средній періодъ выдвинулъ на первую сцену славянъ западныхъ, именно: далматинскихъ (дубровчане и др.), хорутанскихъ, угорскихъ, чехоморавскихъ, польскихъ, принимавшихъ столь дѣятельное участіе въ наукѣ и искусствѣ эпохи возрожденія и реформаціи. Въ этомъ отношеніи отъ славянъ западныхъ отсталъ не только поработенный турками югъ, но и востокъ, вслѣдствіе чего и на Руси того времени движеніе образовательныхъ идей совершается въ направленіи отъ Львова, Вильны, Кіева къ Москвѣ, Твери, Новгороду, а не наоборотъ. Впрочемъ, и на востокѣ русскоіи земли продолжается въ этотъ періодъ органической ростъ старой грекославянской образованности, которой литературнымъ сводомъ являются Великія Четь-Миней. Сближеніе этихъ двухъ сильныхъ потоковъ: западнаго и восточнаго, отражавшихъ культурныя вліянія съ одной стороны грекославянскаго, съ другой

же латинонѣмецкаго міра, стало обнаруживаться еще въ XVII в., но съ полной силой выразилось при Петрѣ В., что и является руководящею основою реформы, лежащей на рубежѣ средняго и новаго періодовъ славянской исторіи.

Послѣдній характеризуется въ политическомъ отношеніи прежде всего выступленіемъ Россіи на поприще не европейской лишь, какъ это имѣло прежде мѣсто по отношенію къ Болгаріи, Сербіи, Хорватіи, Угріи, Чехіи, Польшѣ, а прямо — міровой жизни. Тѣ задачи государственнаго представительства нѣсколькихъ группъ славянства, которыя были намѣчены основателями государствъ великоморавскаго, болгарскаго, сербскаго, чешскаго, польскаго, но не могли быть съ успѣхомъ выполнены то по недостатку силъ, то по другимъ неблагоприятнымъ — внутреннимъ или внѣшнимъ — условіямъ, гораздо съ бѣльшимъ величіемъ и блескомъ выполняются Петромъ В., Екатериною II, тремя Александрями, двумя Николаями, такъ что теперь не можетъ уже быть сомнѣнія въ призваніи Россіи — быть культурнымъ представителемъ не только всего славянства, но и всего грекославянства, по крайней мѣрѣ въ тотъ періодъ всемірной исторіи, въ который она вступила при Петрѣ В. и который переживаетъ нынѣ. Конечно, и теперь еще далеко не всѣ славянскія, а тѣмъ болѣе — грекославянскія племена входятъ въ составъ русскаго государства; но это и не требуется безусловно идеей культурнаго сотрудничества ихъ на сценѣ всемірной исторіи. Во всякомъ случаѣ, Россія вмѣщаетъ нынѣ въ себѣ не менѣе трехъ четвертей грекославянскаго міра, а на остальныхъ грекославянъ обнаруживаетъ столь сильное вліяніе, что способна вызывать къ жизни новыя государства, каковы напимѣръ Греція, Румынія, Черногорія, Сербія, Болгарія, которыя безъ Россіи были бы невозможны или крайне недолговѣчны. На Россію же опираются иной разъ, даже вопреки своей волѣ, и такіе славянскіе народы, которые, повидимому, къ ней вовсе

не тяготѣють и входятъ въ составъ враждебныхъ славянству государствъ. Такъ можно утверждать, что нынѣшніе поляки вовсе не были бы столь замѣтнымъ факторомъ въ государственной жизни Германіи и Австроненгріи, если бы нѣмцы не видѣли и не щадили въ нихъ своихъ дѣйствительныхъ или мнимыхъ союзниковъ въ возможной борьбѣ съ Россіей. То же относится въ большей или меньшей мѣрѣ и къ другимъ славянскимъ народамъ Габсбургской монархіи, напр. чехамъ, хорватамъ, словакамъ, словенцамъ и др., къ австроненгерскому патриотизму которыхъ также пришлось бы обратиться этой монархіи въ случаѣ столкновения съ Россіей. Лишь существованіе послѣдней создаетъ для всѣхъ этихъ мелкихъ славянскихъ вѣтвей общій стволъ, сознаніе племенного единства и величія, а наконецъ возможность взаимодѣйствія на иолѣ культурномъ. Путемъ этого взаимодѣйствія, вѣроятно, и установилось бы уже у славянъ какая нибудь общая политическая система, если бы этому не противодѣйствовала очень ревниво западная Европа и если бы, съ другой стороны, сами славяне не забывали такъ часто о своихъ общихъ задачахъ и не отдавались такъ легко въ кабалу своимъ высокомѣрнымъ ненавистникамъ. Уже въ прошломъ вѣкѣ Россія не мало кровныхъ жертвъ принесла на алтарѣ такъ называемаго европейскаго политическаго равновѣсія, помогая то Австріи, то Пруссіи въ ихъ взаимныхъ усобицахъ; потомъ она задалась мыслию спасти германскую Европу отъ Наполеона I, хотя это вовсе не было вызываемо ни интересами, ни чувствами русскаго, да и вообще славянскаго народа. И позже — сколько разъ приходилось Россіи помогать разнымъ западнымъ potentатамъ, чѣмъ обыкновенно лишь усиливались коалиціи Запада на случай его столкновеній съ христіанскимъ Востокомъ.

Но въ этихъ ошибкахъ русской политики повинны далеко не одни наши дипломаты, а еще болѣе — наши историки, соціологи, философы, установившіе фикцію единства

всесірної образованности, якобы найчище представляемой западноевропейскою, которой вслѣдствіе сего и обяваны-моль служить менѣе культурныя племена грекославянскаго міра.

Въ религіозной области самымъ важнымъ фактомъ новаго періода славянской исторіи является постепенный упадокъ уніи, а затѣмъ — проясненіе раскола, для котораго въ единовѣрїи найденъ мостъ для возврата къ православію. Но противоположности, раздѣляющія религіозное сознаніе славянъ западныхъ и восточныхъ, все еще не сглажены. Наоборотъ, во многихъ случаяхъ онѣ то именно и являются то явною, то скрытою причиною глубокихъ антагонизмовъ, донинѣ раздѣляющихъ напр. сербовъ и хорватовъ на югѣ, а русскихъ и поляковъ на востокѣ. Только въ самое послѣднее время, когда начались знаменательныя тысячелѣтія: изобрѣтенія славянскихъ письменъ, кончины св. Кирилла Философа, а затѣмъ св. Меодія Моравскаго, понемногу стало подготавливаться, на почвѣ основанной ими кирилло-меодіевской церкви, письменности и образованности, постепенное сближеніе славянъ латинскихъ съ грековосточными. Такимъ образомъ въ новѣйшее время наблюдается какъ бы возстановленіе историческихъ нитей, связывающихъ нашу эпоху съ отдаленными вѣками первоначальной христіанизациі славянъ.

То же отчасти можно замѣтить и въ области соціально-экономическихъ отношеній. Уничтоженіе крѣпостничества, налегнаго было на значительную часть славянскаго крестьянства подъ вліяніемъ феодальнаго Запада, освобожденіе съ надѣломъ землю, возстановленіе волостнаго и гминнаго самоуправленія и нѣкоторыя другія аналогичныя реформы новѣйшаго времени нѣсколько сблизили организацію нашего крестьянства съ допетровскою или еще болѣе древнею. Подобною же „старинною въ новизнахъ“ нашего времени представляется бережливое отношеніе многихъ славянскихъ, отчасти и западныхъ экономистовъ къ общинной формѣ

землевладѣнія, какъ одной изъ надежныхъ гарантій противъ обезземеленія, пролетаріата и другихъ бѣдствій индивидуализма въ экономической области.

Что касается наконецъ отношеній научно-художественныхъ, то въ области ученой очень крупныя вклады были сдѣланы въ послѣдніе два вѣка славянами западными и восточными, въ области же художественной — поэтами и вообще художниками русскими, польскими, чешскими, словацкими, сербскими и н. др.

Такимъ образомъ истекающее тысячелѣтіе славянской исторіи представляется временемъ далеко не потеряннымъ для образованности не только грекославянской, но и другихъ культурныхъ группъ. Къ концу этого тысячелѣтія мы замѣчаемъ постепенное сокращеніе разстоянія, отдѣляющаго въ прежніе вѣка юное славянство отъ болѣе зрѣлыхъ народовъ запада, вслѣдствіе чего можно надѣяться, что не далеко уже время, когда славянство догонитъ своихъ западныхъ учителей, какъ догнали нѣкогда при подобныхъ же условіяхъ германцы латынянъ, а эти послѣдніе древнихъ эллиновъ.

А. Будиловичъ.

Содѣйствіе чеховъ успѣхамъ германи- зации на берегахъ Балтійскаго моря.

Хотя со времени выхода въ свѣтъ послѣдняго тома сочиненія Іоанна Фойгта *Geschichte Preussens* прошло почти 60 лѣтъ¹⁾, но до сихъ поръ не появилось равнаго ему по достоинству труда, посвященнаго полному и всестороннему обзорѣ судьбъ Тевтонскаго Ордена, основавшаго нѣмецкое государство на берегахъ Балтійскаго моря. Изданная въ 1880 году книга проф. Карла Ломейера²⁾, въ которой изложеніе событій доведено почти до времени Танненбергской битвы, предназначалась для широкаго круга читателей³⁾, а потому лишь въ крайне ограниченной мѣрѣ могла восполнить пробѣлъ, ощущаемый въ литературѣ исторической. Еще въ 1872 году Альб. Эвальдъ справедливо находилъ необходимымъ пересмотрѣть древнюю исторію Пруссіи въ виду отысканія новыхъ документальныхъ данныхъ и опубликованія въ коллекціи *Scriptores rerum Prussicarum*⁴⁾ мѣстныхъ хроникъ,

1) J. Voigt, *Geschichte Preussens von den ältesten Zeiten bis zum Untergang der Herrschaft des Deutschen Ordens*, 9. Bd. Königsb. 1827—39. Іоаннъ Фойгтъ, справедливо называемый отцемъ прусской исторіографіи, скончался въ 1863 году.

2) K. Lohmeyer, *Geschichte von Ost- und Westpreussen*, 1 Abth., Gotha, 1880. Въ слѣдующемъ году вышло 2-ое изданіе.

3) K. Lohmeyer (цитируемый по 1-му изданію), S. VI: Ein Handbuch mit Citaten zu beschweren erscheint mir ungebührig und hier auch schon deshalb überflüssig, weil der Kundige leicht erkennen wird, was mir gehört und was ich dem Scharfsinne und Fleisse Anderer verdanke.

4) Th. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke, *Scriptores rerum Prussicarum oder Geschichtsquellen der Preussischen Vorzeit bis zum Untergang der Ordensherrschaft*. 5 Bd. Lpz. 1861—74, in — 8.

оставшихся неизвѣстными историографу Тевтонскаго Ордена 1). По поводу устарѣлости труда Фойгта и состоянія историографіи прусской проф. Ломейеръ писалъ въ концѣ 1879 года слѣдующее: „Въ теченіе истекшихъ 40 лѣтъ на поприщѣ изученія (исторіи древней Пруссіи) произведено столько научныхъ работъ и столь плодотворныхъ, что исторія нашей страны во всѣхъ отношеніяхъ представляется совершенно въ другомъ видѣ. Эти результаты новой обработки разсѣяны большей частью въ несмѣтномъ количествѣ маленькихъ работъ“ . . . 2) Съ такимъ же правомъ мы можемъ повторить эти слова, говоря о современномъ состояніи прусской историографіи. Въ самомъ дѣлѣ, нижеслѣдующія изданія: Neues Preussisches Urkundenbuch историческаго прусскаго общества (Publicat. d. Vereins f. d. Geschichte v. Ost- u. Westpreussens) 3), Познаньское 1890—92 гг. Lites ac res gestae inter Polonos ordinemque Cruciferorum 4) и такія коллекціи Краковской Академіи наукъ, какъ изданный въ 1882 году А. Прохаскою Codex epistolaris Witoldi и Codex epistolaris saeculi XV, два тома кото-

1) Albert Ewald, Die Eroberung Preussens durch die Deutschen (4. Bd. Halle, 1872—1886), Bd. I, S. V. — Сравни также M. Perlbach, Preussische Regesten bis zum Ausgange des dreizehnten Jahrhunderts (Königsb., 1876), Vorwort, S. I—II.

2) K. Lohmeyer, S. V: In den seither verflossenen vierzig Jahren ist aber auf diesem Felde wissenschaftlich so viel und mit solchem Erfolge gearbeitet, dass auch die Geschichte unseres Landes fast an allen Punkten ein ganz anderes Ansehen gewonnen hat. Diese Resultate der neueren Forschung, die zum grössten Theile in einer Anzahl kleinerer Arbeiten zerstreut liegen. . . .

3) Первое отдѣленіе (Polit. Abth.) коллекціи начало выходить еще въ 1882 году. Во второмъ отдѣленіи опубликовываются грамоты и другой дипломатическій матеріалъ, относящійся къ исторіи епископствъ, церквей и монастырей. Второй томъ (Urkundenbuch d. Bistums Samland) изданъ въ 1891 году.

4) Эта коллекція напечатана въ 2 томахъ на средства бібліотеки въ Корникъ (sumptibus bibliothecae Kornicensis). Оба тома были приготовлены къ печати Я. Закржевскимъ, скончавшимся при печатаніи второго тома. Эта коллекція представляетъ собою второе изданіе сборника, напечатаннаго подъ тѣмъ же заглавіемъ графомъ Дзялынскимъ. Новое изданіе представляетъ значительныя дополненія по сравненію съ первымъ, которое является теперь бібліографической рѣдкостью.

раго вышли въ 1891—94 годахъ подъ редакціей Ан. Левицкаго въ составѣ извѣстныхъ Monumenta medii aevi historica¹⁾, а равно и другія изданія историческихъ матеріаловъ въ Польшѣ, Германіи и Прибалтійскомъ краѣ, — дѣлали неизбѣжнымъ пересмотръ многихъ историческихъ вопросовъ, какъ касающихся судебъ самого Ордена, такъ и отношеній его къ западнымъ странамъ и народамъ. Въ связи и подъ вліяніемъ опубликованія новыхъ историческихъ матеріаловъ произошло естественно оживленіе мелкой монографической обработки. Изъ нѣмецкихъ изслѣдованій послѣдняго десятилѣтія заслуживаютъ особеннаго вниманія статьи Ломейера, Крумбгольца, Симсона, Сарнеса, Пруца, Грюнгагена, Ламне, Бесса, Моя, Рѣриха, Кольберга и т. д. Такъ какъ историческія судьбы Ордена съ начала XIII вѣка были тѣсно связаны съ исторіей польскаго и литовско-русскаго государствъ, то многіе русскіе и славянскіе историки посвящали и посвящаютъ свои изслѣдованія изученію отношеній древней Пруссіи къ литовцамъ и славянамъ. Изъ русскихъ трудовъ послѣдняго времени мы съ большимъ удовольствіемъ можемъ назвать прекрасныя монографіи: В. Б. Антоновича „Очеркъ исторіи великаго княжества Литовскаго“, Н. П. Дашкевича „Замѣтки по исторіи литовскаго-русскаго государства“ и Барбашева „Витовтъ и его политика“. Въ особенности много потрудились, однако, на этомъ поприщѣ польскіе историки. Изслѣдованія и статьи Станислава Смолки, Гурскаго, Семковича, Шуйскаго, Шайнохи, Конечнаго, Кентржинскаго, Мѣржинскаго, а особенно Ант. Прохаски и Анат. Левицкаго являются капитальными вкладками въ историческую литературу Польши и Нѣмецкаго Ордена.

1) Изданіе этой коллекціи было предпринято первоначально извѣстнымъ польскимъ историкомъ Шуйскимъ въ 1876 году. Однако, со времени выхода въ свѣтъ этого перваго тома было отыскано столько богатаго историческаго эпистолярнаго матеріала, что два тома, вышедшіе подъ редакціей Левицкаго, заключаютъ въ себѣ по совокупности свыше 1000 страницъ (XLV, 331 + LXXX, 665).

Сожалѣя объ отсутствіи общаго труда по исторіи древней Пруссіи, мы не можемъ не привѣтствовать появленія въ свѣтъ напечатанной въ 1897 году книги Ярослава Голля, профессора чешскаго Пражскаго университета, подъ заглавіемъ *Čechy a Prusy ve středověku* (str. II + 313) тѣмъ болѣе, что въ ней, по мѣткому выраженію проф. Э. Дени, извѣстнаго французскаго знатока чешской гуситской эпохи, трактуется вопросъ о господствѣ на берегахъ Балтійскаго моря¹⁾. Книга проф. Яр. Голля представляетъ собою трудъ, основанный на прекрасномъ изученіи литературы и новоизданныхъ источниковъ. Авторъ и раньше работалъ въ области изученія исторіи Восточной Европы: такъ, въ 1891 году онъ напечаталъ въ журналѣ *Časopis Matice Moravské* статью о второмъ крестовомъ походѣ Премысла Отакара II (o druhé křížové výpravě Přemysla Otakara), а въ 1894 году помѣстилъ въ журналѣ *Mittheilungen des Instituts für Oesterreichische Geschichtsforschung* изслѣдованіе К. Sigmund und Polen. Послѣдняя большая работа проф. Голля представляетъ собою, между прочимъ, весьма интересную и удачно исполненную попытку объяснить и поставить исторію польско-нѣмецкихъ отношеній въ связи съ тѣмъ религіознымъ движеніемъ, которое происходило въ гуситской Чехіи. Такимъ образомъ, авторъ сумѣлъ частный вопросъ объяснить съ высшей точки зрѣнія и поставить въ рамки всеобщей исторіи. Признавая въ книгѣ столь значительныя достоинства и рекомендуя ее вниманію русскихъ историковъ, которые здѣсь найдутъ для себя много интереснаго, я считаю необходимымъ отмѣтить тенденціозность автора, ясно видную въ слѣдующихъ его заключительныхъ словахъ: „Великій магистръ Альбрехтъ, — читаемъ мы въ концѣ книги, — отказался, по совѣту Лютера, отъ прежней вѣры и церкви; слагая съ себя званіе великаго магистра, онъ сдѣлался свѣтскимъ государемъ, герцогомъ Прусскимъ, а

1) *Revue historique*, t 64 (1897, 2), p. 394: La grande question qui se débat, c'est celle de la domination de la Baltique.

свое герцогство получилъ въ качествѣ лена отъ Короны польской. На Краковскомъ рынкѣ, въ 1525 году, онъ преклонилъ колѣно передъ королемъ польскимъ. Этимъ былъ дополненъ и приведенъ въ исполненіе Торнскій миръ. . . . Только этотъ исходъ не представлялъ для Польши счастливаго разрѣшенія „прусскаго вопроса“. Орденъ Нѣмецкій превратился въ Пруссію, но его политическія традиции перешли къ преемнику. Въ новое время Орденъ въ формѣ Прусскаго государства восторжествовалъ въ концѣ концовъ надъ Польшей. Еще прежде, чѣмъ Орденъ палъ, обнаружилось, что союзъ Пруссіи и Россіи нанесетъ рѣшительный ударъ Польскому государству въ той его формѣ, которую последнее приняло въ XIV—XV вв. по уніи съ Литвой и Торнскому миру. Пруссія восторжествовала надъ Польшей, а Москва — надъ Литвой. Однако, такое окончательное разрѣшеніе „прусскаго вопроса“ не было счастьемъ для славянскаго міра“.

Такова тенденція автора, посвятившаго книгу Лукіану Малиновскому, профессору славянской филологіи въ Краковѣ¹⁾. Разумѣется, нѣтъ надобности оправдывать русскую политику, такъ какъ Россіи, позднѣе выступившей на поприще обще-европейской политической жизни, приходилось считаться съ результатами предыдущаго историческаго развитія и принимать во вниманіе наличные факты и условія. Кромѣ того, какъ извѣстно, виновниками возникновенія прусскаго государства были представители польской государственной идеи XIII вѣка. Съ другой стороны, справедливо будетъ указать также и на то, въ какой мѣрѣ чехи способствовали упроченію дѣла германизации на берегахъ Балтійскаго моря.

Орденъ нѣмецкихъ рыцарей (*fratres hospitalis S. Mariae Theutonicorum*), образовавшійся въ концѣ XII вѣка (около 1190 г.), окончательно сформировался и сталъ на равную ногу съ италіанскимъ Орденомъ Іоаннитовъ и французскимъ

1) Скончался въ мартѣ 1898 года.

Тампліеровъ только тридцать лѣтъ спустя, при четвертомъ магистрѣ, даровитомъ и ловкомъ Германѣ фонъ Зальца¹⁾. Явившись на свѣтъ уже послѣ потери Іерусалима, нѣмецкій Орденъ довольно рано забываетъ о своемъ первоначальномъ назначеніи и стремится къ достиженію политическаго значенія въ Европѣ. Уже въ 1211 году рыцари были приглашены венгерскимъ королемъ Андреемъ II. Давая имъ опустошенную и пустынную землю (*terra de Vogza*) въ Седмиградіи или Трансильваніи²⁾, на юго-восточныхъ окраинахъ государства, король надѣялся въ ихъ лицѣ найти хорошихъ пограничныхъ стражей, обязанныхъ защищать его земли отъ набѣговъ безпокойныхъ половцевъ. Однако, скоро обнаружилось, что рыцари Тевтонскаго Ордена стремятся пріобрѣсти полную самостоятельность и господство въ пожалованной имъ территоріи. Только съ большимъ трудомъ удалось королю Андрею въ 1225 году избавиться отъ опасныхъ охранителей границъ, умѣвшихъ найти въ лицѣ папы Гонорія III убѣжденнаго и настойчиваго покровителя³⁾. Прошло всего только нѣсколько лѣтъ, какъ Орденъ получаетъ другое приглашеніе, исходившее на этотъ разъ отъ Мазовецкаго князя Конрада. Послѣдній былъ однимъ изъ удѣльныхъ польскихъ князей и съ трудомъ выдерживалъ борьбу съ язычниками-сосѣдями, — пруссами, народомъ литовскаго племени. Дѣйствуя, можетъ быть, по примѣру рижскаго епископа Альберта, основавшаго въ Ливоніи Орденъ Мечено-

1) Alb. Ewald, Bd. I, S. 85--100. — См. буллу папы Гонорія III отъ 9 янв. 1221 года: *Cum igitur ordinem fratrum Hospitalis Jerosolimitani circa pauperes et infirmos, fratrum vero milicie Templi circa clericos et milites ac alios fratres in domo vestra proinde institutum observetis, nos volentes, ut sitis pares in assecucione apostolici beneficii, quibus in operatione virtutum pio studetis proposito adequari, omnes libertates, immunitates ac indulgencias venerandis domiciliis predictorum Hospitalis et Templi ab apostolica sede concessas domui vestre concedimus.* Ern. Strehlke, *Tabulae Ordinis Theutonici* (Ber., 1869), p. 281, № 309.

2) Ern. Strehlke, p. 156—157, №№ 158—166

3) Въ 1895 году была напечатана въ журналѣ *Archiv für Oesterreichische Geschichte* интересная статья W. Erben, *Die Frage d. Heranziehung d. deutschen Ordens z. Vertheidigung d. ungarischen Grenze.*

сцевъ, князь Конрадъ и прусскій епископъ (*in partibus infidelium*) Христіанъ въ 1228 году учредили особый Орденъ Христовыхъ рыцарей (*milites Christi*). Новый Орденъ, призванный къ жизни для борьбы съ литовцами-язычниками, получилъ отъ князя во владѣніе округъ, лежавшій на правомъ берегу Вислы, между рѣками Каменицей и Хельминицей, съ городомъ Добриномъ, по имени котораго рыцари получили прозваніе Добринскихъ. Такъ какъ они не оправдали вовсе возлагаемыхъ на нихъ надеждъ, то Конрадъ поспѣшилъ войти въ соглашеніе съ рыцарями Тевтонскаго Ордена. Переговоры тянулись нѣсколько лѣтъ и закончились въ 1230 году (Влоцлавецскій и Крушвицкій договоры). Рыцари приняли на себя обязательство передъ Конрадомъ и его преемниками оказывать помощь, сражаясь противъ язычниковъ до послѣдняго человѣка, а князь со своей стороны предоставилъ имъ во владѣніе Хельминскую или Кульмскую землю (*Sumerland*), лежавшую на сѣверъ отъ Мазовіи, около того мѣста на правомъ берегу Вислы, гдѣ рѣка, круто взявъ на западъ, подъ прямымъ угломъ поворачиваетъ на сѣверо-востокъ. Кромѣ того, епископъ Христіанъ отказался отъ своихъ правъ на имѣнія въ пожалованной рыцарямъ области. Для характеристики политическихъ пріемовъ Ордена заслуживаетъ вниманія то, что еще прежде, чѣмъ переговоры съ поляками пришли къ концу, императоръ Фридрихъ II, по просьбѣ Германа Зальца, предоставилъ ему, великому магистру, и его преемникамъ, какъ будущимъ владѣтелямъ въ Пруссіи, права и званіе имперскаго князя.

Призваніемъ рыцарей Тевтонскаго Ордена въ области нижней Вислы былъ положенъ руками польскаго князя краеугольный камень германизациі Прибалтійскаго побережья. Со времени соединенія Тевтонскаго Ордена съ Меченосцами (1237), утвердившимся въ Ливоніи, Балтійское море, казалось, должно было превратиться въ нѣмецкое озеро, а славяне надолго были оттѣснены отъ его береговъ, что не могло не отразиться печально на развитіи ихъ соціально-экономи-

ческой и культурной жизни. Не прошло съ тѣхъ поръ и 50 лѣтъ, какъ поляки сознали пагубность сдѣланнаго ими шага, но на первыхъ порахъ они были вѣрными союзниками Ордена. Въ 1234 году, напр., польскіе князья принимали участіе въ битвѣ на рѣкѣ Сиргунѣ и помогали рыцарямъ завоевать Помезанію ¹⁾.

Когда польская политика приняла чрезвычайно враждебное сосѣдямъ-нѣмцамъ направленіе, въ роли вѣрныхъ союзниковъ Ордена выступаютъ чехи и ихъ государи, много содѣйствовавшіе въ XIII—XIV вв. дѣлу германизациі Прибалтійскаго побережья. Не говоря уже о томъ, что чехи участвовали въ походѣ нѣмецкихъ князей противъ Прибалтійскихъ славянъ ²⁾, помимо того, что чешскій король Сигизмундъ, сынъ Карла IV, былъ виновникомъ полученія Гогенцоллернами курфиршества Бранденбургскаго (1411—1417), мы должны указать на то, что всѣ значительные военные и дипломатическіе успѣхи Тевтонскаго Ордена были достигнуты, благодаря усердному содѣйствію чеховъ.

Какъ видно изъ папской буллы 1232 года, монахамъ доминиканскаго ордена было поручено проповѣдывать также въ Чехіи и Моравіи крестовый походъ противъ пруссовъ-язычниковъ, противъ которыхъ тогда собирали силы рыцари, имѣя въ виду завоеваніе Помезаніи. Въ чешскомъ государствѣ благочестивые люди по духовнымъ завѣщаніямъ отказывали Ордену земли и капиталы; кромѣ того, здѣсь же производились сборы пожертвованій. „Такимъ образомъ, — замѣчаетъ на стр. 19 самъ проф. Голль, — чешское оружіе и чешскія деньги содѣйствовали основанію новаго нѣмецкаго государства на берегахъ Балтійскаго моря.“

Приводя эти слова нашего автора, мы могли бы этимъ ограничиться, такъ какъ ими вполне ясно и отчетливо вы-

1) Помезанія, прусская область, расположена была на сѣверъ отъ границы Хельминской земли до моря, по правому берегу рѣки Вислы. — Рѣка Сиргунъ впадаетъ съ юга въ Дравзенское озеро (Drausensee).

2) Fr. Palacký, Dějiny národu Českého (4 vyd. 1893) d. I, str. 237.

ражена справедливая мысль, которую мы попытаемся только укрѣпить въ сознаниі читателя указаніемъ на факты.

Достигнувъ вслѣдствіе завоеванія Помезаніи берега морского, при содѣйствіи поляковъ, которые заключили съ рыцарями „самый противоестественный союзъ“¹⁾, послѣдніе продолжали съ успѣхомъ расширять свои владѣнія на востокъ. Насколько они хорошо понимали необходимость стать твердой ногой на берегахъ моря, видно изъ того, что вскорѣ затѣмъ положено было начало флоту и предпринято успѣшное завоеваніе Погезаніи и Эрмланды²⁾ послѣ захвата прибрежной полосы. Владѣніе Погезаніей было укрѣплено построеніемъ (1237) на рукавѣ Вислы (Ногатъ) города Эльбинга. Завоеваніе же Эрмланды началось съ того, что рыцари овладѣли стратегическимъ пунктомъ (прусское поселеніе Balga), лежавшимъ на берегу Фришгафа, и укрѣпили его. Окончательному покоренію (около 1240 г.) этой области³⁾ способствовалъ явившійся на помощь Ордену герцогъ Брауншвейгскій Оттонъ, внукъ знаменитаго Генриха Льва.

Такимъ образомъ, въ самое короткое время въ руки рыцарей перешла вся территорія отъ Вислы до рѣки Прегеля. Дальнѣйшимъ столь же значительнымъ успѣхамъ Ордена воспрепятствовала политика западнаго сосѣда, Померанскаго князя Святополка, который храбро и настойчиво боролся съ нѣмцами до самой своей смерти († 1266). Кромѣ того, пришлось Ордену временно пріостановить завоеванія, такъ какъ въ Эрм-

1) Alb. Ewald, Bd. II (1875), S. 4: die damals zwischen beiden Mächten geschlossene Alliance war die unnatürlichste von der Welt.

2) Погезанія, прилегая къ Фришгафу (Frisches Haff), расположена была между Дравзенскимъ озеромъ и рѣкой Пасаргой. Эрмландъ, примыкая къ Фришгафу и Погезаніи, простирался до рѣки Прегеля. Эрмландомъ собственно называлось епископство, въ составъ котораго входили земли: Вармля, Натангія и Бартія.

3) Д у с б у р гъ въ прологѣ къ своей хроникѣ говоритъ объ успѣхахъ Ордена слѣдующее: *bellum prosperatum est in manu fratrum predictorum sic, quod infra undecim annos a die introitus sui in terram Prussie gentes, qui terram Colmensen et Lubavie occupaverunt, et naciones illas, que terras Pomesanie, Pogesanie, Warmie, Nattangie et Barthe inhabitabant, sibi potenter et christiane fidei subdiderunt.* — См. Alb. Ewald, Bd. II, S. 47.

ландѣ вспыхнуло возстаніе. Около деревни Крукена нѣмцы потерѣли страшное пораженіе: на полѣ битвы пало 53 рыцаря, а многіе были взяты въ плѣнъ (29 ноября 1248 года)¹⁾. Вѣсть о пораженіи произвела сильное впечатлѣніе въ Западной Европѣ. Папа Иннокентій IV приказалъ проповѣдывать крестовый походъ противъ прусскихъ язычниковъ. Прежде всего на берегахъ Вислы появился Бранденбургскій маркграфъ (1251), а годомъ позже послѣшили на помощь Ордену Мерзебургскій епископъ и графъ Шварцбургскій. Возстаніе было подавлено. Оправившись отъ пораженія, рыцари стали мечтать о завоеваніи Самланда²⁾. Обладаніе послѣднимъ было необходимо для Ордена, такъ какъ обезпечивало соединеніе двухъ нѣмецкихъ колоній, изъ которыхъ одна основалась на Вислѣ, а другая — на Двинѣ. Попытка осуществить эту задачу собственными силами окончилась пораженіемъ при деревнѣ Гирмовѣ³⁾.

Завоеванію Самланда, этой важной въ политическомъ и стратегическомъ отношеніяхъ области, посодѣйствовалъ главнымъ образомъ чешскій король Премысль Отакаръ II, который въ такую важную для Ордена минуту рѣшился принять участіе въ крестовомъ походѣ противъ прусскихъ язычниковъ. Примѣру короля послѣдовали многіе паны чешскіе и Оломуцкій епископъ Брунонь. Изъ князей же нѣмецкихъ въ походѣ 1255 года участвовалъ Оттонъ, маркграфъ Бранденбургскій, женатый на сестрѣ короля.

1) Деревня Крукенъ въ Натангіи лежитъ на югъ отъ Крейцбурга, недалеко отъ рѣчки Пасмара. Въ папской буллѣ, относимой къ 1250 году, читаемъ по поводу пораженія при Крукенѣ слѣдующее: *quod quinquaginta tres ex elsdem fratribus, prout asseritur, pridem sub Pruthenorum gladiis perierunt, preter alios in captivitatem cum multa rerum iactura deductos.* См. Alb. Ewald, Bd. II, S. 312.

2) Самландъ, гдѣ жили самы (прусское племя), представляетъ собою полуостровъ, вдающійся въ море и расположенный между Фришгафомъ и Куришгафомъ. Съ юга отъ другихъ прусскихъ областей Самландъ отдѣляется рѣкой Прегелемъ.

3) Деревня, которая у Дусбурга называется Girmow, а теперь Germau, лежитъ на разстояніи полумили отъ западнаго Самландскаго берега. См. Ewald, Bd. III. (1884), S. 4.

Въ объясненіе чешскаго увлеченія крестовыми предпріятіями, скажемъ нѣсколько словъ. Въ Чехіи Орденъ пользовался всеобщимъ расположеніемъ. Еще Премысль Отакаръ I (1197—1230) принялъ рыцарей подѣ особое свое покровительство, предоставивъ имъ большія выгоды и преимущества, и щедро надѣлилъ ихъ имѣніями. Слѣдуя примѣру отца, король Вацлавъ I (1230—1253) подтвердилъ ихъ права и привилегіи. Въ скоромъ времени Орденъ въ Чехіи приобрѣлъ много имѣній, а магистры часто пріѣзжали сюда и проживали здѣсь долгое время. Кромѣ того, въ Чехіи часто раздавалась проповѣдь крестоваго похода, вслѣдствіе чего, по справедливому замѣчанію одного нѣмецкаго историка, „поддерживался интересъ къ орденскимъ дѣламъ“¹⁾. Среди проповѣдниковъ крестоваго похода особенно выдѣлялся магистръ Вареоломей, родомъ чехъ изъ Праги (mag. Bartholomaeus de Praha), который въ 1255 году получилъ отъ папы право проповѣдывать крестовый походъ въ Польшѣ, Чехіи, Моравіи и Австріи²⁾. Кто обратитъ вниманіе на всѣ эти обстоятельства, для того не покажется невозможнымъ, что войско, участвовавшее въ походѣ, простиралось до 60 тыс., а третья его часть, можетъ быть, вышла изъ владѣній короля Отакара II³⁾.

Походъ былъ вполне успѣшный. Христіанское войско проникло въ глубь Самланда. Многіе изъ язычниковъ изъявили покорность и приняли христіанство. Заслуживаетъ вниманія, что многіе изъ знатныхъ туземцевъ при крещеніи имѣли крестными отцами короля и маркграфа и въ честь послѣднихъ получили свои христіанскія имена. По установившейся уже практикѣ завоеванія, для укрѣпленія орденскаго господства въ странѣ, былъ тогда заложенъ новый городъ

1) Alb. Ewald, Bd. III, S. 8; Ferd. Tadra, *Kulturní styky Čech s cizinou* (V Praze, 1897), str. 138.

2) Ferd. Tadra, str. 135.

3) Alb. Ewald, Bd. III, S. 14. — Предположеніе, что войско Отакара составляло треть всего христіанскаго ополченія, было высказано От. Лоренцомъ (*Deutsche Geschichte im 13. und 14. Jahrh.*, S. 129, Anm. 2).

на правомъ берегу рѣки Прегеля, въ 1 милю разстоянія отъ его устья. Этотъ городъ въ честь короля былъ названъ Кенигсбергомъ (Mons regius).

Окончательному покоренію Самланда воспрепятствовали несчастія и неудачи, вскорѣ послѣ того постигшія Орденъ. Въ 1260 году какъ въ Пруссіи, такъ и въ Ливоніи вспыхнуло опасное возстаніе покореннаго населенія. Въ битвѣ у Дурбскаго озера палъ 13 іюля магистръ Ливонскій Конрадъ, а съ нимъ — около 150 рыцарей. Кромѣ того, незадолго до того литовскій великій князь Миндовгъ принялъ христіанство, вслѣдствіе чего въ сферѣ завоевательной орденской политики оставалась только Жмудь, гдѣ населеніе съ упорствомъ продолжало держаться язычества, религіи своихъ отцовъ. Такимъ образомъ, какъ казалось, владычество нѣмцевъ на берегахъ Балтійскаго моря было потрясено въ основѣ, а преобладанію ихъ наступалъ конецъ.

Однако, и на этотъ разъ опасность предовращена была, благодаря помощи западнаго христіанскаго міра и въ частности — чеховъ. Извѣстіе о пораженіи въ Курляндіи, возстаніи покоренныхъ племенъ и возвращеніи ихъ къ язычеству скоро пришло въ Римъ; и пана Александръ IV приказалъ проповѣдывать крестовый походъ противъ невѣрныхъ пруссовъ и собирать деньги въ пользу Ордена. Уже въ началѣ февраля 1261 года монахи францисканскаго и доминиканскаго орденовъ приступили къ исполненію воли паны. Въ Чехіи оказалась, повидимому, благопріятная почва для дѣятельности этихъ проповѣдниковъ. Въ 1262 году панъ Вокъ Розенбергъ, одинъ изъ самыхъ богатыхъ и могущественныхъ представителей тогдашней чешской аристократіи, назначилъ въ своемъ завѣщаніи огромную сумму денегъ тому, кто отправится въ походъ противъ невѣрныхъ пруссовъ „во спасеніе его души“¹⁾. Къ величественному чешскому королю, съ которымъ „тогда не

1) Bmler, Regesta Bohemiae, t. II, № 371, p. 200: Triginta marcae argenti dentur inde homini, qui pro anima mea vadat ad Pruthenos.

могъ соперничать ни одинъ князь въ цѣлой огромной имперіи¹⁾, папа обратился съ особымъ посланіемъ, убѣждая спасти Орденъ. Повидимому, тогда же король Отакаръ II далъ обѣтъ участвовать въ крестовомъ походѣ. Прежде другихъ (зимою 1865—1866 гг.) поспѣшили на помощь герцогъ Брауншвейгскій Альбертъ I и ландграфъ Тюрингенскій Альбертъ II, а на слѣдующій годъ въ Пруссіи появился маркграфъ Бранденбургскій Оттонъ III, въ сопровожденіи брата, маркграфа Іоанна I, и одного изъ своихъ сыновей. Наконецъ, въ самомъ концѣ 1267 года отправился въ походъ король чешскій вмѣстѣ съ Оломуцкимъ епископомъ Брунономъ, выславши впередъ огромное войско, собранное въ Чехіи, Моравіи, Австріи и Штиріи. Хотя всѣ эти походы не ознаменовались особенными успѣхами, такъ какъ въ теченіе этихъ лѣтъ были мягкія зимы и оттепели, которыя не позволяли проникнуть въ нѣдра непріятельской территоріи, изрѣзанной рѣчками и покрытой болотами, но все-таки они спасли Орденъ и отстранили угрожавшую ему катастрофу. Это сочувствіе западнаго христіанскаго міра имѣло также глубокое моральное значеніе: оно должно было воодушевить рыцарей на новые подвиги и дальнѣйшія завоеванія. Кромѣ того, Отакаръ II въ качествѣ посредника содѣйствовалъ примиренію рыцарей съ Померанскимъ княземъ Мествиномъ или Мстивоемъ II (3 янв. 1268 года), сыномъ „героя“ Святополка²⁾. Отстраняя этимъ опасность, угрожавшую Ордену со стороны западнаго славянскаго государства, чешскій король оказывалъ рыцарямъ огромную услугу. Заручившись нейтралитетомъ этого сосѣда, они временно обратили всѣ свои силы и вниманіе на востокъ. Результаты не замедлили сказаться: не только было подавлено возстаніе, но въ теченіе 1278—83 гг. расширены орденскія владѣнія завоеваніемъ Голядской и Судавской земель.

Передвигая съ успѣхомъ свои границы на востокъ и сѣверо-востокъ, Орденъ долго не могъ сдѣлать никакихъ при-

1) Alb. Ewald, Bd. 4 (1886), S. 83.

2) Такъ называетъ этого Померанскаго князя А. Эвальдъ (Bd. 4, S. 77).

обрѣтеній на западномъ берегу Вислы, такъ какъ встрѣчалъ здѣсь энергичный отпоръ со стороны Померанскихъ князей. Долго приходилось ему довольствоваться владѣніемъ однимъ собственнo бургомъ Гымевомъ (по-нѣмецки Mewe), лежавшимъ недалеко отъ впаденія въ Вислу рѣчки Ферисы. Только въ началѣ XIV вѣка, при содѣйствіи чешскихъ государей, рыцари захватили часть Помераніи. Въ этомъ случаѣ, какъ обыкновенно случалось, вполнѣ проявились славянское легкомысліе и умѣніе нѣмцевъ пользоваться всеми благопріятными обстоятельствами.

Нуждаясь въ помощи Бранденбурга для борьбы со своимъ братомъ Вратиславомъ, Мстивой II Померанскій призналъ себя вассаломъ курфирста (1269) и съ помощью послѣдняго восторжествовалъ надъ соперникомъ. Скоро, однако, обнаружилось, что въ лицѣ Бранденбургскаго курфирста Мстивой пріобрѣлъ опаснаго союзника и сюзерена. Давно уже руководители Бранденбургской политики научились пользоваться славянскими раздорами въ интересахъ расширенія территоріи: такъ, изъ захваченныхъ владѣній западной Помераніи была образована марка на Укрѣ, а изъ части Великопольской области — такъ называемая Новая марка. Также было и теперь. Захвативъ городъ Гданскъ (теперешній Данцигъ), курфирстъ не думалъ возвращать его князю Мстивою. Послѣднему удалось, однако, благодаря помощи Великопольскаго князя Болеслава, возстановить цѣлость своихъ владѣній. Движимый благодарностью къ полякамъ, Мстивой призналъ еще въ 1272 году своимъ наслѣдникомъ Премысла, преемника Болеслава. Такимъ образомъ, по смерти его († 1294) Померанія съ городомъ Гданскомъ вошла въ составъ польскаго государства. На этомъ основаніи чешскій король Вацлавъ II, сынъ и преемникъ Отакара II, признанный въ 1300 году королемъ Польши, по праву именовалъ себя княземъ Померанскимъ. Въ качествѣ короля польскаго, послѣдній Премысловичъ, Вацлавъ III въ 1305 году предоставилъ курфирстамъ Бранденбургскимъ въ даръ княжество Померанію, въ обмѣнъ за Мишну, которая находилась въ рукахъ Бранденбургской княжеской фамиліи по такъ назы-

ваемому залоговому праву со времени Вацлава II. Когда послѣ смерти Вацлава въ Польшѣ сдѣлался королемъ одинъ изъ удѣльныхъ князей Владиславъ Локетекъ, то курфирстъ Бранденбургскій, пользуясь происшедшими тогда замѣшательствами въ Помераніи, попытался вступить въ фактическое обладаніе страной. Польскій гарнизонъ, подѣ начальствомъ Богуша, храбро защищался въ городѣ Гданскѣ. Такъ какъ Владиславъ Локетекъ не могъ оказать осажденнымъ немедленной помощи, то начальникъ гарнизона, съ согласія и одобренія короля, обратился съ просьбой о помощи къ Ордену. Рыцари не заставили себя долго уговаривать. Они давно уже имѣли виды на Померанію, въ которой имъ принадлежало много имѣній, пожалованныхъ щедрымъ королемъ Вацлавомъ II. Въ теченіе 1318—19 гг. рыцари вытѣснили бранденбургцевъ и заняли своимъ гарнизономъ укрѣпленія города Гданска. Когда же подѣ стѣнами города явился король польскій Владиславъ Локетекъ, то они не только отказались впустить его въ городъ, но потребовали отъ него продажи Восточной Помераніи. Получивъ отказъ, рыцари обратились къ Бранденбургскому курфирсту, который оказался болѣе сговорчивымъ, такъ какъ продавалъ то, чтб ему въ сущности не принадлежало. Такимъ образомъ, для оправданія съ формальной стороны вѣроломнаго захвата Восточной Помераніи, Орденъ прибѣгнулъ къ пріобрѣтенію за 10 тыс. марокъ тѣхъ сомнительныхъ юридическихъ иравъ, которыя предоставлены были Бранденбургскимъ курфирстамъ королемъ чешскимъ.

Послѣ пріобрѣтенія Помераніи владѣнія Ордена вошли въ тѣ границы, которыя оставались въ сущности почти неизмѣнными вплоть до времени паденія Орденскаго государства. Хотя рыцари неоднократно дѣлали попытки завоевать литовскія и жмудскія земли, расположенныя за рѣкою Нѣманомъ¹⁾, но усиліямъ ихъ не суждено было осуществиться. Не желая примириться съ потерей Помераніи и имѣя другія погра-

1) Codex epistolaris Witoldi, № 861: Terra Samaytarum fuit unum et idem cum terra Lytvanie, nam unum ydeoma et uni homines.

ничныя столкновѣнія съ Орденомъ, Польша являлась естественной союзницей того литовско-русскаго государства, которое сумѣло остановить успѣхи нѣмецкаго оружія на Востокъ Европы. Тогда начались тѣ войны Польши съ Орденомъ, которыя не прекращались вплоть до Торнскаго мира. Эта политическая ситуація обезпечивала, однако, для рыцарей помощь со стороны Іоанна Люксембургскаго, который въ качествѣ преемника Премысловичей претендовалъ на корону польскую и считалъ Владислава Локетка узурпаторомъ. Къ тому же чешскій король питалъ особую пріязнь къ своему земляку, великому магистру Карлу Трирскому, избранному вскорѣ послѣ смерти Сигфрида фонъ Фейхтвангена († 5 марта 1311 года), перенесшаго grosмейстерскую резиденцію въ Пруссію.

Какъ можно видѣть изъ распоряженія (1307 года) Пражскаго епископа Яна, который былъ озабоченъ надлежащимъ и правильнымъ расходованіемъ денегъ, назначаемыхъ благочестивыми людьми въ пользу лицъ, отправляющихся въ крестовый походъ, политика Іоанна находила сочувствіе въ массахъ чешскаго народа ¹⁾. Такъ, въ 1322—24 годахъ отправились въ Пруссію помогать рыцарямъ слѣдующіе представители чешской и моравской аристократіи, въ сопровожденіи многихъ рыцарей и вассаловъ: паны Лихтенберги, панъ Плихта изъ Жеротина съ братомъ, паны Цимбурги и Эгерберги, панъ Петръ Розенбергъ и т. д. ²⁾. Эта помощь изъ Чехіи явилась въ ту пору, когда съ литовскимъ великимъ княземъ Гедиминомъ, этимъ опаснымъ врагомъ Ордена, заключили тѣсный

1) Codex diplomaticus Prussicus II, 64; Ferd. Tadra, Kulturní styky Čech s cizinou (V Praze 1897), str. 139.

2) Опираясь на то, что нѣкоторыя аристократическія чешскія фамиліи съ начала XIII вѣка давали своимъ замкамъ нѣмецкія названія и пользовались послѣдними, какъ фамиліальными прозваніями, нельзя дѣлать такихъ заключеній, что эта аристократія была проникнута нѣмецкимъ духомъ, предпочитала нѣмецкій языкъ и поддерживала въ странѣ нѣмецкіе элементы. (Такого мнѣнія придерживается изъ чешскихъ ученыхъ J. Vlček, Dej. literatury e., str. 15). Строя по примѣру западно-европейскому замки, чешскіе паны давали имъ названія, состоящія обыкновенно изъ двухъ словъ, изъ которыхъ второе указывало характеръ или назначеніе постройки

союзъ жители города Риги, когда опасности войны съ непріятелемъ осложнились внутренними междоусобіями. Около того времени началъ собираться въ походъ и король Іоаннъ, которому папа предоставилъ въ теченіе трехъ лѣтъ собирать въ свою пользу такъ называемую десятину. Прежде чѣмъ отправиться на берега нижней Вислы и Нѣмана, чешскій король, желая отвлечь силы Владислава Локетка, воевавшего съ рыцарями, вторгнулся въ предѣлы Краковской области (1327). Эта диверсія, предпринятая въ интересахъ Ордена, не имѣла успѣха только потому, что на Чехію совершено было нападеніе венгерскаго короля Карла-Роберта, Владиславова союзника.

Когда вѣсть о сборахъ короля Іоанна Люксембургскаго,

(Berg, Burg, Stein, Haus, Warte, Krone etc.), а первое являлось опредѣленіемъ, указывающимъ на имя или гербъ основателя или особенность положенія. Такимъ образомъ, получились такія имена: Egerberg, Rosenberg, Schwanberg, Sternberg, Potenstein, Waldstein, Landkrone etc. Эти фамильныя прозвища очень часто подъ вліяніемъ чешскаго языка измѣнялись до неузнаваемости, какъ видно изъ источниковъ предгуситской поры. Укажемъ нѣкоторыя измѣненія, удерживая чешскую графику: Rosenberg, Rosmberk, Rosinberch, Rozmberg, Rožmberk; Egerberg, Egerperch, Egperg; Potenstein, Bothenstein, Bodenstein, Potstein; Schwanberg, Swamberg, Svamberg; Lichtenburg, Litemburc, Luchenberg, Luchtenburc и т. д. Эта чешская знать, принимая нѣмецкія фамильныя прозвища, была главнымъ врагомъ нѣмецкаго мѣщанскаго сословія чешскихъ родовъ и нѣмцевъ вообще (Mitth. der Ver. f. Gesch. d. D. 1871, S. 102: Der Erbfeind deutschen Wesens in Böhmen, der feudale Adel, sah der Entfaltung des deutschen Bürgerthums nicht müßig zu). Нельзя отрицать, что паны чешскіе знали нѣмецкій языкъ, женились на нѣмкахъ и оказывали покровительство нѣмецкимъ миннезингерамъ, но справедливость требуетъ сказать, что изъ всего этого привыкли дѣлать слишкомъ смѣлые выводы и обобщенія. Любопытно поэтому отмѣтить только нѣкоторые факты. Въ 1380 году двѣ природныя нѣмки, овдовѣвшія по смерти пановъ Іоста и Яна Розенберговъ, дали средства на содержаніе при Крумловскомъ приходскомъ храмѣ священника, который обязанъ былъ говорить проповѣди по-чешски, и на собственныя деньги устроили при приходскомъ домѣ бібліотеку, необходимую для его потребностей и занятій (Tadga, Kanceláře a písaři, str. 214, 273). Панъ Ремунтъ Лихтенбергъ былъ другомъ нѣмецкихъ миннезингеровъ и вызывалъ нѣмецкихъ колонистовъ, но это не мѣшало ему до конца дней вести борьбу противъ нѣмецкаго мѣщанства, являвшагося въ Чехіи оплотомъ германизаціи. Выразителемъ настроенія чешской знати справедливо можно считать такъ называемаго Далимила, автора „Стихотворной хроники чешской“, написанной около 1326 года. Будучи аристократическаго происхожденія, авторъ хроники, какъ извѣстно,

пользовавшагося въ Европѣ славой отважнаго рыцаря и неукротимаго воителя, разнеслась по Европѣ, то въ Пруссію поспѣшили изъ всѣхъ странъ, не исключая даже далекой Англій. Въ самой Чехіи поднялись многіе паны, а именно: Петръ изъ Розенберга, Генрихъ изъ Липы, Вилемъ изъ Ландштейна, Тимъ изъ Колдицъ, Ота изъ Бернова, Бернардь изъ Цимбурга и т. д. Христіанское войско перешло въ началѣ 1329 года рѣку Нѣманъ и вторгнулось въ глубь Жмуди. Крѣпкій городъ Медингяны¹⁾ былъ осажденъ и взятъ нриступомъ 1 февраля. Нѣскольکو тысячъ народа, искавшаго тамъ убѣжище, по всей вѣроятности, было бы умерщвлено, какъ того требовали магистръ и рыцари, если бы не великодушіе короля Іоанна, который настоялъ на помилованіи всѣхъ, кто пожелаетъ принять христіанство. Этимъ ограничили успѣхи похода 1329 года. Король Іоаннъ, остававшійся еще нѣкоторое время въ Пруссіи, заключилъ впрочемъ съ Орденомъ тѣсный союзъ противъ короля польскаго.

ненавидѣлъ нѣмцевъ вообще и нѣмецкихъ горожанъ въ Чехіи въ частности. Его хроника была весьма популярна въ странѣ, какъ видно изъ того, что она сохранилась во многочисленныхъ спискахъ, и должна была повліять въ извѣстномъ смыслѣ на современниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, по словамъ автора Збраславльскаго хроники, чешская знать, по прекращеніи рода Премысловичей, хотѣла видѣть на престолѣ молодого человѣка, который легче можетъ сродниться съ обычаями страны и привязаться къ ней (*Fontes rer. boh., t. IV, str. 128: Videntes igitur quidam de baronibus regni Bohemiae, viri videlicet laude digni, Henricus de Lipa, Johannes de Wartenberg et alii, quod ex defectu regnantis et male regnantis mala fierent in populo, dixerunt: Quid patimur, ut qui nati simus videre contricionem populi lingue nostre? . . . str. 134: Adolescens iste faciliter mores terre nostre discet, cum filius nostris crescat. . .*). При королевскомъ дворѣ языкъ чешскій былъ въ почетѣ. Карлъ IV въ молодости прекрасно владѣлъ роднымъ языкомъ, но вслѣдствіе долговременнаго пребыванія въ Парижѣ забылъ его. Однако, какъ онъ самъ сообщаетъ въ своей автобіографіи, скоро по возвращеніи на родину вполне овладѣлъ имъ: „я, — говоритъ императоръ, — совершенно забылъ чешскій языкъ, но потомъ снова его изучилъ, такъ что говорилъ и понималъ его не хуже другихъ чеховъ.“ См. подробности объ этомъ книгу Ферд. Тадры *Kulturni styky, str. 322—332*. Изъ этой прекрасной книги, которую мы можемъ рекомендовать вниманію нашихъ ученыхъ, мы заимствуемъ приводимые въ этомъ примѣчаніи факты и ссылки.

1) Этотъ городъ Медингяны (иначе *Medenicki*) лежитъ на верховьяхъ рѣчки Минги. См. *Rob. Krumholtz, Samaiten und der Deutsche Orden (Königsb., 1890), S. 56, Anm. 1.*

Тогда же въ качествѣ титулованнаго короля Польши онъ подтвердилъ за Орденомъ владѣніе Помераніей. Такъ какъ война рыцарей съ Польшей продолжалась, то король чешскій вскорѣ (1332) послалъ въ помощь своимъ союзникамъ войско, подъ начальствомъ Оты изъ Бергова.

Смерть Владислава Локетка, послѣдовавшая въ мартѣ 1333 года, облегчила возможность заключенія мира между Орденомъ и Польшей. Въ этомъ дѣлѣ игралъ значительную роль король чешскій въ качествѣ посредника. На сѣздѣ въ угорскомъ Вышеградѣ былъ заключенъ миръ, по условіямъ котораго король Іоаннъ отказался отъ титула короля Польши за извѣстную денежную сумму, Орденъ же удерживалъ Померанію, но обязывался возвратить Казимиру, королю польскому, завоеванныя Добринскую и Куявскую области. Такъ какъ послѣдняго условія рыцари не исполнили, то миръ имѣлъ характеръ только временнаго перемирія.

Въ 1337 году снова видимъ короля Іоанна въ Пруссіи, какъ участника похода на Жмудь. Участіе его привлекло въ Пруссію и нѣкоторыхъ князей, среди которыхъ можно назвать Вильгельма Голландскаго. Чешскій король явился съ сыномъ Карломъ и зятемъ Генрихомъ Нижне-Баварскимъ. Походъ не имѣлъ особеннаго успѣха, потому что зима была мягкая и теплая. Дѣло ограничилось только сооруженіемъ двухъ городовъ на границахъ орденскихъ владѣній. Между тѣмъ, дипломатическіе переговоры съ Польшей продолжались и завершились миромъ въ Калишѣ (1343), въ силу котораго король Казиміръ отказался отъ Помераніи и Хельминской области, а Орденъ возвратилъ свои завоеванія. Миръ былъ заключенъ безъ участія короля Яна, но это обстоятельство не разстроило, какъ можно было ожидать, дружбу короля съ Орденомъ: въ концѣ 1344 года чешскій король въ третій разъ отправился помогать рыцарямъ противъ Литвы. На этотъ разъ Литва была предоставлена собственнымъ силамъ. Это была Литва сыновей Гедимины — Ольгерда и Кейстута. Въ походѣ участвовало, по словамъ одного лѣтописца, около 200

князей и пановъ. Изъ болѣ видныхъ лицъ слѣдуетъ назвать, кромѣ короля Иоанна, короля венгерскаго Людвига, чешскаго королевича Карла и Вильгельма Голландскаго. Войско вторгнулось въ Литву, но скоро было принуждено возвратиться, такъ какъ пришло извѣстiе, что литовцы ворвались въ орденскій Самландъ. Хотя слухъ оказался ложнымъ, такъ какъ литовцы напали въ дѣйствительности на Ливонiю, но время было потеряно; къ тому же наступила и весенняя оттепель.

Въ лицѣ Иоанна Люксембургскаго сошелъ въ могилу (1346) преданнѣйшiй другъ Ордена. Его сынъ и преемникъ, Карлъ IV ограничивался только подтвержденiемъ правъ и привилегiй, данныхъ Ордену его предшественниками, но ни разу не предпринималъ похода противъ Литвы въ помощь рыцарямъ. Наступала новая эпоха; и въ Чехiи подготовлялся поворотъ общественнаго мнѣнiя. Между тѣмъ, на Востокъ Европы собирались грозныя тучи надъ Орденомъ: въ концѣ XIV вѣка, какъ извѣстно, произошло временное соединенiе Литвы и Польши. Когда же Ягелло-Владиславъ вынужденъ былъ уступить Литву своему двоюродному брату Витовту, то между ними былъ заключенъ союзъ, который привелъ Орденъ къ катастрофѣ на поляхъ Танненберга (1410). Чешскiе наемники сражались въ рядахъ того и другого войска, но духъ времени сказался въ томъ, что большинство ихъ предпочитало служить дѣлу короля польскаго.

Отмѣчая факты, свидѣтельствующiе о содѣйствiи чеховъ успѣхамъ германизации на берегахъ Балтiйскаго моря, мы не станемъ ставить имъ этого въ укоръ. Повидимому, чешскiе государи и народъ XIII—XIV вѣковъ смотрѣли на свои услуги Ордену, какъ на служенiе высокой христіанской идеѣ. Не ихъ, конечно, вина, если идея распространенiя христіанства обратилась въ рукахъ практичныхъ нѣмцевъ въ политическое орудіе, при помощи котораго должна была восторжествовать нѣмецкая культура.

А. Ясинскій.

О причинахъ гибели балтійскаго славянства.

(Публичная лекція, читанная 13 февраля 1898 г.)

За тысячу лѣтъ передъ симъ все южное побережье Балтійскаго моря, на протяженіи отъ Вислы до Эльбы, вплоть до большой Сѣверогерманской долины, было заселено славянами. Раздѣленные на много вѣтвей, извѣстныхъ въ исторіи подъ именами: вагровъ, бодричей, лютичей, поморянъ и др., славяне эти составляли особую, именно балтійскую группу племени ляшскаго, близко родственную полякамъ. Упомнаніе о нихъ встрѣчается и въ нашей „Начальной Лѣтописи“, гдѣ между прочимъ читаемъ:

„А отъ тѣхъ ляховъ прозвашася поляне; ляхове друзии — лутичи, ини — мазовшане, ини — поморяне.“

О многочисленности балтійскихъ славянъ можно заключать по обширности занимаемой ими встарь территоріи, обнимавшей Голштинію, Мекленбургъ, Померанію, часть Ганновера, Бранденбурга и Зап. Пруссіи, а также по множеству славянскихъ названій для населенныхъ мѣстъ, озеръ, рѣкъ, холмовъ, урочищъ этой территоріи, сохранившихся отчасти въ древнихъ лѣтописяхъ и актахъ, отчасти же въ живой памяти нынѣшнихъ жителей названныхъ областей. Тоже доказываетъ военная сила балтійскихъ славянъ, отмѣченная въ древнихъ свидѣтельствахъ объ ихъ столкновеніяхъ то съ нѣмцами, то со скандинавцами, то съ сосѣдними славянскими народами.

Серединный городъ балтійскихъ славянъ Юлинъ или Волинъ, иначе Винета, а въ пѣсняхъ Эдды Іомсбургъ, въ свое время былъ очень извѣстенъ въ сѣверной Европѣ, какъ рынокъ, на которомъ собирались произведенія не только мѣстной промышленности, но и привозныя изъ странъ сѣверныхъ, западныхъ и восточныхъ, такъ что по торговой своей роли онъ является какъ бы предтечею Любека, Гамбурга, Амстердама. Но кромѣ Волина много было въ этой странѣ и другихъ важныхъ городовъ, которые уже своими именами: Старгардъ (Oldenburg), Велегардъ (Mikilburg), Бѣлгардъ и т. д. указываютъ то на свою древность, то на прежній блескъ и величіе. Очень извѣстны были въ средневѣковой сѣверной Европѣ и города: Штетинъ, Звѣринъ (нын. Schwerin), Гданскъ (Danzig), затѣмъ Аркона на одномъ изъ мѣловыхъ мысовъ о. Рюгена (Руяны), Ретра или Радигощъ въ Мекленбургѣ и н. др. Арконскій храмъ Святовита, наряду съ ретранскимъ — Радигоста и штетинскимъ — Триглава были главными религіозными святынями балтославянъ. При храмахъ этихъ группировалось могущественное жреческое сословіе, имѣвшее здѣсь важное значеніе; ибо нигдѣ въ славянскихъ земляхъ язычество не получило столь широкаго развитія, какъ у балтославянъ, быть можетъ не безъ нѣкотораго вліянія сосѣднихъ скандинавскихъ народовъ.

Хотя отъ балтославянъ не осталось лѣтописей и живыхъ народныхъ преданій, такъ что изучать ихъ бытъ и былъ приходится главнымъ образомъ по германскимъ историческимъ источникамъ, тѣмъ не менѣе и въ этомъ — довольно мутномъ — отраженіи балтославяне представляются во многихъ отношеніяхъ народомъ очень симпатичнымъ: добродушнымъ, честнымъ въ семейной и общественной жизни, гостепріимнымъ, свободолюбивымъ и удалымъ въ войнахъ какъ сухопутныхъ, такъ и морскихъ.

Само собою понятно, что такая многочисленность балтійскаго славянства, обширность занятой имъ территоріи, его

громкая извѣстность, боевая слава, торговое развитіе и вообще извѣстная культурность не могли быть плодомъ кратковременнаго развитія. Наоборотъ, уже для IX в. мы должны предполагать вѣка болѣе или менѣе культурной обстановки и жизни этого племени. Это и подтверждается ранними упоминаніями о немъ, напр. рассказомъ Теофилакта (подъ 590 г.) о трехъ славянскихъ плѣнникахъ, ѣздившихъ послами къ аварскому хану и бѣжавшихъ отъ него къ грекамъ при имп. Маврикіи, съ гуслиями вмѣсто оружія: славяне эти рассказывали грекамъ, что ихъ соплеменники, живущіе у береговъ Зап. Океана, не имѣютъ оружія, ибо ихъ земля не производитъ де желѣза. Есть и болѣе древнія свидѣтельства (у Иорнанда, Птоломея, Тацита, Плиція и др. древн. писателей) о венедахъ, жившихъ по Балт. морю или Венедскому заливу, такъ что не представляется совершенно невѣроятною гипотеза объ автохтонности славянъ на этой территоріи, по крайней мѣрѣ со времени распространенія въ ней арійцевъ. Этой гипотезѣ не противорѣчитъ фактъ передвиженія черезъ балтославянскія земли на югозападъ готовъ и др. германскихъ дружинъ, въ первые вѣка нашей эры, такъ какъ это могла быть преходящая волна, не оставившая въ странѣ особенно прочныхъ послѣдствій.

Необходимо еще отмѣтить, что балт. славянство въ IX—X вв. не было обособленнымъ членомъ племеннаго цѣлаго, а наоборотъ — живой его вѣтвью, связанной съ прочими родичами и на востокъ, гдѣ къ нему непосредственно примыкала польская вѣтвь того же ляшскаго племени, и на югъ, гдѣ черезъ серболужичанъ балтославяне соприкасались съ чехомораванами, словаками, словинцами и др. южными вѣтвями. На сѣверовостокъ же балт. славяне очень рано вступили въ торговыя сношенія съ Новгородомъ, вѣроятно и другими нашими сѣверозападными русскими центрами, проложивъ туда пути для позднѣйшихъ русскоганзейскихъ сношеній и отношеній.

А между тѣмъ, если мы взглянемъ теперь на области,

гдѣ еще 800—900 л. тому назадъ держались балт. славяне, повидимому, такъ прочно, то ничего славянскаго тамъ не найдемъ, кромѣ небольшого кашубскаго островка, близъ устья Вислы, съ населеніемъ въ 180—200,000 душъ. Въ другихъ частяхъ этой территоріи уцѣлѣли лишь славянскія могилы, искаженные нѣмцами названія городовъ, озеръ, рѣкъ, урочищъ, быть можетъ и нѣкоторая примѣсь славянской крови въ жилахъ населеній Голштиніи, Мекленбурга, Помераніи, да историческія воспоминанія. Поэтическимъ символомъ этой гибели цѣлаго племени является мѣстная легенда объ исчезнувшемъ — якобы въ морскихъ волнахъ — городѣ Винетѣ, котораго развалины виднѣются де на днѣ моря, близъ острова Волына.

Но какъ могла постигнуть подобная катастрофа цѣлый и довольно большой народъ, притомъ въ такое короткое время, на глазахъ исторіи, если донинѣ уцѣлѣли остатки напр. кельтизма въ Валисѣ и Бретани, иллиризма въ Албаніи, Эпирѣ, Ливадіи, романизма въ Семиградіи, Банатѣ, Румыши, литовцевъ и латышей на нижнемъ Нѣманѣ и Двинѣ, басковъ въ Пиренеяхъ, эстовъ, чухонцевъ, самоѣдовъ, мадьяръ и др. мелкихъ чудскихъ народностей въ сѣверной Россіи и Австро-Венгріи?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ уже давно озадачивалъ историковъ, такъ что по нуждѣ сочинена даже была особая теорія о прагерманизмѣ указанныхъ областей, по которой славяне были здѣсь позднѣйшими пришельцами и составляли въ началѣ среднихъ вѣковъ лишь господствующій надъ нѣмцами слой населенія, изъ подъ котораго въ послѣдствіи опять выдвинулись и восторжествовали германскіе автохтоны. Но въ настоящее время эта гипотеза уже оставлена, такъ какъ она не подтвердилась болѣе подробнымъ изслѣдованіемъ относящихся сюда лѣтописей, актовъ, мѣстныхъ названій и матеріальныхъ остатковъ старины. Теперь достаточно разъяснено, что германизация этихъ областей была постепенно подготовлена и проведена поли-

тикою нѣмецкихъ императоровъ, маркграфовъ, герцоговъ, при содѣйствіи папъ, монастырей, нѣмецкаго рыцарства, бюргерства и крестьянъ-колонистовъ.

Я не стану теперь останавливаться на разныхъ перипетіяхъ великой славянской борьбы за обладаніе южнымъ побережьемъ Балтики, — борьбы, которая продолжалась болѣе 400 л. и закончилась въ общихъ чертахъ къ концу XII и началу XIII вв. Отмѣчу лишь, что борьба эта носила очень ожесточенный, нерѣдко трагическій характеръ и что главные эпизоды ея связаны съ именами императоровъ Карла V., Оттона I, Фридриха I Гогенштауфена, а также маркграфовъ Герона, Биллинга, Альбрехта Медвѣдя и Генриха Льва. Закончившись къ XII в. на почвѣ политической, она продолжалась еще нѣсколько столѣтій въ области социальноекономической, причемъ остатки балтославянскихъ населеній все болѣе превращались въ паріевъ и нищихъ, все болѣе оттѣсняемы были изъ городовъ въ захолустья, лѣса и болота, пока наконецъ они не исчезали въ нуждѣ и не всасывались привилегированнымъ нѣмецкимъ элементомъ. Послѣднее эхо славянской рѣчи можетъ быть констатировано по источникамъ: для г. Штетина въ 1230 г., для о. Рюгена въ 1404 г., для Старой Марки въ XV в., для Залябья (въ Ганноверѣ) до 1798 г. (древанское нарѣчіе); наконецъ въ Помераніи, какъ упомянуто, и теперь кашубы говорятъ на языкѣ балтославянскомъ.

Въ чемъ же заключались внутреннія причины столь глубокаго паденія балт. славянъ съ высоты, какую они занимали еще въ XI и XII вв.?

Насколько можно судить по сохранившимся источникамъ, причины эти заключались, главнымъ образомъ, въ племенныхъ особенностяхъ балт. славянъ. Подъ такими я разумѣю не тѣ физическія ихъ свойства, на которыя иногда ссылались нѣмецкіе антропологи и этнологи, какъ на доказательство малой даровитости этого „короткоголоваго“ племени, въ сравненіи съ „длинноголо-

вымъ“ германскимъ, а наоборотъ, нѣкоторыя психическія ихъ особенности, въ силу которыхъ славяне эти, подобно ихъ ближайшимъ родичамъ полякамъ, а отчасти сербамъ и нашимъ малорусамъ, представляютъ типъ болѣе увлекающійся, мечтательный, легкомысленный, чѣмъ болѣе положительные соплеменники ихъ: чехи, болгары, великорусы. Сходство балт. славянъ съ поляками, столь очевидное на звуковомъ строеніи рѣчи тѣхъ и другихъ, основанномъ на ринезмѣ, отражается и на многихъ условіяхъ ихъ жизни. Подобно мазурамъ и великополямъ, прибалтійцы жили главнымъ образомъ въ низинахъ, въ странѣ болотъ, рѣкъ, озеръ, на почвѣ вообще легкой, отчасти песчаной. Только мореходствомъ они занимались гораздо больше поляковъ; но это обусловлено размѣщеніемъ послѣднихъ на территоріи, отрѣзанной отъ моря землями литовскими и балтославянскими. Напоминаетъ Польшу и пристрастіе балтославянъ къ мѣстнымъ центрамъ, мѣшавшее объединенію ихъ областей въ одно государственное цѣлое. Даже польское *liberum veto* находитъ для себя нѣкоторую аналогію въ вѣчахъ или сеймахъ балтославянъ, гдѣ дѣла обыкновенно рѣшались не большинствомъ голосовъ, а единогласно. Какъ у поляковъ, такъ и у балтославянъ значеніе монархической власти было всегда парализуемо то жречествомъ (напр. у лютичей и рановъ), то знатью (у бодричей и поморянъ), то раздорами князей-родичей, напоминающими удѣльные смуты въ Польшѣ, отчасти и другихъ славянскихъ странахъ. Даже въ типахъ балтославянскихъ князей, сохранныхъ исторіей X—XII вв. замѣчается та страсть къ чужеродному (чужебѣсіе), непостоянство, валленродизмъ, которые такъ характерны для высшаго польскаго общества и такъ эпически воспѣты Мицкевичемъ.

Такъ уже при Карлѣ V. бодричкій князь Дражко изъ-за подарковъ сталъ вассаломъ Имперіи, въ пользу которой не разъ измѣняли потомъ своей родинѣ и его сыновья

Славоміръ и Чедрагъ. Во второй половинѣ X в. такимъ же измѣнчивымъ нравомъ отличался бодрицкій кн. Мстивой, а въ XI в. — Готшалкъ: послѣдній, будучи воспитанъ въ латинскомъ христіанствѣ, потомъ измѣнилъ ему, а въ послѣдствіи открылъ свой край настежь для нѣмецкихъ вассаловъ, за что онъ былъ наконецъ убитъ своими языческими подданными (въ 1066 г.). Его же сынъ Генрихъ († 1119), повидимому не непрічастный убіенію своего предмѣстника кн. Крута, ставъ бодрицкимъ княземъ, дѣйствовалъ въ союзѣ съ саксами противъ своихъ языческихъ подданныхъ, нѣсколько напоминая своимъ характеромъ даровитую, но шаткую въ нравственномъ отношеніи личность Святополка Великоморавскаго. И князь Никлотъ (уб. въ 1160 г.) то служилъ нѣмцамъ (гр. Адольфу Голштинскому), то воевалъ съ ними, то опять поглонялся герцогу (Генриху Льву); а сынъ его Прибиславъ то воевалъ съ Генрихомъ Львомъ (1164), то служилъ ему вассаломъ. Отмѣчу вскользь, что князь этотъ сталъ основателемъ удержавшейся донынѣ мекленбургской династіи, члены которой еще въ XV в. гордились своимъ происхожденіемъ *de regia stirpe, de principibus slavorum*, хотя по убѣжденіямъ и дѣятельности они были уже тогда германизаторами, подобно многимъ князьямъ Вартославичамъ въ Помераніи, Пястовичамъ въ Силезіи, Премысловичамъ въ Чехіи.

Были конечно и между балтославянскими князьями характеры цѣльные, напр. кн. Крутъ (во 2-ой полов. XI в.), который, подобно Болеславу Храброму въ Польшѣ, лѣтъ 30 энергически отражалъ саксовъ изъ своего г. Бука (позднѣйшаго Любека). Но, какъ выше упомянуто, ему пришлось погибнуть объ ножа убійцы, не безъ вѣдома и соучастія его жены Славины.

Указанными недостатками въ характерѣ балтославянскихъ князей объясняется и шаткость ихъ политики, за все время самостоятельной государственной жизни бал-

тійскихъ славянъ. Отдѣльныя ихъ вѣтви не только не могли собраться воедино, но обыкновенно враждовали другъ съ другомъ и нерѣдко помогали нѣмцамъ или датчанамъ въ разгромѣ сосѣднихъ славянскихъ колѣнъ. Особенно враждебны были отношенія между двумя главными вѣтвями этого славянства: бодричами и лютичами, изъ коихъ первые ранѣе подчинились нѣмецкому вліянію, благодаря мѣстнымъ князьямъ-рenegатамъ, тогда какъ вторые упорнѣе охраняли свою старину, подъ руководствомъ жрецовъ, группировавшихся при храмахъ Ретры, Штетина, Арконы. Только въ борьбѣ съ нѣмцами въ 983—995 гг. бодричи и лютичи держались дружно. То же отчасти повторилось въ концѣ XI и началѣ XII вв. при управленіи князей Готшалковичей, успѣвшихъ на время объединить заодранскія вѣтви балтославянъ.

Довольно сепаратистическое положеніе занимали въ этой борьбѣ и ране (жители о. Рюгена), которые, будучи сосѣдями скорѣе датчанъ, чѣмъ нѣмцевъ, нерѣдко помогали послѣднимъ противъ первыхъ и вообще не разъ измѣняли народному дѣлу, отчасти и изъ-за взаимнаго соперничества жрецовъ Арконы и Ретры.

Если мы обратимся затѣмъ къ антагонистамъ балтійскихъ славянъ, нѣмцамъ, то увидимъ, что въ ихъ племенныхъ особенностяхъ и историческихъ соотношеніяхъ были на лицо всѣ данныя для конечнаго торжества надъ этой окраинной вѣтвью славянства.

Изъ среды нѣмецкихъ племенъ главнымъ дѣятелемъ въ этой борьбѣ пришлось, въ силу географическаго расположенія, быть саксамъ. Саксы же, по сравненію не только съ франками, но и съ швабами, являются въ исторіи и современности самымъ тягучимъ, стойкимъ, непреклоннымъ — въ своемъ флегматическомъ хладнокровіи и упорномъ трудолюбіи — нѣмецкимъ племенемъ. Вѣковой консерватизмъ саксовъ былъ отчасти обусловленъ и ихъ автохтонностью на территоріи между

Эльбой и Рейномъ, удостовѣряемою Тацитомъ, Цезаремъ и др. древними писателями. Суровый климатъ этой области наложилъ свой отпечатокъ на серьезный типъ сакса; скудная природа торфяныхъ болотъ и песчаныхъ дюнь закалила настойчивость въ трудѣ; близость моря вызывала на борьбу съ нимъ, развивала рѣшительность, предприимчивость. Это та самая раса, которая основала Великобританское и Голландское государства и колонизовала Сѣв. Америку, ибо между саксами, англами, фризами, фламандцами разница и теперь не велика, а встарину она была еще меньше. Лишь въ области язычно-литературной саксы не играли такой роли, какъ франки и швабы, вслѣдствіе чего въ нижней Германіи господствуетъ доннынъ языкъ верхненѣмецкій, правда, въ обработкѣ саксонца Лютера. Но съ другой стороны нельзя не отмѣтить, что на почвѣ нижненѣмецкой или сакской развились языки голландскій и англійскій и что *plattdeutsch* доннынъ господствуетъ въ нѣмецкомъ флотѣ и во всѣхъ нѣмецкихъ портахъ Сѣвернаго и Балтійскаго морей, вплоть до Риги, куда онъ былъ принесенъ ганзейцами и колонистами нижненѣмецкаго происхожденія.

На почвѣ сакскаго племенного типа выработались тѣ характеры, которые воплощаются въ историческихъ образахъ Генриха I и Оттона I, Герона (изъ швабовъ) и Биллунговъ, Альбрехта Медвѣдя (изъ швабовъ) и Генриха Льва, впоследствии же многихъ государей дома Гогенцоллерновъ вплоть до Фридриха II. Типъ этотъ получилъ очень вѣрное изображеніе въ нижненѣмецкой исторической поэмѣ *Rheineke Fuchs*, столь извѣстной въ переработкѣ Гете: волкъ и лиса этой поэмы прекрасно отражаютъ характеры древнихъ, отчасти и новыхъ сакскихъ князей, рыцарей, монаховъ, купцовъ.

Но независимо отъ выдающихся свойствъ сакскаго племени, его торжество надъ балт. славянами въ немалой мѣрѣ обусловлено было и культурными отношеніями саксовъ,

а прежде всего тѣмъ, что еще Карлъ Великій включилъ ихъ въ могущественную политическую организацію, которая подъ разными именами: Римская имперія, Священная римская имперія нѣмецкой націи и т. п. просуществовала тысячу лѣтъ и возродилась на нашихъ глазахъ въ имперіи Гогенцоллерновъ. Правда, связанныя съ идеей этой Имперіи заботы объ Италіи не разъ отвлекали ея вниманіе и силы отъ дѣлъ сакскихъ, бранденбургскихъ, померанскихъ и т. д. на романскій югозападъ. Но взамѣнъ того Италія, въ частности же папскій Римъ оказали нѣмцамъ тысячи услугъ въ ихъ борьбѣ со славянствомъ вообще, а за балтійское поморье въ частности. Римъ парализовалъ мѣстныя честолюбія нѣмецкихъ іерарховъ, которыя могли бы привести къ образованію нѣмецкихъ патріархатовъ и слѣд. къ іерархическому распаденію нѣмецкаго племени; Римъ помогъ Карлу V. и Оттону I образовать цѣлую серію нѣмецкихъ епископатовъ въ краяхъ балтославянскихъ, каковы напр. епископаты Магдебургскій, Бремено-Гамбургскій, Старгардскій, Гавельбергскій, Бранденбургскій и др., которые приняты столь дѣятельное участіе въ латинизаціи, а затѣмъ германизаціи балтославянскихъ областей; Римъ наслалъ на эти области цѣлую тучу латинонѣмецкихъ монаховъ, особенно премонстратовъ и цистерціанцевъ, которые покрыли ихъ нѣмецкими колоніями, вплоть до Вислы и далѣе, до Двины и Наровы; Римъ организовалъ и крестовые походы, которые направлены были не только на греко-арабскій, но и на славянскій Востокъ, между прочимъ въ страны балтославянскія (въ 1147 г.), а потомъ и въ литовскорусскія. Въ учрежденіяхъ „Римской имперіи нѣмецкой націи“ коренятся и феодальныя отношенія Запада, довольно рано перенесенныя въ сѣверовосточныя марки этой имперіи и образовавшія на славянской почвѣ плотный нѣмецкій слой, закрывшій прежнюю знать славянскую или претворившій ее въ своеобразный типъ позднѣйшаго прусскаго и вообще сѣверонѣмецкаго юнкерства. Феодализмъ же

опредѣлилъ тѣ экономическія и особенно аграрныя отношенія, которыя вызвали, съ XII в., огромную эмиграцію изъ областей прирейнскихъ и привезерскихъ въ земли полабскоприбалтійскія, — эмиграцію, совершенно измѣнившую со временемъ составъ и строй какъ сельскихъ, такъ и городскихъ общинъ въ этихъ краяхъ.

Вотъ при какихъ условіяхъ и по какимъ причинамъ произошла постепенная германизация балтійскаго побережья. Если вдуматься въ историческую обстановку этого процесса и въ громадное неравенство силъ въ племенной борьбѣ, гдѣ съ одной стороны дѣйствовала самая стойкая изъ вѣтвей нѣмецкаго племени, при содѣйствіи всѣхъ его силъ, объединенныхъ Римской имперіей, Римской церковью и западнымъ феодализмомъ, съ другой же — все болѣе и болѣе изолируемый осколокъ славянства, разбитый самъ въ себѣ и оставленный на произволъ судьбы даже ближайшими родичами, именно поляками и чехами, которые нерѣдко еще помогали нѣмцамъ въ поработеніи балт. славянъ (напр. въ крестовомъ походѣ 1147 г.), — притомъ такой осколокъ, до котораго вліяніе грекославянской церкви, славянской письменности и вообще образованности либо вовсе не доходило, либо доходило въ самомъ глухомъ отраженіи: то придется удивляться не тому, что эта вѣтвь лянскаго племени погибла въ XIII—XIV вв., а скорѣе тому, что она могла въ теченіе 400 лѣтъ выдерживать борьбу со всѣмъ почти латиногерманскимъ міромъ.

Какія накопились тогда силы въ средѣ нѣмецкаго, главнымъ образомъ сакскаго племени и какъ выгоденъ былъ для дальнѣйшаго ихъ примѣненія и развитія разгромъ государствъ и народностей балтославянскихъ, это видно изъ исторіи Ганзы и Ордена, а позднѣе Бранденбурга. Возникновеніе первой во 2-ой половинѣ XII в. не случайно совпало по времени съ упадкомъ балтославянъ, нѣмеченные города которыхъ, именно: Любекъ, Ростокъ, Висмаръ, Штетинъ и н. др., извѣстные въ тѣ вѣка подѣ

наименованіемъ венедскихъ (wendische), долго стояли во главѣ этого могущественнаго торговополитическаго союза или синдиката, раскинувшаго сѣть своихъ факторій отъ Кельна, Брюгге и Лондона до Готланда, Юрьева и Новгорода и съ успѣхомъ отстаивавшаго въ XIII—XV отъ королей датскихъ, норвежскихъ, шведскихъ, англійскихъ *dominium maris Baltici*. При благопріятныхъ условіяхъ Ганза могла сыграть на побережьяхъ этого моря роль, аналогичную англоиндійской торговой компаніи въ Остъ-Индіи; но этому своевременно помѣшали Иванъ III, упраздненіемъ нѣмецкаго двора въ Новгородѣ, а затѣмъ Густавъ Ваза и Елисавета Англійская, лишившіе этотъ синдикатъ прежнихъ торговыхъ привиллегій въ Швеціи и Англии.

Не случайнымъ представляется и хронологическое совпаденіе разгрома балтославянъ въ концѣ XII в. съ появленіемъ въ устьѣ западной Двины бременскихъ, любекскихъ и готландскихъ купцовъ и миссіонеровъ, съ голштинскимъ монахомъ Мейнгардомъ, а послѣ него бременскимъ каноникомъ Альбертомъ во главѣ, что положило основаніе утвержденію на долгое время латинонѣмецкаго господства и на восточныхъ побережьяхъ Балтики. Почти въ то же время и при аналогичныхъ условіяхъ произошло занятіе нѣмцами и устьевъ Вислы и Нѣмана, подъ фирмою особаго рода рыцарскотеократической республики, именованной Нѣмецкимъ или Тевтонскимъ орденомъ. Когда въ 1237 г. орденъ этотъ соединился съ нѣмецкимъ же орденомъ Ливонскихъ меченосцевъ, то сомкнулась цѣпь нѣмецкихъ владѣній на южныхъ и восточныхъ побережьяхъ Балтики, начинавшаяся у Киля и простиравшаяся до нашей Наровы. Въ 1242 г. Александру Невскому пришлось уже столкнуться съ нѣмцами на льду Чудскаго озера: не слѣдуетъ ли отсюда, что гибель балтійскихъ славянъ отразилась на дальнѣйшихъ судьбахъ не только сосѣднихъ съ ними славянъ серболужицкихъ и польскихъ, но и от-

даленнаго племени русскаго, слѣд. была катастрофой общеславянскаго значенія?

Къ счастію, дальнѣйшій разливъ германизма на славянскомъ востокѣ съ XV в. былъ нѣсколько задержанъ съ одной стороны побѣдами гуситской Чехіи, съ другой — польсколитовскимъ союзомъ, разгромомъ ордена подъ Танненбергомъ и вообще возвышеніемъ въ XV—XVI вв. государства Польскаго или вѣрнѣе федераціи польсколитовско-западнорусской. Возникновеніе реформаціи также ослабило нѣмецкій натискъ на Востокъ, ибо она разъединила силы племени, лишила его поддержки со стороны народовъ романскихъ, вызвала опустошительныя междоусобныя войны и подрѣзала нервъ нѣмецкой колонизаціи на Востокѣ, тѣмъ болѣе, что это совпало съ открытіемъ Америки, куда направился затѣмъ потокъ эмиграціи не только великобританской, но и нѣмецкой.

Третьимъ важнымъ факторомъ въ этой борьбѣ за господство на побережьяхъ Балтики было постепенное выступленіе на міровую сцену Россіи, со времени сверженія татарскаго ига, объединенія удѣловъ, перенесенія въ Москву идей восточнохристіанскаго царства, побѣдъ Петра Вел. и основанія новой столицы на одномъ изъ заливовъ Балтійскаго моря. Но и Великая сѣверная война была не разрѣшеніемъ, а лишь однимъ изъ этаповъ въ развитіи вѣкового Балтійскаго вопроса, котораго завязка лежитъ въ исторіи балтославянъ, а развязка и теперь еще, послѣ Петра В., Екатерины II, Александра III — скрывается въ будущемъ.

Закончу слѣдующей выдержкой изъ извѣстной элегіи Коллара, посвященной балтійскому славянству:

„Здѣсь предо мною земля знаменитаго нашего рода,
Въ оныя дни колыбель, нынѣ могила еѳо.
... Гдѣ ты, минувшее время? Какъ ночь позади распростерлась!

Слава какъ дымъ унеслась; образъ позора я зрю.
 Вплоть отъ измѣнчивой Лабы до пажитей Вислы коварной,
 Съ тихихъ Дуная береговъ къ Балтики шумнымъ валамъ
 Несся когда-то языкъ сладкозвучный, богатый и дивный,
 Слово могучихъ славянъ: нынѣ умолкло оно!

. . . Гдѣ вы, любезные роды славянъ, въ семь краю обитающихъ?

Мирныхъ сорабовъ семья? Вильцевъ могучая вѣтвь?
 Гдѣ оботритовъ потомки? Гдѣ внуки воинственныхъ кровей?

. . . Гдѣ возвышались чертоги гремящаго бога-перуна,
 Сбродъ чужеземцевъ теперь ставить хлѣва для коровъ,
 Между разбитыми пышными сводами; тамъ гдѣ Аркона
 Въ прежніе годы цвѣла, Ретры блистало чело,
 Бродить суровый пришлецъ . . .

Тьмы поколѣній исчезли; низвергнуты храмы и боги;

Лишь неизмѣнно вовѣкъ царство природы одной:

Рѣки, лѣса, города сохранили славянское имя.

Только въ нихъ тѣло славянъ, духа-жъ славянскаго нѣтъ!

. . . О холодно черствое сердце

Путника, если онъ горькой слезы не прольетъ,

Словно надъ прахомъ возлюбленной. Смолкни однако и стихни

Тяжкая скорбь, устреми очи пытливыя въ даль!

. . . То, что пожрала вѣковъ безпощадныхъ несытая бездна,

Можетъ по волѣ небесъ мигомъ воскреснуть и жить.

Оно и должно воскреснуть, но не на яву, а въ исторіи, въ памяти потомства, особенно тѣхъ, кто подобно намъ живетъ на побережьяхъ Балтійскаго моря и слѣдовательно принимаетъ посильное участіе въ теоретическомъ или практическомъ разрѣшеніи древняго, какъ руины Арконы, Балтійскаго вопроса.

А. Будиловичъ.

Эпиграмматическія, сатирическія и шуточныя стихотворенія М. В. Ломоносова.

Сочиненія М. В. Ломоносова. Съ объяснительными примѣчаніями академика М. И. Сухомлинова. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Т. I—II. Спб. 1891—1893.

Ломоносовъ, какъ поэтъ-стихотворецъ, по общему характеру этой стороны своей дѣятельности, представляется обыкновенно лишь какъ восторженный „пѣвецъ“ царствованія Елизаветы Петровны, отчасти Петра III и Екатерины II, какъ авторъ переложеній псалмовъ и высоко-лирическихъ имъ подражаній, наконецъ какъ составитель многочисленныхъ „надписей“ по случаю придворныхъ торжествъ, — словомъ, какъ придворный стихотворецъ и какъ лирикъ въ возвышенно-религіозномъ стилѣ. Но такая характеристика Ломоносова, какъ поэта, должна быть признана односторонней. То совершенно опредѣленное и видное положеніе, которое занималъ Ломоносовъ въ современной ему русской литературѣ, ставило его въ извѣстныя отношенія къ разнообразнымъ явленіямъ литературы и жизни и вызывало изъ-подъ его пера весьма яркія выраженія его настроенія въ формѣ небольшихъ стихотвореній эпиграмматическаго, сатирическаго и шуточного характера: это были т. ск. произведенія минуты, написанныя большею частію подъ живымъ впечатлѣніемъ мелкихъ событій дня, и въ этомъ именно смыслѣ далеко не лишены ни интереса, ни извѣстной историко-литературной цѣнности. Мы имѣемъ цѣлю обратить вниманіе на эту скромную сторону литературной дѣятельности Ломоносова.

Большая часть этого рода произведеній Ломоносова вызвана причинами грамматическаго и литературнаго характера.

Въ 1745 г. отъ Академіи Наукъ было возложено на Тредьяковскаго исправленіе текста нѣмецко-французско-русскихъ разговоровъ, напечатаннаго для учениковъ академической гимназіи въ первый разъ въ 1738 году; въ февралѣ 1746 года Тр. представилъ академической конференціи свои поправки для новаго изданія упомянутой книжки вмѣстѣ съ латинскимъ разсужденіемъ „De plurali nominum adjectivorum integrorum, Russica lingua scribendorum terminatione“, въ которомъ возсталъ противъ принятаго въ печатаемыхъ въ академической типографіи книгахъ правила объ окончаніяхъ прилагательныхъ въ им. п. мн. ч. муж. р. на е, а женск. и ср. на я; вмѣсто этихъ окончаній Тредьяковскій предлагалъ окончанія для м. р. на и, ж. р. на е и ср. на я. Но по поводу этого разсужденія у Тр. вышли съ Ломоносовымъ разногласія, причемъ послѣдній хотѣлъ возражать Тр.-му письменно (черновой набросокъ этихъ возраженій сохранился въ бумагахъ Ломоносова), но потомъ за недосугомъ отъ этого отказался. Споръ этотъ оживился черезъ 9 лѣтъ въ 1755 г., съ появленіемъ на страницахъ академическаго изд. „Ежемѣсячныхъ сочиненій“ статей Тр., въ которыхъ для именъ прил. муж. р. мн. ч. принято было окончаніе и¹⁾. По этому поводу Ломоносовъ написалъ (въ 1755 г.) свое стихотвореніе: „Искусные пѣвцы всегда въ нанѣвахъ тщатся . . .“, оканчивающееся такъ:

Языка нашего небесна красота
 Не будетъ никогда поправа отъ скота.
 Отъ яду твоего (т. е. Тр.-го) онъ самъ себя избавить,
 И вредъ сей выплюнувъ, повѣрь, тебя заставитъ
 Скопчаты твой скверный визгъ стонаніемъ совы,
 Негоднымъ въ русской стихъ и пропастнымъ увы!²⁾

На эту эпиграмму Тр. отвѣчалъ также эпиграммой, которую оканчивалъ такъ, обращаясь къ Ломоносову:

Хоть тресни ты, въ трудахъ я только пребываю,
 Въ трудахъ — не въ пустотѣ; твое жъ зло презираю.
 Но тщетно правотой къ добру тебя склонить;

1) П. Пекарскій. Дополнительные извѣстія для біографіи Ломоносова. Спб. 1865, Стр. 98—'00; Соч. Л-ва П, прим. стр. 136.

2) Соч. Л-ва П, 132.

Мнѣ рыжу тварь никакъ въ добро не премѣнить.
 Въ небесной красотѣ (не твоего лишь зыка,
 Нелѣпостей гдѣ тѣма) російскаго языка
 Когда по твоему сова и скотъ ужъ я,
 То симъ ты нетопырь и подлинно свинья! 1)

Другое стихотвореніе, вызванное столь же специальнымъ грамматическимъ вопросомъ, относится къ 1764 году и касается произношенія буквы Г въ русскомъ языкѣ 2), но какими ближайшими причинами оно вызвано, мы не знаемъ.

У Ломоносова съ Тредьяковскимъ не разъ происходили перепалки и по другимъ причинамъ, кромѣ грамматическихъ споровъ въ Академіи. Такова слѣдующая эпиграмма 1755 года:

Отмщать завистнику меня вооружаютъ,
 Хотя мнѣ отъ него вреда отнюдь не чаютъ.
 Когда Зоилова хула мнѣ не вредить,
 Могу ли на него за то я быть сердить?
 Однакожь осержусь! я всталъ, ищу обуха;
 Ужъ подъяль, я махну! а кто сидитъ тутъ? Муха!
 Коль жаль мнѣ для нея напраснаго труда.
 Бѣдняжка, ты летай, ты пой: мнѣ нѣтъ вреда. 3)

Въ 1757 году Л-вымъ былъ написанъ 4) и быстро сталъ расходиться въ спискахъ знаменитый „Гимнъ бородѣ“, впервые появившійся рядомъ съ другими произведеніями Л-ва въ послѣднемъ академическомъ изданіи. Вотъ нѣсколько изъ него отрывковъ:

Не роскошной я Венерѣ,
 Не уродливой Химерѣ
 Въ имнахъ жертву воздаю:
 Я похвальну пѣснь пою
 Волосамъ, отъ всѣхъ почтеннымъ,
 По груди распространеннымъ,
 Что подъ старость нашихъ лѣтъ
 Уважаютъ нашъ совѣтъ.

Борода предорогая!
 Жаль, что ты не крещена,
 И что тѣла часть срамная
 Тѣмъ тебѣ предпочтена.

* *
 * *

1) Библиогр. Записки 1859 № 17, стр. 520.

2) Соч. Л-ва II, 286.

3) Соч. Л-ва II, 133.

4) См. Соч. Л-ва II, прим. стр. 164

Борода въ казнѣ доходы
 Умножаетъ по вся годы:
 Керженцамъ любезный братъ
 Съ радостью двойной окладъ
 Въ зборъ за оную приносить,
 И съ поклономъ niskимъ просить
 Въ вѣчный пропустить покой
 Безголовымъ съ бородой.

Борода предорогая и т. д.

* *

*
 О коль въ свѣтѣ ты блаженна,
 Борода — глазамъ замѣна!
 Люди обще говорятъ
 И по правдѣ то твердятъ:
 Дураки, ввали пролазы
 Были бы безъ ней безглазы,
 Имъ въ глаза плевалъ бы всякъ;
 Ею цѣль и здравъ ихъ зракъ.

Борода предорогая и т. д.

* *

*
 Если кто не взраченъ тѣломъ
 Или въ разумъ незрѣломъ;
 Естьли въ скудости рождень,
 Либо чиномъ не почтенъ, —
 Будетъ взраченъ и разсудень,
 Знатень чиномъ и не скуденъ
 Для великой бороды:
 Таковы ея плоды!

Борода предорогая и т. д.

* *

*
 О прикраса золотая,
 О прикраса дорогая,
 Мать дородства и умовъ,
 Мать достатковъ и чиновъ,
 Корень дѣйствій невозможныхъ,
 О завѣса мнѣній ложныхъ,
 Чѣмъ могу тебя почтить,
 Чѣмъ заслуги заплатить?

Борода предорогая и т. д.¹⁾

Стихотвореніе было направлено, конечно, и противъ раскольниковъ, но въ ту пору чрезвычайной подозрительности къ литературѣ въ немъ нашли желаніе автора оскорбить св. Церковь, похулить ученія и преданія св. Отцовъ и выразить неуваженіе къ православному духовенству: въ этомъ именно

1) Соч. Л-ва II, 137—140.

смыслъ отъ св. Синода былъ составленъ Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ докладъ, гдѣ Верховная власть призывалось „таковыя соблазнительныя и ругательныя пасквили истребить и публично сжечь, и впредь то чинить запретить, и означеннаго Ломоносова, для подлежащаго въ томъ увѣщанія и исправленія, въ Синодъ отослать“. Но докладъ этотъ остался безъ послѣдствій; за то въ современной литературѣ онъ оставилъ весьма значительный слѣдъ: въ полемикѣ по этому поводу приняли участіе Тредьяковскій, Сумароковъ, Барковъ и др. Тредьяковскому, выступившему тутъ подъ псевдонимомъ *Зубницкаго*, принадлежитъ между прочимъ не лишняя остроумія и ѣдкости пародія на „Гимнъ бородѣ“ подъ заглавіемъ: „Переодѣтая борода или имнѣ пьяной головѣ“¹⁾. Отвѣтомъ на эти нападки служитъ со стороны Ломоносова стихотвореніе, начинающееся такъ:

„О страхъ! о ужась! громъ! ты дернулъ за штаны,
Которы надо ртомъ висятъ у сатаны.
Ты видишь, онъ за то свирѣпствуетъ и злится,
Дыравый красный носъ — халдейска печь дымится.
Огнемъ и жупеломъ наполнены усы,
О какъ бы хорошо коптить въ нихъ колбасы! . . .²⁾

Другое стихотвореніе, по этому же поводу, обращено уже прямо къ *Зубницкому* — Тредьяковскому:

Безбожникъ и ханжа, подметныхъ писемъ враль!
Твой мерзкій складъ давно и смѣхъ намъ и печаль:
Печаль, что ты языкъ російскій развращаешь,
А смѣхъ, что ты тѣмъ зломъ затмишь достойныхъ чаешь!
Но плюемъ мы на страмъ твоихъ поганыхъ вракъ:
Уже за тридцать лѣтъ ты записной дуракъ.

Хоть ложной святостью ты бородой скрывался,
Пробинъ на злость твою взирая улыбался:
Ученія его и чести и труда,
Не можешь повредить ни ты, ни борода.³⁾

Къ чести Сумарокова слѣдуетъ прибавить, что въ этой полемикѣ онъ принялъ сторону Ломоносова. Впрочемъ, нѣ-

1) См. Соч. Л-ва II, прим. стр. 173—177.

2) Соч. Л-ва II, 141.

3) Соч. Л-ва, II, 142.

сколько позже, въ 1759 году, когда Сумароковъ издавалъ свою „Трудолюбивую Пчелу“, Тредьяковскій, увлекаемый чувствомъ общей вражды къ опасному сопернику, явился случайнымъ союзникомъ и сотрудникомъ Сумарокова, помѣстивъ въ его журналѣ статью „О мозаикѣ“, неприятную для Ломоносова, который въ то время думалъ объ основаніи стеклянной фабрики и надѣялся на субсидію отъ казны; неодобрительный отзывъ Тредьяковскаго могъ имѣть на ходъ дѣла неблагоприятное вліяніе. По поводу этого случайнаго примиренія двухъ соперниковъ, Ломоносовъ написалъ эпиграмму „Злобное примиреніе“ (злобное — относительно Ломоносова), которая начинается такъ:

Съ Сотиномъ¹⁾ — что за вздоръ — Аколасть²⁾ примирился!
 Конечно, третій членъ къ нимъ лѣшій прилѣпился,
 Дабы три фури, втѣснившись на Парнасъ,
 Закрыли крикомъ музъ російскихъ чистый гласъ.
 Коль много разъ театръ казалъ на смѣхъ Сотина,
 И у Аколаста онъ слылъ всегда скотина.
 Аколасть, злобствуя, всѣмъ уши раскричалъ,
 Картавилъ и сипѣлъ, качался и мигалъ,
 Сотиновыхъ стиховъ рассказывая скверность,
 А нынѣ объявилъ любовь ему и вѣрность . . .³⁾

Противъ Сумарокова Ломоносовымъ направлены: притча „Свинья въ лисьей кожѣ“⁴⁾ и эпиграмма по поводу трагедіи Сумарокова „Гамлетъ“⁵⁾.

Изъ другихъ писателей, современныхъ Ломоносову, противъ которыхъ онъ обращалъ свое эпиграмматическое остроуміе, слѣдуетъ назвать И. П. Елагина и Ивана Шинкина. Первый, въ своей сатирѣ „На петиметровъ и кокетокъ“, чрезмѣрно восхвалялъ Сумарокова, неодобрительно отозвался о Ломоносовѣ, который отвѣтилъ ему на это эпиграммой „Златой младыхъ людей и беспечальной вѣкъ . . .“⁶⁾, а о

1) Т. е. Тредьяковскимъ.

2) Т. е. Сумароковъ.

3) Соч. Л-ва II, 158.

4) Соч. Л-ва II, 174—176.

5) Соч. Л-ва II, 287.

6) Соч. Л-ва II, 134.

второмъ, весьма посредственномъ литераторѣ середины прошлаго вѣка, Ломоносовъ писалъ такимъ образомъ:

„Смѣется и поеть, о звѣздахъ онъ толкуеть,
 То нюхаетъ табакъ, то картъ игру тосуеть,
 То слушаетъ у всѣхъ, со всѣми говорить,
 И дѣлаетъ стихи нашъ другъ — архипіить.
 Увѣнчанъ лаврами Маронъ за стихотворство,
 Намъ чѣмъ его почитать за таково проворство?
 Ужъ подлы для него лавровые вѣнки,
 Такъ чѣмъ же увѣнчать толь мудрые виски?
 О чемъ я такъ тужу? Онъ будетъ увѣнчанъ:
 За грошъ одинъ купить капусты лишь кочанъ.¹⁾

Изъ эпиграммъ Ломоносова не-литературнаго происхожденія извѣстны двѣ, изъ которыхъ одна направлена противъ необразованныхъ проповѣдниковъ, другая — какъ полагаютъ²⁾ — противъ отшельниковъ и монаховъ. Въ первой, между прочимъ, Ломоносовъ такъ обращается къ проповѣднику:

На что риторикѣ совсѣмъ пренебрегаешь?
 Ее лишь ты одну, и то худенько знаешь.
 Василий, Златоустъ — церковные столпы —
 Учились далѣе, какъ нынѣшни попы:
 Гомера, Пиндара, Демосеена читали,
 И проповѣдь свою ихъ штилемъ предлагали;
 Натуру, общую всей протчей твари мать,
 Небесъ, земли, морей старались испытать,
 Дабы Творца чрезъ то по мѣрѣ силъ постигнуть
 И важностью вещей сердца людски подвигнуть:
 Не ставили за стыдъ изъ басенъ выбирать,
 Чѣмъ къ праведнымъ дѣламъ возможно преклонять . . .³⁾

Вторая эпиграмма состоитъ вся изъ четырехъ стиховъ:

Мышь, нѣкогда любя святыню,
 Оставила прелестной мѣръ,
 Ушла въ глубокую пустыню,
 Засѣвшись вся въ голланской сырѣ.⁴⁾

Форму „притчи“ или „басни“ имѣютъ слѣдующія стихотворенія Ломоносова: „Лишь только дневной шумъ замолкъ“⁵⁾,

1) Соч. Л-ва II, 289.

2) А. Б у д и л о в и ч ъ, Ломоносовъ какъ писатель. Спб., 1871, стр. 101.

3) Соч. Л-ва II, 288.

4) Соч. Л-ва II, 290.

5) Соч. Л-ва I, 175—176.

„Жениться хорошо, да много и досады“¹⁾, „Послушайте, прошу, что старому случилось“²⁾, На противниковъ системы Коперника³⁾. Первое имѣетъ сходство съ басней Эзопа „Козель и волкъ“ и Лафонтена „Le loup devenu berge“, второе передаетъ извѣстный старинный „смѣхотворный“ рассказъ „о злобѣ женской“, третье имѣетъ цѣлю показать, что не слѣдуетъ слушать всѣхъ людскихъ сужденій, а четвертое — таково :

Случились вмѣстѣ два астронома въ пиру
И спорили весьма между собой въ жару.
Одинъ твердилъ : земля вертятся кругъ солнца ходитъ ;
Другой, что солнце всѣ съ собой планеты водитъ :
Одинъ Коперникъ былъ, другой слылъ Птоломей.
Тутъ поваръ споръ рѣшилъ усмѣшкою своею.
Хозяинъ спрашивалъ : ты звѣздъ теченье знаешь ?
Скажи, какъ ты о семъ сомнѣньѣ рассуждаешь ?
Онъ далъ такой отвѣтъ : что въ томъ Коперникъ правъ,
Я правду докажу, на солнцѣ не бывавъ :
Кто видѣлъ простака изъ поваровъ такова,
Которой бы вертѣлъ очагъ кругомъ жаркова ?

Если ко всему сказанному присоединить упоминаніе объ обращеніи Ломоносова къ И. И. Шувалову : „Спасибо за грибы, челомъ за ананасъ“⁴⁾ и о четверостишии на какого-то Жукова⁵⁾, не имѣющихъ особаго литературнаго интереса, то этимъ будетъ исчерпанъ тотъ отдѣлъ стихотвореній Ломоносова, который послужилъ предметомъ настоящей замѣтки.

Е. Пѣтуховъ.

1) Соч. Л-ва I, 177.

2) Соч. Л-ва I, 178.

3) Соч. Л-ва II, 225.

4) Соч. Л-ва II, 289.

5) Соч. Л-ва II, 290.

Пути сообщения Полоцкой земли до конца XIV столѣтія.

Вопросъ о путяхъ сообщенія въ Древней Руси принадлежитъ къ числу наиболѣе темныхъ и наименѣе разработанныхъ: скудныя свѣдѣнія объ этомъ нашихъ источниковъ, недостаточная разработка и изученіе археологій, отсутствіе хорошихъ трудовъ по топографіи Россіи повлекли за собою то, что историки тщательно обходили этотъ вопросъ, ограничиваясь перечисленіемъ и описаніемъ главнѣйшихъ водныхъ путей. Но ни къ одной изъ русскихъ земель это такъ не относится, какъ къ Полоцкой землѣ, исторія которой до сихъ поръ была наименѣе изучена. Кромѣ краткихъ замѣтокъ по этому вопросу въ общихъ трудахъ по русской исторіи¹⁾, о путяхъ сообщенія Полоцкой земли можно найти болѣе или менѣе подробныя замѣтки въ сочиненіяхъ Барсова²⁾, Ходаловскаго³⁾ и Довнара-Запольскаго⁴⁾, чѣмъ и исчерпывается литература вопроса. Между тѣмъ многочисленныя находки иностранныхъ монетъ, различныя вещи иностранной работы, находимыя въ курганахъ, сообщенія лѣтописей и актовъ о тор-

1) Ср. напр. Соловьева, Исторію Россіи, кн. I, т. I—IV, с. 16 слл.

2) Очерки русской исторической географіи. Варшава, 1885, глава I и Географическій словарь Русской земли. Вильна 1865. подъ соответствующими именами.

3) Пути сообщенія въ Древней Россіи (въ Русс. Истор. Сб., т. I, кн. I, М. 1837).

4) Очеркъ исторіи Кривичской и Дреговичской земель. К. 1891, гл. II, сс. 17—23.

говыхъ сношеніяхъ Полоцкой земли съ русскими землями и иностранными государствами, извѣстія о походахъ: все это въ достаточной степени свидѣтельствуеетъ, что въ Полоцкой землѣ были многочисленныя пути, по которымъ производилось сообщеніе, что одной Двиной пути ея не ограничивались. Въ настоящей замѣткѣ я постараюсь восполнить этотъ пробѣлъ, насколько позволятъ мнѣ сдѣлать это имѣющіеся въ моемъ распоряженіи матеріалы, такъ какъ при составленіи общаго очерка исторіи Полоцкой земли я опустилъ по разнымъ соображеніямъ вопросъ о путяхъ сообщенія этой территоріи. Я постараюсь составить возможно полный перечень путей сообщенія Полоцкой земли за разсматриваемый періодъ и описать ихъ въ тѣхъ случаяхъ, когда это будетъ возможно, а затѣмъ разсмотрю данныя о характерѣ и безопасности этихъ путей. При этомъ я буду держаться того же метода, какого придерживался при составленіи общаго очерка исторіи Полоцкой земли: мною будутъ разсмотрѣны только тѣ пути и данныя о нихъ, которые относятся къ указанному выше періоду времени, все же прочее будетъ исключено изъ предлагаемаго очерка. Конечно, я сознаю и самъ, что мое описаніе путей сообщенія Полоцкой земли въ значительной степени будетъ походить на простой каталогъ, но *faciant meliora potentes*.

Пути сообщенія Полоцкой земли могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: одни изъ нихъ вели за предѣлы Полоцкой земли, другіе служили для внутренняго сообщенія. Первая категорія въ свою очередь распадается на слѣдующія четыре группы: А) пути, ведущіе на западъ; Б) пути, ведущіе на сѣверъ; В) пути, ведущіе на востокъ; Г) пути, ведущіе на югъ.

І. А. Пути, ведущіе на западъ.

1. *Западная Двина*. Среди путей, ведущихъ изъ Полоцкой земли на западъ, первое мѣсто принадлежитъ Запад-

ной Двинѣ, важное значеніе которой, какъ пути „въ Варягы“, отмѣчено уже начальнымъ лѣтописцемъ⁵⁾. Этимъ естественнымъ путемъ постоянно пользовались въ разсматриваемый періодъ какъ Полочане, такъ и ихъ западные сосѣди въ своихъ военныхъ и торговыхъ предпріятіяхъ⁶⁾. Излишне будетъ перечислять всѣ тѣ извѣстія лѣтописей и актовъ о илаваніи по Западной Двинѣ, которыя до насъ дошли, такъ какъ они извѣстны всѣмъ. Поэтому я напомню здѣсь только о надписяхъ съ именемъ Бориса Всеславича на камняхъ, преграждающихъ фарватеръ Западной Двины, которыя служатъ нѣмыми свидѣтелями древности пользованія этою рѣкою, какъ путемъ сообщенія⁷⁾.

2. *Изъ Полоцка въ Ливонію.* Кромѣ воднаго пути, въ Ливонію вела дорога и сушею, шедшая, вѣроятнѣе всего, параллельно Западной Двинѣ; въ настоящее время дорога отъ Полоцка къ Ригѣ идетъ по правому берегу рѣки, но раньше долженъ былъ существовать путь и по лѣвому берегу, такъ какъ такимъ путемъ прошелъ Андрей Полоцкій въ 1375 г. къ Динабургу⁸⁾.

3. *Изъ Полоцкой земли въ Ливонію.* Несомнѣнно, существовало много дорогъ изъ различныхъ мѣстностей Полоцкой земли въ Ливонію, потому что пограничные жители обѣихъ территорій вели между собою весьма оживленныя торговыя сношенія⁹⁾.

4. *Изъ Полоцка въ Розитенъ.* Андрей Ольгердовичъ совершилъ въ 1376 г. походъ на Розитенъ, нынѣшнюю Рѣ-

5) Ипат., с. 4. Ходаковскій, ор. с., сс. 8—9. Соловьевъ, 1. с. Барсовъ, Ист. геогр., 1. с. Довнаръ-Запольскій, ор. с., с. 22. Данилевичъ, Очеркъ исторіи Полоцкой земли. К. 1896, с. 218.

6) См. Данилевича, ор. с., главы IV, V и VI.

7) О Борисовыхъ камняхъ см. Сапунова. Двинскіе или Борисовы камни. Витебскъ 1890, сс. 7—8 и 18—25 и Данилевича, ор. с., пр. 61, сс. 72—73.

8) *Scriptores rerum Prussicarum*, t. II, pp. 67, 108 и 110. Карта Германіи. Штаба (10-верстная).

9) Bunge, *Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch*, t. VI, № 3072, p. 475. Данилевичъ, ор. с., сс. 224—225.

жицу, но вѣроятно же всего, что и тогда, какъ и теперь, не было прямой дороги между названными пунктами, такъ какъ въ XIV столѣтїи сношенїя между обоими городами были еще рѣже, чѣмъ теперь ¹⁰).

5. *Изъ Полоцка въ Польшу.* Въ 1386 г. Андрей Ольгердовичъ былъ захваченъ въ плѣнъ въ Полоцкѣ и отправленъ оттуда въ Хенцинскій замокъ, въ Польшу ¹¹).

6. *Изъ Полоцкой земли въ землю Ятвяговъ.* Извѣстенъ походъ Бориса Всеславича на Ятвяговъ въ 1102 г. ¹²).

7. *Оттуда же въ землю Зимъголы.* Въ 1106 году Всеславичи совершили свой неудачный походъ на Зимъголу ¹³).

Б. Пути, ведущіе на сѣверъ.

8. *Изъ Полоцка въ Новгородъ.* Изъ Полоцка въ Новгородъ было нѣсколько дорогъ, одна изъ которыхъ шла сначала рядомъ съ р. Ловатью, а отъ Великихъ Лукъ поворачивала на юго-западъ и проходила черезъ г. Еменецъ ¹⁴).

9. *Оттуда же въ Новгородъ.* Другой путь изъ Полоцка въ Новгородъ указывается лѣтописью въ описанїи похода Брячислава на Новгородъ въ 1021 году: онъ шелъ изъ Новгорода къ р. Судомѣ, притоку Шелони, пересѣкалъ эту рѣку и затѣмъ направлялся прямо на югъ, къ Полоцку ¹⁵).

10. *Оттуда же въ Псковъ.* Дорога изъ Полоцка въ Псковъ, судя по описанїю походовъ 1266 и 1267 гг., на-

10) Ser. г. Pг., t. II, p. 111. Карта Генеральн. Штаба.

11) Данилевичъ, op. с., сс. 168—169.

12) Татищевъ, Исторїя российская, кн. II, с. 199.

13) Лѣтопись по Лаврентіевскому списку. Спб. 1872, с. 271.

14) Ипатская лѣтопись. Спб. 1871, с. 412. Новгородская. Спб. 1889, с. 160. Довнаръ-Запольскій (op. с., сс. 17—18) полагаетъ, что этотъ путь шелъ водою. Ср. также Барсова, op. с., сс. 24—25.

15) Ипат., с. 102. Довнаръ-Запольскій, op. с., с. 19.

правлялась на Дубровну, что значительно увеличиваетъ разстояніе между названными городами ¹⁶⁾.

10 а. *Изъ Неклога въ Новгородъ.* Новгородцы ходили въ 1127 году къ Неклочу. Дорога шла, вѣроятно, на Великіе Луки и Еменецъ ^{16а)}.

11. *Изъ Витебска въ Новгородъ.* Александръ Невскій ѣхалъ въ 1246 г. изъ Витебска въ Новгородъ черезъ Усвяты. Такимъ образомъ ясно, что эта дорога направлялась отъ Усвята на Великіе Луки и дальше такъ, какъ идетъ трактъ въ настоящее время ¹⁷⁾.

12. *Оттуда же въ Псковъ.* Путь изъ Витебска въ Псковъ, насколько можно судить, шелъ сначала на г. Еменецъ, а потомъ пересѣкалъ р. Великую, какъ онъ идетъ и теперь ¹⁸⁾.

13. *Оттуда же въ Тверь.* Между Витебскомъ и Тверью издавна велись торговыя сношенія ¹⁹⁾.

14. *Изъ Друцка въ Новгородъ.* Новгородцы ходили въ 1181 году на Друцкъ. Можно съ достаточною достовѣрностью предположить, что дорога изъ Друцка въ Новгородъ шла такъ же, какъ и теперь, т. е. на Еменецъ и Великіе Луки ²⁰⁾.

15. *Изъ Полоцкой земли въ Торопецкую волость.* Литовскія шайки, направлявшіяся въ Торопецкую волость, обыкновенно проходили мимо Усвята ²¹⁾.

В. Пути, ведущіе на востокъ.

16. *Изъ Полоцка въ Смоленскъ.* Частыя сношенія Полоцка со Смоленскомъ ясно доказываютъ, что между этими го-

16) Новг., сс. 285—286. Ср. также Барсова, ор. с., сс. 25—26.

16 а) Ипат., с. 210. Лавр., с. 283. Карта Ген. Штаба.

17) Новг., сс. 270—271. Карта Ген. Штаба.

18) Новг., с. 341. Полн. Соб. Русс. Лѣт., т. V, с. 13. Карта Генеральнаго Штаба.

19) Сборникъ Муханова. СПб. 1866, сс. 1—2.

20) Ипат., с. 418—420. Карта Генеральн. Штаба.

21) Данилевичъ, ор. с., сс. 131—132.

родами была дорога, хотя наши источники и не даютъ никакихъ указаній на ея направленіе ²²⁾. Сомнѣнія нѣтъ, что сообщеніе Полоцка со Смоленскомъ производилось какъ водою, такъ и сушею. При этомъ путешествіе водою не было непрерывнымъ, такъ какъ приходилось перетаскиваться черезъ волокъ, на который указываетъ знаменитая Смоленская правда; волокъ этотъ шелъ изъ р. Касили къ Днѣпру ²³⁾.

17. *Оттуда же въ Москву.* Направленіе пути изъ Полоцка въ Москву совершенно неизвѣстно, хотя таковой долженъ былъ существовать, на что указываютъ торговыя сношенія обоихъ городовъ ²⁴⁾.

18. *Оттуда же во Владиміръ на Клязьмѣ.* Полоцкій епископъ Владиміръ, на возвратномъ пути изъ Царьграда, захалъ въ 1218 году во Владиміръ на Клязьмѣ къ великому князю Константину Всеволодовичу ²⁵⁾.

19. *Изъ Минска въ Оршу.* Мнѣ кажется, что найденный на теперешней дорогѣ изъ Минска въ Оршу камень съ надписью, указывающей, что онъ поставленъ въ 1171 году, доказываетъ ясно, что эта дорога служила для сообщеній между названными пунктами еще въ древности ²⁶⁾.

19а). *Изъ Друцка въ Смоленскъ.* Ростиславъ Мстиславичъ ходилъ въ 1127 году на Друцкъ; дорога шла черезъ Оршу ^{26а)}.

20. *Изъ Лукамля въ Смоленскъ.* Въ 1078 г. Владиміръ Мономахъ гнался за Всеславомъ, который ижегъ Смоленскъ, и дошелъ до Лукамля ²⁷⁾.

22) Обь отношеніяхъ названныхъ пунктовъ сл. *ibid.*, главы III—VI; домыслы о направленіи путей у Довнара-Запольскаго, *op. c.*, сс. 19 слл. и Барсова, *op. c.*, с. 24.

23) Голубовскій, *Исторія Смоленской земли.* К. 1895, сс. 110—140 и Барсовъ, *1. c.*

24) Напьерскій, *Русско-ливонскіе акты.* СПб., 1868, № 154, с. 120.

25) Лавр., с. 419.

26) Данилевичъ, *op. c.*, сс. 92—93. Карта Генеральн. Штаба.

26 а) Ипат., с. 210. Лавр., с. 283. Карта Генеральн. Штаба.

27) Лавр., с. 239.

21. *Изъ Логойска туда же.* Во время упомянутого выше похода 1078 года Владиміръ Мономахъ прошелъ отъ Смоленска къ Логойску черезъ Лукамль²⁸⁾; но очень интересно замѣтить маршрутъ императорскаго посла Іоанна Кобенцеля (въ 1575 году) отъ Логойска до Смоленска, такъ какъ направленіе его пути совершенно совпадаетъ съ нынѣшнимъ направленіемъ тракта изъ Логойска въ Смоленскъ; Кобенцель ѣхалъ изъ Логойска слѣдующимъ путемъ: Lohoszkhi (Логойскъ) — Jurioo (д. Юрьево) — Borissouo (Борисовъ) — Nakhia (р. Нача) — Pober (с. Бобръ) — Heslinicz (?) — Podweresi (д. Подберезье) — Orsa (Орша) — Dobrowna (с. Дубровна) — Woiaoo (с. Баево) Juata ain wasser (?) — Putiatina (Путятина) — Manchina (Манькова?) — Smolensko (Смоленскъ)^{28а)}.

Г. Пути, ведущіе на югъ.

22. *Изъ Полоцка въ Кіевъ.* Изъ Полоцка въ Кіевъ ѣздили, безъ сомнѣнія, водою и сухопутьемъ. Первый путь шелъ, по указанію г. Довнара - Запольскаго, Западною Двиною, Уллою и Эссою, изъ которой переправлялись волокомъ въ озеро Плавье, дающее начало р. Сергуту, притоку Березины; этимъ путемъ бѣжалъ изъ Новгорода Святославъ Ольговичъ вмѣстѣ съ Якуномъ, который былъ захваченъ въ плѣнъ на р. Плисѣ, куда онъ свернулъ, избѣгая погони²⁹⁾.

23. *Оттуда же въ Кіевъ.* Другой путь изъ Кіева въ Полоцкъ шелъ, должно быть, сушею; этимъ путемъ бѣжалъ Всеславъ изъ Бѣлгорода въ 1069 году³⁰⁾. Насколько можно судить, дорога шла сначала параллельно правому берегу Днѣпра, пересѣкала Припять и Березину и затѣмъ на-

28) Лавр., I. с.

28 а) Вержбовскій, Посольство Іоанна Кобенцеля въ Москву въ 1575—1576 гг. (Варшавскія Университетскія Извѣстія, 1896 г., кн. VIII сс. 49—50). Ср. также Карту Ген. Штаба.

29) Довнаръ-Запольскій, оп. с., с. 21.

30) Ипат., с. 121.

правлялась по лѣвому берегу послѣдней вплоть до водораздѣла между Сергутомъ и Эссой, откуда она принимала прямо сѣверное направленіе.

24. *Оттуда же въ Черниговъ.* Событія 1151 года показываютъ, что былъ путь изъ Чернигова къ Полоцку, хотя не даютъ возможности сказать положительно, шелъ ли онъ водою или сушею ³¹). Сомнѣнія нѣтъ, что дорогъ изъ Чернигова въ Полоцкъ было двѣ, при чемъ онѣ почти на всемъ своемъ протяженіи совпадали съ указанными выше дорогами изъ Полоцка въ Кіевъ (ср. №№ 22 и 23).

25. *Изъ Витебска въ Черниговъ.* Въ 1196 году Ольговичи предприняли походъ на Витебскъ, при чемъ походъ этотъ долженъ былъ совершиться по сухопутью, потому что дѣло происходило въ мартѣ мѣсяцѣ, когда рѣки затянуты льдомъ ³²).

26. *Изъ Стрѣжева туда же.* Въ 1127 году Всеволодъ Ольговичъ ходилъ къ Стрѣжеву на Борисовъ ³³).

27. *Изъ Минска въ Кіевъ.* Частыя столкновенія минскихъ князей съ кіевскими показываютъ, что существовали пути сообщенія между названными пунктами. Сомнѣнія нѣтъ, что изъ Минска въ Кіевъ можно было проѣхать не только по водѣ, но и по сушѣ, такъ какъ сообщеніе между ними производились въ разныя времена года. Первый путь шелъ по Днѣпру, Припяти и Птичу, а другой направлялся сначала параллельно правому берегу Днѣпра и шелъ такъ до Припяти, перейдя которую онъ держался сначала лѣваго берега и затѣмъ шелъ параллельно Птичу ³⁴).

28. *Оттуда же въ Слуцкъ.* Около 1116 года Глѣбъ Всеславичъ, князь минскій, совершилъ набѣгъ на Слуцкъ;

31) *ibid.*, с. 308.

32) *ibid.*, сс. 464—466.

33) Ипат., с. 210.

34) Объ отношеніяхъ Минска и Кіева см. у Данилевича, *ор. с.*, гл. III и IV. Карта Генеральн. Штаба.

теперь дорога изъ Минска въ Слуцкъ идетъ на Самохваловичи, Пырышевскую и Грозовъ ³⁵⁾.

29. *Изъ Друцка въ Черниговъ.* Направленія пути изъ Друцка въ Черниговъ указываются лѣтописными извѣстіями о сношеніяхъ этихъ городовъ. На основаніи этихъ извѣстій можно съ достовѣрностью утверждать, что было двѣ дороги въ этомъ направленіи: одна шла сначала Друтью, потомъ у Рогачева переходила въ Днѣпръ и у устьевъ р. Десны поворачивала въ послѣднюю; другая дорога держалась сначала берега Днѣпра, но у Рогачева сворачивала на сѣверо-западъ и шла параллельно р. Друти ³⁶⁾.

30. *Изъ Друцка въ Переяславльское княжество.* Ярополкъ Владиміровичъ въ 1116 году взялъ Друцкъ и жителей его вывелъ въ Переяславльское княжество, гдѣ и построилъ для нихъ городъ Желди ³⁷⁾. Безъ сомнѣнія, путь въ Переяславльское княжество былъ одинаковъ съ дорогою въ Черниговъ, и только р. Десна не входила въ него (ср. № 29).

31. *Оттуда же въ Слуцкъ.* Изъ описанія событій 1158 и 1161 годовъ видно, что существовалъ трактъ отъ Друцка къ Слуцку. Теперь есть нѣсколько дорогъ въ этомъ направленіи, хотя сомнѣнія нѣтъ, что упомянутыя сношенія со Слуцкомъ производились по одному изъ тѣхъ трактовъ, которые шли къ югу отъ Минска, принадлежавшаго враждебнымъ Рогволоду Борисовичу Глѣбовичамъ ³⁸⁾.

32. *Изъ Изяслава въ Туровъ.* Въ 1127 году Вячеславъ ходилъ изъ Турова къ Изяславу. Въ настоящее время одинъ изъ трактовъ, идущихъ въ этомъ направленіи, проходитъ черезъ Раковъ, Койдановъ, Пясечну, Грозовъ, Слуцкъ, Старобино, Ленинъ и Житковичи ³⁹⁾.

35) Ипат., с. 203. Карта Ген. Штаба.

36) Ипат., с. 420. Лавр., с. 239. Карта Ген. Штаба.

37) Ипат., с. 203.

38) *ibid.*, сс. 339 и 355. Данилевичъ, *op. c.*, сс. 87—88 и 90. Карта Генеральнаго Штаба.

39) Ипат., с. 210. Карта Ген. Штаба.

33. *Оттуда же въ Городно.* Въ упомянутомъ походѣ 1127 года на Изяславль принималъ участіе и Всеволодъ изъ Городна ⁴⁰).

34. *Оттуда же въ Клецкъ.* Въ извѣстномъ уже походѣ 1127 года на Изяславль участвовалъ Вячеславъ изъ Клецка. Изъ дорогъ, ведущихъ въ этомъ направленіи, можно упомянуть ту, которая идетъ на Раковъ, Волму, Рубежевичи, Столбцы, Новый Свержень и Несвижъ ⁴¹).

35. *Оттуда же во Владиміръ Волынской.* Въ 1127 г. ходилъ на Изяславль и Андрей изъ Владиміра Волынскаго ⁴²).

36. *Изъ Городца въ Слуцкъ.* Въ 1161 году Рогволодъ Борисовичъ бѣжалъ изъ-подъ Городца въ Слуцкъ. Въ настоящее время въ этомъ направленіи одна дорога идетъ на Раковъ, Волму, Койдановъ, Писечну и Кучинку ⁴³). Во всякомъ случаѣ Рогволодъ Борисовичъ бѣжалъ однимъ изъ тѣхъ путей, которые шли дальше отъ владѣній Глѣбовичей.

II. Внутренніе пути сообщенія.

37. *Изъ Полоцка въ Бѣльчицу.* Въ 1158 году Ростиславъ Глѣбовичъ жилъ въ Бѣльчицѣ, откуда и пріѣзжалъ въ Полоцкъ; дорога должна была итти по правому берегу рѣчки Бѣльчицы ⁴⁴).

38. *Оттуда же въ Витебскъ.* Въ Витебскъ ѣздили изъ Полоцка, можно полагать, какъ по Западной Двинѣ, такъ и по дорогѣ, шедшей по правому берегу рѣки ⁴⁵).

39. *Оттуда же въ Друцкъ.* Извѣстны сношенія Полочанъ съ Рогволодомъ Борисовичемъ въ 1158 году. Въ

40) Ипат., I. с.

41) Ипат., I. с. Карта Ген. Штаба.

42) Ипат., I. с.

43) *ibid.*, с. 355. Карта Ген. Штаба.

44) Ипат., с. 340.

45) О сношеніяхъ обоихъ городовъ см. мою работу, *passim*.

настоящее время есть нѣсколько дорогъ въ этомъ направленіи, въ томъ числѣ одна идетъ на Камень, Чашники, Лукамль, Чарею и Толочинъ ⁴⁶).

40. *Оттуда же въ Минскъ.* Изъ Полоцка въ Минскъ должна была существовать большая дорога, такъ какъ сношенія этихъ городовъ были весьма интензивны въ разсматриваемое время. Теперь въ указанномъ направленіи идутъ нѣсколько дорогъ, одна изъ которыхъ направляется на Ушачь, Лепель, Борисовъ и Смолевичи, а другая — на Камень, Лель и дальше, какъ первая. Правда, Рогволодь Борисовичъ, совершая свой походъ къ Минску въ 1158 году, шелъ на Изяславль, что увеличиваетъ нѣсколько путь, но это объясняется политическими соображеніями ⁴⁷).

41. *Оттуда же въ Изяславль.* Судя по описаніямъ походовъ полоцкихъ князей, была дорога отъ Полоцка къ Изяславлю. Въ настоящее время въ этомъ направленіи ведутъ нѣсколько дорогъ, между прочимъ на Ярково и Раковъ ⁴⁸).

42. *Оттуда же въ Городецъ.* Въ 1161 году Рогволодь Борисовичъ совершилъ свой неудачный походъ на Городецъ ⁴⁹).

43. *Изъ Изяславля въ Минскъ.* Въ 1158 году Рогволодь Борисовичъ двигался къ Минску черезъ Изяславль ⁵⁰).

44. *Оттуда въ Логойскъ.* Во время извѣстнаго похода 1127 года Изяславъ прошелъ отъ Логойска къ Изяславлю. Изъ Изяславля въ Логойскъ есть нѣсколько дорогъ, одна изъ которыхъ идетъ на Загорье, Осову, Городокъ, Паперню, Боровцы, Городокъ и Острожицы ⁵¹).

46) Ипат., сс. 339—340. Карта Ген. Штаба.

47) Ипат., с. 340. Данилевичъ, *op. c.*, *passim*. Карта Ген. Штаба.

48) Ипат., сс. 210 и 340. Карта Ген. Штаба.

49) Ипат., с. 355.

50) Ипат., с. 340.

51) *ibid.*, с. 210. Карта Ген. Штаба.

45. *Изъ Лукамля въ Логойскъ.* Во время похода 1078 года на Полоцкую землю Владиміръ Мономахъ отъ Лукамля прошелъ къ Логойску⁵²⁾.

46. *Изъ Логойска въ Друцкъ.* Во время того же похода Владиміръ Мономахъ отъ Логойска прошелъ къ Друцку. Въ настоящее время можно отмѣтить въ этомъ направленіи трактъ, идущій на Толочинъ, Славяны, Бобръ, Крупки и Лошницу⁵³⁾.

Перечисливъ пути сообщенія Полоцкой земли до конца XIV столѣтія, я считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ по поводу предложеннаго мною матеріала. Прежде всего я нахожу нужнымъ повторить сказанное мною выше, что предлагаемый мною перечень путей сообщенія далеко не полонъ. Но я поставилъ себѣ задачею собрать въ этой замѣткѣ свѣдѣнія лишь о тѣхъ путяхъ сообщенія, которые могутъ быть констатированы на основаніи данныхъ нашихъ источниковъ за періодъ до конца XIV столѣтія, хотя и не сомнѣваюсь въ томъ, что населеніе Полоцкой земли пользовалось, какъ путями сообщенія, большимъ количествомъ рѣкъ, чѣмъ приведенное мною, да и сухопутныхъ дорогъ, существовало, безъ сомнѣнія, значительно больше. вмѣстѣ съ тѣмъ, констатируя направленіе путей сообщенія на основаніи извѣстій источниковъ о походахъ, я далекъ былъ отъ мысли, что между всѣми такими пунктами существовали большія проѣзжія дороги, — я даже не сомнѣваюсь, что нѣкоторые изъ указанныхъ пунктовъ не были соединены даже трактами, идущими по наиболѣе краткому направленію. Дѣйствительно, трудно сомнѣваться въ томъ, что въ древности грунтовыя дороги Полоцкой земли — а иныхъ, конечно, тогда не было — представляли собою такіе же два типа, ка-

52) Лавр., с. 239.

53) Лавр., I. с. Карта Ген. Штаба.

кіе существуютъ и теперь: однѣ были большія проѣзжія дороги, другія соотвѣтствовали по своему характеру теперешнимъ проселочнымъ дорогамъ. Но если извѣстіе о походѣ изъ одного пункта въ другой не можетъ само по себѣ служить доказательствомъ того, что эти пункты были соединены большою проѣзжею дорогою, то оно во всякомъ случаѣ доказываетъ, что между этими пунктами существовали пути сообщенія, такъ какъ трудно предположить, чтобы войска передвигались не по дорогамъ. Последнее предположеніе было бы особенно невѣроятно въ приложеніи къ Полоцкой землѣ, такъ какъ достаточно вспомнить физическій характеръ страны — громадное количество рѣкъ, ручьевъ, озеръ, болотъ, лѣсовъ, чтобы понять всю невозможность такого способа передвиженія въ ея предѣлахъ, а особенно для военныхъ отрядовъ, которые и времени не могли терять на прокладку дорогъ тамъ, гдѣ ихъ не было. Въ этомъ отношеніи очень характерно одно сообщеніе лѣтописи, потому что оно показываетъ, что походу, если это было возможно, предшествовало приведеніе въ порядокъ дорогъ, по которымъ войска должны были двигаться: именно, Владиміръ Святой, собираясь въ походъ на Ярослава Мудраго, приказываетъ: „тербите пути и мосты мостите“⁵⁴). Правда, описывая походъ Ольговичей на Друцкъ, лѣтопись говоритъ, что они „перегатиша Дрюють“, чтобы перейти на другую сторону ея⁵⁵), но это можно было сдѣлать разъ или два въ походъ, и невозможно было дѣлать въ продолженіе всего похода. Однако я не стану отрицать, что въ зимнее время походы могли совершаться и напрямикъ, хотя полагаю, что и въ древности, какъ и теперь, пользовались благопріятными физическими условіями, чтобы проложить болѣе прямыя дороги, да кромѣ того обиліе снѣговъ тоже должно было служить немалымъ препятствіемъ для движенія не по дорогамъ. А насколько сильны были снѣжные заносы въ рассматриваемое время,

54) Ипат., с. 89.

55) *ibid.*, с. 420.

можно судить по тому факту, что Ольговичи въ 1196 году, во время похода на Витебскъ, могли укрѣпиться въ снѣгу, „бѣ бо снѣгъ великъ“⁵⁶). Но если въ зимнее время снѣжные заносы сильно затрудняли передвиженіе по дорогамъ Полоцкой земли, то еще хуже обстояло дѣло весной и осенью, благодаря изобилію влаги въ этой странѣ. Я не стану тутъ описывать природу Полоцкой земли, такъ какъ это слишкомъ общеизвѣстно, а приведу лишь одну весьма мѣткую характеристику Сѣверо-Западнаго края, одну изъ составныхъ частей котораго составляетъ Полоцкая земля: „лѣсъ и вода“, говоритъ г. Максимовъ, — „два неотразимые образа, тѣсно сопоставленные въ прочной другъ отъ друга зависимости, безотчетно и властительно господствуютъ надъ всѣми другими отъ языческихъ временъ заселенія края до Наполеона I, сказавшаго, что въ Литвѣ и Бѣлоруссіи грязь пятая стихія“⁵⁷). Но если эти условія сильно вліяютъ на состояніе путей сообщенія въ Сѣверо-Западномъ краѣ въ XIX столѣтіи, когда число лѣсовъ и болотъ сильно уменьшилось, когда принимаютъ цѣлый рядъ мѣръ, чтобы парализовать вредное вліяніе указанныхъ причинъ, то можно судить, насколько всемогуще было ихъ вліяніе на состояніе путей сообщенія въ древности, когда и средствъ для борьбы съ ними было меньше у населенія. Я думаю, что приведенныя выше соображенія позволяютъ высказать утвержденіе, что состояніе путей сообщенія въ Полоцкой землѣ въ разсматриваемый періодъ было хуже нынѣшняго. Впрочемъ, трудно и ожидать, чтобы въ Полоцкой землѣ дороги были хороши, когда у ея болѣе культурной сосѣдки, въ Ливоніи, въ XIV столѣтіи пути сообщенія были въ столь плохомъ состояніи, что войска съ трудомъ могли двигаться по нимъ⁵⁸). Я не рѣшусь даже утверждать, что всѣ большія дороги были снабжены мостами черезъ ручьи и рѣчки, пересѣкавшіе ихъ, такъ какъ можно предполагать, что и не всѣ города имѣли

56) *ibid.*, с. 464.

57) Обитель и житель (въ „Древней и Новой Россіи“, 1876 годъ, № 6, с. 134).

мости; такъ, трудно понять, почему Давиду, въ рукахъ котораго былъ Витебскъ, нужно было бы бродиться черезъ Двину и рисковать, что врагъ услышитъ его движеніе, если бы былъ мостъ въ Витебскѣ⁵⁹). Правда, на дорогѣ изъ Орши въ Минскъ, пересѣкающей между прочимъ и Друцкъ, Рогволодъ Борисовичъ поставилъ въ 1171 году камень съ надписью⁶⁰), но считать его какимъ-нибудь дорожнымъ знакомъ нѣтъ основаній. Мнѣ кажется, что это былъ просто пограничный столбъ, такъ какъ приблизительно въ этомъ мѣстѣ сходились границы Полоцкой и Смоленской земель, а поставленъ онъ при дорогѣ по той простой причинѣ, что это пунктъ оживленный, и такимъ образомъ надпись дѣлалась доступной большому количеству людей. По моему мнѣнію, единственный намекъ на какія-то заботы князей о путяхъ сообщенія въ Полоцкой землѣ, и то водныхъ, представляютъ, такъ называемые, Борисовы камни⁶¹): Борисъ Всеславичъ, по всей вѣроятности, очистилъ русло Западной Двины отъ нѣкоторыхъ изъ камней, преграждающихъ въ изобиліи ея фарватеръ⁶²), и въ память этого выбилъ извѣстныя надписи на большихъ камняхъ, съ которыми справиться было трудно при помощи тѣхъ примитивныхъ инженерныхъ орудій, какими могли располагать современные ему Полочане. Вотъ тѣ краткія замѣчанія о характерѣ и состояніи путей сообщенія Полоцкой земли, канія я хотѣлъ сдѣлать, послѣ чего я позволю себѣ охарактеризовать вкратцѣ безопасность путей сообщенія разсматриваемой территоріи.

Въ разсматриваемое время пути сообщенія Полоцкой земли не должны были отличаться особенною безопасностью: громадное количество лѣсовъ и болотъ, слабая населенность

58) Scr. r. Pruss., t. II, pp. 107—108.

59) Ср. Ипат., сс. 360—361. Конечно, я имѣю въ виду слова воиновъ Володаря Глѣбовича, хотя они и представляютъ только догадку послѣднихъ.

60) Данилевичъ. оп. с., сс. 92—93.

61) О Борисовыхъ камняхъ см. Сапунова, оп. с.

62) О Западной Двинѣ см. Сапунова. Западная Двина, сс. 114—196.

страны доставляли всё тѣ условія, которыя необходимы для развитія разбойничества. А если вспомнить, насколько суровы были нравы большей части населенія въ то время не только въ Полоцкой землѣ, но и въ другихъ земляхъ, гдѣ культура стояла значительно выше, то существованіе разбойничества въ Полоцкой землѣ въ данный періодъ станетъ несомнѣннымъ. Дѣйствительно, мы имѣемъ свѣдѣнія, что болѣе культурные жители г. Риги не прочь были пограбить проезжихъ купцовъ; на примѣръ, разъ они напали на витебскихъ купцовъ около самой Риги и отняли у нихъ 10 берковцовъ воску, при чемъ во время борьбы убили одного изъ упомянутыхъ купцовъ⁶³). Нечего и говорить, что Полочане тоже не отличались мирными наклонностями и не упускали удобнаго случая напасть на путниковъ и ограбить ихъ, особенно же охотно дѣлались нападенія на купцовъ. При этомъ разбойничество дѣлало одинаково опасными какъ рѣчные пути, такъ и сухопутныя дороги Полоцкой земли. Такъ, Андрей, вице-магистръ Ливонскаго Ордена, 21 апрѣля 1270 года издалъ грамоту, которой Двинскій путь былъ объявленъ закрытымъ впредь до новаго распоряженія, потому что нѣмецкіе купцы подвергались постояннымъ грабежамъ и насиліямъ со стороны Русскихъ, которые на всё требованія о возмѣщеніи убытковъ потерпѣвшимъ отвѣчали отказомъ⁶⁴); черезъ 7 лѣтъ, въ 1277 году ливонскіе ландсгеры сдѣлали распоряженіе о переносѣ рынковъ изъ Руси въ Ливонію, при чемъ эта мѣра была вызвана тѣмъ обстоятельствомъ, что Русскіе постоянно нападали на купцовъ при проѣздѣ ихъ по Западной Двинѣ, грабили товары, убивали и вообще чинили нѣмецкимъ купцамъ всякія обиды и насилія⁶⁵); около того же приблизительно времени рижскіе ратманы принесли жалобу витебскому князю Михаилу Константиновичу на то, что нѣмецкіе купцы подвергаются грабежамъ и насиліямъ въ его

63) Русс.-лив. акты, № 23, с. 18.

64) Bunge, L. Urknndenbuch, t. I, № 418, p. 531.

волости⁶⁶⁾. Но не одни разбои дѣлали опасными дороги въ Полоцкой землѣ, къ этому нужно присоединить частыя войны и нападенія дикихъ сосѣдей. Насколько войны были часты въ данное время, видно уже изъ того, что дошедшія до насъ извѣстія источниковъ о Полоцкой землѣ даютъ возможность констатировать тотъ фактъ, что на каждые 7^{1/2} лѣтъ приходится по одному нападенію внѣшнихъ враговъ на Полоцкую землю, а до насъ дошли, безъ сомнѣнія, далеко не всѣ свѣдѣнія объ этомъ⁶⁷⁾. Насколько же безопасно было ѣздить во время войнъ, доказываетъ уже то обстоятельство, что въ договорахъ всегда выговаривался свободный проѣздъ для купцовъ въ военное время, хотя сомнѣнія нѣтъ, что и это слабо помогало при существованіи обычая отбирать имущество у всѣхъ подданныхъ той страны, съ которою велась война (*ius vindicationis*), какъ поступилъ, на примѣръ, съ псковскими купцами Ольгердъ въ 1349 году⁶⁸⁾. Кромѣ того напомнимъ извѣстные уже факты плѣненія Брячислава въ 1127 году на дорогѣ изъ Изяславля въ Полоцкъ и Якуна на р. Плисъ⁶⁹⁾. Въ XIII столѣтіи дороги въ Полоцкой землѣ были особенно опасны, потому что въ эту эпоху происходили безконечныя набѣги Литовцевъ на Полоцкую землю, набѣги, окончившіеся завоеваніемъ ея послѣдними. Конечно, эти набѣги Литовцевъ были и раньше болѣе или менѣе часты, но особенной интензивности они достигаютъ въ указанное время, когда слагалось Литовское государство. Такъ, въ 1216 году Литовцы напали на Полоцкую землю и дошли до Полоцка, откуда были отбиты Мстиславомъ Давидовичемъ, явившимся на помощь къ Полочанамъ; въ 1223 году Литовцы совершили набѣгъ на Торонецкую волость, при чемъ проникли туда черезъ Полоцкую землю; въ 1225 году они снова нападаютъ на Полоцкую землю;

65) *ibid.*, № 452, pp. 566—567.

66) Русс.-лив. акты, № 49, сс. 26—28.

67) Данилевичъ, *op. c.*, сс. 246—247.

68) *ibid.*, сс. 159, 209 и 224.

69) *Ипат.*, с. 210. Довнаръ-Запольскій, *op. c.*, с. 21.

въ 1246 году они вторглись опять въ Полоцкую землю, откуда прошли къ Торжку и Бѣжецку; въ томъ же году Литовцы снова ворвались въ Полоцкую землю и достигли уже Усвята, но тутъ были разбиты на голову Александромъ Невскимъ⁷⁰⁾. Изъ сказаннаго видно, что въ разсматриваемый періодъ пути сообщенія Полоцкой земли не отличались надлежащею безопасностью, между тѣмъ пути сообщенія играютъ немаловажную роль въ экономическомъ бытѣ извѣстной территоріи: ихъ состояніе такъ или иначе отражается на всей экономической жизни страны, вызывая процвѣтаніе страны или ея упадокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ тѣсная связь экономического положенія страны съ ея политическимъ состояніемъ и культурой имѣетъ послѣдствіемъ то, что каждая изъ этихъ сторонъ жизни страны вліяетъ на остальные двѣ, совместное ихъ дѣйствіе даетъ исторіи страны то или другое направленіе, сообщаетъ ей извѣстный характеръ. Если экономическое состояніе Полоцкой земли стояло въ тѣсной связи съ ея политическимъ состояніемъ и культурой, то еще больше стояли въ зависимости отъ всѣхъ этихъ факторовъ пути сообщенія: ихъ благоустройство, ихъ безопасность прямо зависѣли отъ данныхъ условій. Однако и пути сообщенія сами по себѣ, играя важную роль въ экономическомъ бытѣ страны, оказываютъ сильное вліяніе на ея политическое положеніе и культуру. Нѣтъ сомнѣнія, что пути сообщенія Полоцкой земли сыграли тоже свою роль въ ея исторіи: они были въ числѣ тѣхъ факторовъ, которые довели ее въ XIII столѣтіи до потери самостоятельности, до завоеванія Литовцами, а въ XIV столѣтіи привели къ упадку удѣльно-вѣчевой укладъ въ ней.

70) Лавр., с. 425. Новг. I, с. с. 214 и 270—271. J. Długosi Historiae Polonicae libri XII. Cracoviae. 1873—1876, t. II, p. 202. Strykowski. Kronika, p. 226 (въ Zbiór dzieiopisów polskich. Warszawa, 1768, t. II).

Г. Юрьевъ, Лифляндской губерніи.

В. Данилевичъ.

Нѣсколько мыслей о системѣ сельско-хозяйственнаго образованія въ Россіи.

Въ послѣднюю сессію сельско-хозяйственнаго совѣта, состоящаго при Министерствѣ Земледѣлія, однимъ изъ первыхъ предметовъ сужденія свѣдующихъ людей былъ планъ сельско-хозяйственнаго образованія въ Россіи.

Если вѣрять газетнымъ извѣстіямъ, дающимъ къ сожалѣнію лишь отрывочныя свѣдѣнія по интересующему насъ вопросу, то подъ этимъ заглавіемъ совѣтомъ обсуждались почти исключительно административно-хозяйственные вопросы, напр.: о соотношеніи между государственными и мѣстными средствами на устройство и содержаніе сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній, о завѣдываніи и наблюденіи за ними, объ открытіи новыхъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній и т. п.; причемъ обсужденію съ этихъ точекъ зрѣнія подвергались только высшія и низшія с.-х. учебныя заведенія. На сколько, затѣмъ, опять-таки можно судить по газетнымъ отчетамъ о засѣданіяхъ сельско-хозяйственнаго совѣта, у послѣдняго составилось слѣдующее сужденіе по вопросу объ организаціи сельско-хозяйственнаго образованія въ Россіи. Необходимо открыть на средства казны одно новое высшее с.-х. учебное заведеніе ¹⁾, а именно — для средней черноземной полосы. Низшія с.-х. учебныя заведенія должны быть распределены по Россіи такимъ образомъ, чтобы на каждую губернію

1) Въ настоящее время у насъ имѣется три высшихъ с.-х. уч. заведеній: въ Москвѣ, въ Нов. Александріи и въ Ригѣ (при Политехникумѣ).

приходилось хотя по одной такой школѣ¹⁾, причѣмъ учрежденіе ея должно быть отнесено въ значительной мѣрѣ на мѣстныя, т. е. негосударственныя средства. Все сельско-хозяйственное образованіе должно быть сосредоточено въ Министерствѣ Земледѣлія и въ частности низшія с.-х. школы должны быть изъяты изъ вѣдѣнія уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ. Кромѣ этихъ общихъ соображеній о развитіи въ Россіи сельско-хозяйственнаго образованія, газетныя извѣстія упоминаютъ еще о нѣкоторыхъ частныхъ пожеланіяхъ сельскихъ хозяевъ, такъ напр.: имъ желательно, чтобы, на ряду съ общимъ курсомъ сельскаго хозяйства, въ каждой низшей с.-х. школѣ преподавалась и какая-нибудь специальная отрасль его; затѣмъ, желательно, чтобы, на ряду съ задуманными казенными с.-х. школами, богато обставленными учебно-вспомогательными учрежденіями и снабженными болѣе или менѣе обширными программами преподаванія, допущено было бы учрежденіе и частныхъ с.-х. школъ упрощеннаго типа, на подобіе тѣхъ, которыя и теперь существуютъ въ нѣкоторыхъ наиболѣе устроенныхъ частныхъ экономіяхъ. Назначеніе этихъ частныхъ с.-х. школъ — служить, такъ сказать, разсадникомъ служебнаго персонала для помѣщичьихъ имѣній.

Изъ того сжатого обзора дѣятельности послѣдней сессіи сельско-хозяйственнаго совѣта, который мы могли составить себѣ по газетнымъ извѣстіямъ, не видно, однако, чтобы послѣдній *in concreto* интересовался какими-нибудь строго опредѣленными сельско-хозяйственно-экономическими или педагогическими основаніями для сельско-хозяйственнаго образованія русскаго народа, а между тѣмъ народъ этотъ, какъ всѣмъ извѣстно, представляетъ, по сравненію съ народами Зап. Европы, очень много особенностей, какъ въ отношеніи личнаго быта, міросозерцанія, и этики, такъ и въ отношеніи способовъ хозяйства и владѣнія землей. Вотъ объ этихъ то

2) Въ 1895 году у насъ было ок. 60 низшихъ с.-х. школъ. Изъ нихъ только 4 было казенныхъ.

основныхъ началахъ нашего русскаго сельско-хозяйственнаго образованія я и хочу высказать здѣсь нѣсколько своихъ сужденій. Я постараюсь расположить ихъ, конечно, въ извѣстной системѣ, а именно, по существующимъ разрядамъ с.-х. учебныхъ заведеній для того, чтобы попутно у насъ могъ развиваться и тотъ планъ сельско-хозяйственнаго образованія, который мы считаемъ наилучшимъ. Принявъ затѣмъ во вниманіе раздѣленіе с.-х. школъ на три разряда: низшія, среднія и высшія, мы прежде всего начнемъ обсужденіе тѣхъ сельско-хозяйственныхъ и педагогическихъ основъ, на которыхъ, какъ на прочномъ фундаментѣ, должно быть построено все зданіе низшаго сельско-хозяйственнаго образованія въ Россіи.

I.

Мы думаемъ, что никто не станетъ возражать противъ того, что наши низшія с.-х. школы должны служить, главнымъ образомъ, простому сельскому люду, что въ нихъ должны обучаться будущіе землевладѣльцы, а не наемники, и что, наконецъ, они должны находиться въ самыхъ нѣдрахъ крестьянства, т. е. въ обыкновенныхъ русскихъ деревняхъ.

Если все это справедливо, то, слѣдовательно, не подлежитъ сомнѣнію и то, что при организаціи низшихъ с.-х. школъ должны быть приняты во вниманіе и всѣ главнѣйшія особенности крестьянскаго строя жизни какъ личной, такъ и общественной, всѣ особенности крестьянскаго хозяйства и, наконецъ, даже нѣкоторыя изъ личныхъ особенностей обитателей деревни. Какое-либо сомнѣніе у насъ можетъ возникнуть лишь при разрѣшеніи слѣдующихъ вопросовъ. Какія изъ матеріальныхъ и нравственныхъ особенностей русскаго народа настолько прочны и безспорно цѣнны, что ихъ слѣдовало бы положить въ основу не только просвѣщенія грядущаго поколѣнія крестьянъ, но и его техническаго образованія? Не требуется ли, напротивъ того, самому крестьянскому міру принять какихъ-либо общихъ или хотя бы частичныхъ измѣненій въ своихъ свойствахъ и, наконецъ, если сами крестьяне

по своей общепризнанной, такъ сказать, неподвижности и инертности не въ состояніи вносить полезныя измѣненія въ свою личную, общественную и хозяйственную дѣятельность, то можетъ быть необходимо вмѣшательство въ это дѣло какой-либо внѣшней власти? ¹⁾ Въ самомъ дѣлѣ, если, съ одной стороны, большинство этическихъ свойствъ нашего простаго народа уже съ перваго взгляда имѣеть, безспорно, высокую цѣнность (напр., его чисто сыновняя любовь къ землѣ и сельскому промыслу, его религіозность, стремленіе къ общему благу и справедливости, склонность къ общенію, послушаніе „міру“, уваженіе къ нѣкоторымъ завѣтамъ старины и т. п.), то, съ другой стороны, нѣкоторыя другія особенности нашего крестьянства (напр., его рутинная и б. ч. экстенсивная хозяйственная дѣятельность ²⁾), его общинное землевладѣніе съ черезполосицей и передѣлами, его слишкомъ, можетъ быть, осторожное отношеніе къ прогрессу въ области сельскаго хозяйства и пр. и пр.), будучи взяты въ отдѣльности, могутъ вызывать безконечныя сомнѣнія и споры относительно ихъ современности, выгоды для государства и даже для самаго сельскаго населенія. Такъ напр. съ особенной энергіей весь

1) Въ нѣкоторыхъ странахъ Зап. Европы правительства явно поощряли переходъ крестьянъ отъ общиннаго владѣнія землей къ подворному. При этомъ имѣлось въ виду поднятіе производительности крестьянскихъ хозяйствъ.

2) Экстенсивной системой хозяйства называется та, при которой труженникъ старается воспользоваться естественными благами, употребляя на то по возможности только непосредственныя т. е. неурегулированныя имъ самимъ силы природы, напр., личную мускульную силу, силу животныхъ, естественное плодородіе земли и т. п. Изъ механическихъ приспособленій экстенсивная система принимаетъ почти исключительно простѣйшія машины. Экстенсивной системѣ хозяйства противопоставляется интенсивная. Кромѣ интенсивнаго и экстенсивнаго хозяйствъ, называютъ еще рутинное; этимъ именемъ обозначаютъ всякаго рода хозяйство въ томъ случаѣ, если оно ведется по заимствованному шаблону и въ разъ на всегда установленномъ порядкѣ т. е. „какъ въ старину было“ или — „какъ другіе, такъ и мы“. Наконецъ, всякое хозяйство можетъ быть названо рациональнымъ или нерациональнымъ, смотря по тому, въ какой мѣрѣ оно соотвѣтствуетъ естественнымъ и экономическимъ условіямъ данной мѣстности.

нашъ крестьянскій хозяйственный строй обсуждался въ такъ наз. валуевской комисіи (въ началѣ 70-ти годовъ), которой и былъ, по крайней мѣрѣ, теоретически, окончательно осужденъ¹⁾.

Однако, если мы внимательно всмотримся во всю совокупность особенностей русской крестьянской жизни, иными словами, если мы примемъ во вниманіе не только однѣ хозяйственные, но вмѣстѣ съ тѣмъ и этическія ея черты, то живо почувствуемъ всю затруднительность и даже рискованность какихъ бы то ни было измѣненій въ общемъ строѣ ея. Въ самомъ дѣлѣ, что представляетъ собою (въ общихъ чертахъ, по крайней мѣрѣ) вся хозяйственная дѣятельность большинства нашихъ русскихъ крестьянъ а равно и ихъ экономическія отношенія, какъ не логическое слѣдствіе или практическое примѣненіе къ жизни ихъ положительной, можно сказать, христіанской этики?

Вотъ почему едва-ли кто первый рѣшится нарушить цѣлость нашей вѣками сложившейся культуры, не опасаясь, какъ бы лежація въ ея основаніи принципы высшаго порядка и въ нашемъ крестьянствѣ не потерпѣли такого же крушенія, какъ и въ Западной Европѣ; мало того, есть основанія опасаться, какъ бы рядомъ съ тѣмъ и нашъ всероссійскій экономическій строй не подвергся тому же серьезному и, кто знаетъ, можетъ быть, губельному для человѣчества перевороту, который постигъ еще въ нынѣшнемъ столѣтіи нашихъ европейскихъ сосѣдей.

Чтобы, такъ сказать, фактически оправдать эти свои опасенія, я приведу здѣсь хоть одинъ примѣръ изъ исторіи сельскаго хозяйства въ Европѣ. Какое, повидимому, незначительное по своимъ размѣрамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ благотѣльное съ точки зрѣнія сельско-хозяйственной техники измѣ-

1) См. „Докладъ Высочайше учрежденной комисіи для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства и сельской производительности въ Россіи“, 1873 г.

нені представляло собою введеніе въ нѣмецкихъ хозяйствахъ малотильныхъ машинъ вмѣсто „дѣдовскихъ“ цѣповъ; какое громадное сбереженіе драгоцѣнной человѣческой силы и драгоцѣннаго времени обѣщали людямъ однѣ только эти машины, а между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, широкое распространеніе ихъ, даже по мнѣнію такихъ серьезныхъ нѣмецкихъ экономистовъ, какъ баронъ фонъ-деръ-Гольцъ¹⁾, обусловило собою то обстоятельство, что громадное большинство бѣднаго нѣмецкаго сельскаго люда, процитывавшаго себя зимою главнымъ образомъ ручной молотью хлѣба въ обширныхъ частныхъ экономіяхъ, покинуло родныя поля, чтобы переселиться въ города и послужить тамъ въ качествѣ дешевой рабочей силы для развитія фабрично-заводской промышленности, въ явный ущербъ земледѣльческому промыслу. Мало того, постепенное распространіе всякаго рода с.-х. машинъ и орудій, ограничивавшихъ потребности хозяевъ въ сельскихъ рабочихъ, съ одной стороны, и невѣроятно быстрый ростъ нѣмецкой фабрично-заводской промышленности послѣ франко-прусской войны — съ другой, привели въ концѣ концовъ къ тому, что напр., въ селахъ В. Пруссіи почти вовсе не стало рабочихъ, и крупные сельскіе хозяева стали требовать чуть не новаго насильственнаго прикрѣпленія бывшихъ своихъ рабочихъ къ землѣ²⁾).

Въ виду подобныхъ поучительныхъ примѣровъ исторіи, мнѣ кажется, намъ слѣдовало бы положить себѣ за правило: по возможности твердо стоять за незыблемость тысячелѣтняго строя крестьянскаго быта и міросозерцанія и положить все лучшее изъ ихъ состава въ основаніе низшаго сельско-хозяйственнаго образованія.

Ставъ, однако, твердой ногой на ту самую почву, кото-

1) Die agrarischen Aufgaben der Gegenwart, 1895 г.

2) Стараясь, повидимому, дать наиболѣе научное объясненіе несомнѣнному факту переселенія сельскихъ рабочихъ въ города, нѣкоторыя нѣмецкія газеты теперь указываютъ не на измѣнившіяся экономическія условія, а на присущую, будто бы, *нѣкоторымъ* народностямъ, прирожденную склонность къ странствованію и переселенію.

рой, замѣтимъ здѣсь, не рѣшались поколебать ни Всемилюстивѣйшій Манифестъ 19-го февраля 61-го года, ни современники извѣстной валуевской комиссіи, мы невольно задаемъ себѣ слѣдующій простой и естественный вопросъ: чему мы, интеллигентные учителя агрономіи разныхъ ученыхъ степеней, будемъ обучать дѣтей нашихъ русскихъ и въ особенности великорусскихъ крестьянъ въ низшихъ с.-х. школахъ? Пахать землю сохой? бороновать ее самодѣльной бороной-смыкомъ? Или, можетъ быть, мы станемъ учить деревенскихъ ребятишекъ, какъ и когда сѣять хлѣбъ въ такой-то деревнѣ? Или сколько навоза слѣдуетъ класть на ту или иную землю въ теченіи трехпольнаго сѣвооборота? Или какъ голыми руками по зернышку выбирать сѣмена для посѣва? Или какъ владѣть косой и серпомъ? Наконецъ, быть можетъ, на подобіе „Домостроя“ мы рѣшимся обучать нашихъ крестьянъ всему складу ихъ деревенскаго хозяйства? Смѣло можно сказать однако, что самимъ крестьянамъ все это извѣстно въ большой мѣрѣ, чѣмъ намъ, что, затѣмъ, дѣти ихъ отлично научаются всѣмъ пріемамъ техники крестьянскаго хозяйства у своихъ же родителей и что, наконецъ, скорѣе крестьянинъ можетъ научить насъ, какъ слѣдуетъ приспособляться ко всѣмъ обстоятельствамъ и особенностямъ сельской жизни, а не мы его. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не мы по прибытіи въ деревню (въ качествѣ управляющихъ имѣніями или самостоятельныхъ хозяевъ, или наконецъ учителей) начинаемъ учиться у мужика не только простѣйшимъ пріемамъ хозяйственной техники, но и всѣмъ вообще мѣстнымъ условіямъ хозяйства?

Если же мы такимъ образомъ не возьмемъ на себя смѣлости обучать крестьянскихъ дѣтей всему тому, чему они постепенно и притомъ наглядно научаются отъ своихъ родителей или односельчанъ, то чему же тогда мы станемъ обучать ихъ въ низшихъ с.-х. школахъ, не рискуя подпасть подъ снисходительную критику своихъ же, между нами будь сказано, учителей-крестьянъ? Если задать этотъ вопросъ современному ученому агроному, который проходилъ сельское хозяйство по иност-

раннымъ учебникамъ ¹⁾ и который на всякую с.-х. школу смотритъ, какъ на разсадникъ дешевыхъ управляющихъ и старостъ для иомѣщичьихъ имѣній, то онъ, не затрудняясь, отвѣтитъ на него въ томъ смыслѣ, что въ школахъ слѣдуетъ учить отнюдь не тѣмъ рутиннымъ правиламъ деревенской техники хозяйства, которыя не только осуждены чужеземной агрономической наукой, но и нашимъ правительствомъ иногда признаются убыточными для страны; напротивъ, въ с.-х. школахъ слѣдуетъ обучать правиламъ интенсивнаго хозяйства ²⁾, напр.: какъ слѣдуетъ обращаться съ улучшенными орудіями обработки земли и ея продуктовъ, какъ и въ какомъ случаѣ слѣдуетъ замѣнять хлѣбный навозъ искусственными удобрениями, какъ воздѣлывать на мѣстѣ превосходныя посѣвныя сѣмена, какъ заводить травосѣяніе и культуру корнеплодовъ на поляхъ и какъ вообще добывать самые высокіе урожаи съ небольшихъ участковъ земли.

Я. конечно, далекъ отъ того, чтобы такъ или иначе останавливать всякое стремленіе обучать нашихъ крестьянъ — въ массѣ, разумѣется, — интенсивному хозяйству; напротивъ: я нахожу даже, что наши крестьяне, имѣя они только необходимыя на то средства, болѣе помѣщиковъ способны насадить у себя самую интенсивную полевую культуру; тѣмъ не менѣе и меня интересуетъ вопросъ, какимъ это образомъ, зная сущность интенсивнаго хозяйства, а главное, его финансовыя, техническія и экономическія требованія, мы могли бы практически научить крестьянскихъ дѣтей этого рода хозяйству, не разрушая, хотя бы только въ теоріи, тысячелѣтняго мірскаго и общиннаго строя ихъ отцовъ? Въ самомъ дѣлѣ, если даже такая общепризнанная у крестьянъ хозяйственная мѣра, какъ травосѣяніе на поляхъ, и та вызываетъ у нихъ

1) Много ли у насъ въ самомъ дѣлѣ оригинальныхъ русскихъ учебниковъ по сельскому хозяйству?

2) Замѣчательно то при этомъ, что о р а ц і о н а л ь н о м ъ хозяйствѣ въ данномъ случаѣ говорится очень рѣдко.

долгія размышленія о томъ, какъ бы кому отсюда не вышло обиды и т. п., прежде чѣмъ какое-нибудь крестьянское общество рѣшится (разумѣется, уже все цѣликомъ) посѣять хоть немного травы, то едвали можно даже представить себѣ, какая буря поднимется въ крестьянской средѣ, если нѣкоторые отдѣльные члены ея предложатъ, напр., упразднить раздѣленіе земли на узкія полосы, въ виду дѣйствительно большаго удобства при ея обработкѣ. Скажу болѣе того: нашимъ крестьянамъ теоретически извѣстны весьма многіе техническіе приемы и условія интенсивнаго хозяйства; многимъ изъ нихъ они отдаютъ даже должную справедливость, но, если они тѣмъ не менѣе не вводятъ ихъ въ свое хозяйство, то отнюдь не по невѣжеству, а либо вслѣдствіе ограниченности земельныхъ надѣловъ, либо вслѣдствіе несовмѣстимости какихъ-либо нововведеній съ общимъ строемъ ихъ полеваго хозяйства, либо вслѣдствіе нежеланія допускать въ своей средѣ обогащенія однихъ на счетъ другихъ, либо, наконецъ, по недостатку денежныхъ средствъ.

Принявъ все сказанное сейчасъ во вниманіе, мы невольно возвращаемся опять къ тому школьному учителю, который яко бы долженъ преподавать крестьянскимъ дѣтямъ одни начала интенсивной культуры и стараться проводить ее (черезъ этихъ дѣтей) въ крестьянскую среду цѣною всего лучшаго и даже всего святаго для нея. Спрашивается, въ какое положеніе такой учитель ставитъ дѣтей къ ихъ родителямъ? не позаимствуютъ ли ученики отъ своего учителя хоть нѣкоторой доли того неуваженія къ своимъ родителямъ, которое онъ самъ къ нимъ питаетъ?

Вполнѣ соглашаясь со всѣмъ этимъ, иными словами, отдавая въ школахъ всю справедливость и даже должное уваженіе вѣками сложившейся культурѣ русскаго народа, намъ могутъ однако замѣтить слѣдующее. Если дѣйствительно не возможно приступить сейчасъ же къ введенію (черезъ посредство школъ и даже спеціальныхъ правительственныхъ мѣропріятій) въ крестьянское хозяйство интенсивной системы полеводства,

не только не прибѣгая къ коренной ломкѣ всего хозяйственнаго и общественнаго строя и даже міросозерцанія крестьянъ, но и безъ нарушенія простѣйшихъ правилъ педагогики, то, быть можетъ, ту-же интенсивную систему слѣдуетъ вводить крайне постепенно, дружески совѣтуя крестьянамъ вставлятъ тѣ или другіе усовершенствованные техническіе приемы въ существующую общекрестьянскую организацію хозяйства. Къ сожалѣнію, въ качествѣ учителей мы не подготовлены еще и къ этой задачѣ, и вотъ на какомъ основаніи: 1) сами мы не знаемъ въ деталяхъ всего строя крестьянскаго хозяйства а, слѣдовательно, сами не можемъ разобраться, что въ немъ существенно и что нѣтъ; 2) мы сами не знаемъ въ точности, какое вліяніе имѣютъ на нашъ общекрестьянскій строй хозяйства отдѣльныя мѣропріятія интенсивной системы; 3) мы сами не увѣрены въ томъ, что эта интенсивная система оправдаетъ себя и у насъ въ общемъ итогѣ сельско-хозяйственно-экономическихъ отношеній на столько же, на сколько это имѣло мѣсто въ Зап. Европѣ, начиная съ 50-хъ годовъ и вплоть до 93 года этого столѣтія¹⁾ и, наконецъ, 4) въ своихъ просвѣтительныхъ стремленіяхъ мы забываемъ постоянно, что имѣемъ дѣло чаще всего не съ отдѣльными личностями изъ крестьянъ, а съ цѣлымъ крестьянскимъ „міромъ“, въ которомъ каждая единица значить ровно столько же, сколько и все цѣлое. Иными словами, мы забываемъ, что только тогда мы можемъ надѣяться на измѣненіе существующей системы хозяйства, когда на это дадутъ свое

1) До послѣдняго времени въ Зап. Европѣ доходы съ имѣній дѣйствительно возрастали параллельно съ улучшеніемъ техники и вообще съ повышеніемъ интенсивности хозяйства. Въ послѣдніе годы однако даже нѣмецкіе сельскіе хозяева, по видимому, начинаютъ сомнѣваться въ рациональности своей высокой земледѣльческой культуры (см. Deutsche Landwirtschaftliche Presse 1896 г. № 85). Въ 1894 году я лично отъ пр. Ю. Кюна слышалъ, что по его расчетамъ, сдѣланнымъ имъ на основаніи 13-лѣтнихъ данныхъ опытною поля, выходитъ, что теперь бываетъ выгоднѣе сѣять ежегодно на одномъ и томъ же полѣ рожь (по удобренію), чѣмъ поддерживать на прежней высотѣ плодосмѣнную систему полеводства. Можетъ быть, не мѣшаетъ здѣсь же прибавить, что въ 1894 году въ Германіи рожь стоила ок. 95 к. за пудъ, т. е. почти вдвое дороже, чѣмъ у насъ.

согласіе поголовно всѣ представители крестьянскаго міра, т. е. и бѣдный и богатый и умный и глупый. Находясь же въ постоянной неизвѣстности относительно всего вышеизложеннаго, мы, такимъ образомъ, рискуемъ въ качествѣ учителей и администраторовъ лишиться всякаго довѣрія крестьянъ и свести все дѣло улучшенія крестьянскаго быта и хозяйства на многочисленныя приказанія начальства, которыя, по представленію крестьянъ, издаются для строгости: „чтобы строго было“! 1).

Итакъ, намъ, по видимому, не остается ничего другого, какъ ждать, пока нашъ крестьянскій міръ сообща и добровольно (т. е. безъ всякихъ „энергичныхъ“ мѣропріятій съ нашей стороны, а также и безъ помощи черезчуръ тенденціозно и агрессивно настроенныхъ учителей) не придетъ отъ старой „дѣдовской“ организаціи хозяйства къ какой-нибудь новой: можетъ быть, лучшей, чѣмъ современная, можетъ быть болѣе интенсивной и выгодной, какъ для крестьянъ такъ и для государства, но, во всякомъ случаѣ — болѣе раціональной. Въ этой надеждѣ насъ можетъ укрѣплять, по крайней мѣрѣ, примѣръ тѣхъ многочисленныхъ волоколамскихъ крестьянъ (Моск. г.), которые, и не учившись еще въ нашихъ с.-х. школахъ, безъ принужденія, цѣлыми обществами (а, слѣдовательно, и никого не обижая изъ своей среды), сами измѣнили свою старинную систему полеводства 2). Можетъ быть, слѣдуетъ надѣяться, что такимъ же способомъ и другія русскія крестьянскія общества со временемъ перейдутъ отъ своего менѣе интенсивнаго хозяйства къ болѣе интенсивному, болѣе соотвѣтствующему данному мѣсту и времени, но не слѣдуетъ забывать только одного, а именно: для того, чтобы весь русскій крестьянскій міръ выработалъ въ себѣ столь желательную намъ способность быстро измѣнять свои

1) См. А. Энгельгардтъ: „Письма изъ деревни“.

2) Лицъ, желающихъ хотя вкратцѣ познакомиться съ успѣхами крестьянскаго хозяйства въ послѣднее время, мы отсылаемъ къ очеркамъ В. В.: „Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ“ 1892 г.

взгляды (напр., на свои порядки въ хозяйствѣ), а, главное, умѣлъ бы согласовать всѣ эти перемѣны съ своимъ тысячулѣтнимъ общественнымъ строемъ и своими правилами этики — для достиженія всего этого необходимо научить крестьянскій міръ быстро „шевелить мозгами“, т. е. быстро соображать какъ выгоды, такъ и невыгоды представляющихся перемѣнъ, а можетъ быть даже и рисковать. Однако, не трудно понять, что такого быстрого подъема интеллигентности въ цѣлой массѣ народа можно достигнуть лишь при посредствѣ общаго развитія ея въ общеобразовательныхъ школахъ, въ которыхъ преподаются, кромѣ грамоты въ тѣсномъ смыслѣ слова, еще: ариѳметика, отечественная исторія, географія, о также и другіе предметы, служащіе для всесторонняго развитія ума.

Такимъ образомъ, что касается внѣшней власти вообще, а насъ учителей — въ частности, то съ этой стороны, въ вопросѣ объ улучшеніи крестьянскаго хозяйства, все стараніе должно быть направлено прежде всего къ поднятію общаго (а не спеціально сельско-хозяйственнаго) образованія народа въ сельскихъ школахъ. Затѣмъ, мы не должны спорить съ тѣмъ, что этого рода образованіе должно быть сдѣлано общераспространеннымъ и общедоступнымъ для крестьянъ, но это — лишь подъ однимъ непремѣннымъ условіемъ, а именно: чтобы умъ народа отнюдь не развивался односторонне (напр., исключительно въ отношеніи быстроты соображенія или пониманія одной личной матеріальной выгоды), т. е. въ ущербъ той чистой нравственности, которая положена въ основаніе мірскаго и общиннаго устройства деревни. Во избѣжаніе такихъ горькихъ послѣдствій ненормальнаго развитія ума въ дѣтскомъ возрастѣ, необходимо заранѣе, т. е. при самой организаціи всеобщаго обученія грамотѣ въ сельскихъ школахъ Россіи, установить извѣстное равновѣсіе между свѣтскимъ и духовно-нравственнымъ просвѣщеніемъ.

Только твердо условившись относительно всего вышеизложеннаго, мы можемъ задать себѣ такой вопросъ: неужели прави-

тельство, земство, сельско-хозяйственные общества а также и отдельные доброжелатели народа, неужели же всё они, находясь иногда въ полной неизвѣстности относительно того направленія, которое можетъ принять въ будущемъ хозяйственная дѣятельность крестьянъ, осуждены терпѣливо ждать, пока все русское крестьянство, выучившись въ нашихъ сельскихъ школахъ, само не надумаетъ измѣнить систему своего хозяйства? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, нельзя съ очевидною пользою для Россіи заполнить чѣмъ-нибудь эту паузу въ развитіи народнаго хозяйства? Намъ кажется, что и теперь не слѣдуетъ сидѣть сложа руки; напротивъ того, мы можемъ оказать даже весьма существенную пользу народу и при нѣкоторыхъ современныхъ условіяхъ (напр., оставаясь при прежнихъ хозяйственныхъ распорядкахъ крестьянской среды а также и при всѣхъ своихъ недостаткахъ, какъ учителей). Дѣло въ томъ, что даже при полномъ нашемъ незнаніи духа и свойствъ народа, мы тѣмъ не менѣе можемъ научить его разнымъ спеціальнымъ занятіямъ въ области сельскаго хозяйства, какъ то: садоводству и огородничеству, пчеловодству, маслодѣлю и т. п. Зная основательно эти отрасли хозяйства, мы дѣйствительно можемъ преподавать ихъ какъ крестьянамъ, такъ и ихъ дѣтямъ „въ самомъ лучшемъ видѣ.“ Насъ будутъ со вниманіемъ слушать, намъ будутъ вполне довѣрять; тутъ не можетъ быть даже никакихъ поводовъ для критики. Скажу болѣе того. Весьма многія спеціальныя отрасли сельскаго хозяйства могутъ быть пройдены дѣйствительно самими крестьянскими ребятами (т. е. совершенно наглядно и притомъ на личной ихъ практикѣ), такъ какъ онѣ могутъ быть соразмѣрены не только съ физическими силами дѣтей, но такъ же и съ ихъ очень слабымъ умственнымъ развитіемъ, съ ихъ очень узкимъ кругозоромъ и недостаткомъ въ разумной критикѣ. Иными словами, для школьнаго преподаванія можно избрать такія спеціальныя отрасли хозяйства, которыя будутъ далеко не такъ сложны по своему составу, какъ организація всего сельскаго хозяйства и въ тоже время онѣ дадутъ дѣтямъ воз-

возможность попутно усвоить себѣ нѣкоторыя требованія и техническія приемы интенсивной культуры.

Итакъ, если мы, дорожа временемъ, желаемъ тотчасъ же приступить къ устройству низшихъ с.-х. школъ для крестьянскихъ дѣтей, то первоначально, по крайней мѣрѣ, эти школы должны носить спеціальныя характеръ.

Приучая такимъ способомъ крестьянскихъ дѣтей въ школахъ къ наиболѣе доходнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, мы не должны забывать и о ихъ родителяхъ, а именно: постепенно подготовляя и ихъ къ мысли о необходимости кое что измѣнить (въ виду общей пользы, конечно) въ своемъ рутинномъ хозяйственномъ строѣ и добровольно пойти на встрѣчу тому новому теченію въ деревенскомъ хозяйствѣ, представителемъ котораго можетъ явиться со временемъ молодое поколѣніе крестьянъ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя же отрицать, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ нашего отечества: и климатическія условія измѣнились, и почва утратила часть своего плодородія, и экономическія условія стали не тѣ, что были прежде — все это крестьянамъ необходимо взвѣсить и такъ или иначе примѣниться къ измѣнившемуся порядку вещей. Кромѣ сказаннаго, не надо упускать изъ виду и того важнаго обстоятельства, что въ послѣднее время крестьянскія хозяйства, по причинѣ частыхъ семейныхъ раздѣловъ, годъ отъ году, все болѣе и болѣе мельчаютъ, а вслѣдствіи этого въ крестьянской средѣ постепенно утрачиваются, накопленныя вѣковымъ опытомъ, хозяйственныя знанія, а также и умѣніе и искусство въ работѣ. Такимъ образомъ, намъ предстонтъ озаботиться о томъ, чтобы все это не только не исчезло безслѣдно, но напротивъ, въ возможной цѣлости перешло бы и къ молодому поколѣнію крестьянъ.

Мнѣ кажется, что для всѣхъ тѣхъ просвѣтительныхъ цѣлей, о которыхъ сейчасъ говорилось, намъ необходимо воспользоваться прежде всего лучшими силами своего же народа, а именно нѣкоторыми выдающимися личностями изъ среды крестьянъ. Этыхъ послѣднихъ мы можемъ склонить, съ од-

ной стороны, просвѣтительно дѣйствовать на менѣе интеллигентную массу своихъ односельчанъ, а съ другой — и кое-чему поучиться. Для того же, чтобы возбудить въ крестьянской средѣ столь живой интересъ къ дальнѣйшей судьбѣ своего хозяйства, а также и живой обмѣнъ мыслей и услугъ, для этого можно было бы учредить особый институтъ *странствующихъ учителей*. Ихъ ближайшая задача должна заключаться прежде всего въ томъ, чтобы выработать на мѣстѣ, въ деревнѣ, собственныхъ учителей или совѣтниковъ народа въ области сельскаго хозяйства. Дѣло въ томъ, что въ каждой, болѣе или менѣе значительной, русской деревнѣ можно всегда найти такихъ крестьянъ, которые и при современномъ рутинномъ способѣ хозяйства управляются съ этимъ послѣднимъ неизмѣримо лучше остальной массы. Эти „обстоятельные“ хозяева обладаютъ часто весьма обширными въ крестьянскомъ быту хозяйственными знаніями, они умѣютъ все хорошо „загадывать“, имъ все удается, они сознательно, критически относятся ко всякимъ нововведеніямъ, а главное — они дѣйствительно хорошо и даже искусно работаютъ. Однако, при всѣхъ этихъ достоинствахъ у нихъ есть одинъ очень крупный недостатокъ: они крайне не сообщительны и держатъ всѣ свои знанія большею частью про себя; съ ихъ смертью даже наука сельскаго хозяйства часто теряетъ громадную сокровища опытнаго знанія. Вотъ этихъ то наиболѣе „сильныхъ“ хозяевъ нашъ странствующій учитель и могъ бы повсюду отыскивать и убѣждать послужить своимъ примѣромъ, умомъ и свѣдѣніями общему благу крестьянства. Задача учителя будетъ, разумѣется, не легка, такъ какъ успѣхъ его миссіи будетъ зависѣть главнымъ образомъ отъ его личныхъ знаній, способностей и умѣнья говорить съ народомъ. Тѣмъ не менѣе, для того, чтобы хоть немного облегчить трудъ учителя, ему слѣдовало бы дозволить прибѣгать иногда къ разнаго рода мѣрамъ отличія и поощренія наиболѣе подходящихъ для его дѣла крестьянъ. Настроивъ надлежащимъ образомъ наиболѣе крѣпкихъ и разумныхъ хозяевъ, учитель

можетъ склонить ихъ прослушать у него общій курсъ раціональнаго хозяйства въ общепонятномъ изложеніи. Основною цѣлью такого преподаванія должно быть, однако, не столько прямое обученіе и даже не столько критика современнаго строя крестьянскаго хозяйства (она не подѣ силу и ученому агроному), а скорѣе — руководство для разумнаго деревенскаго хозяина къ свободному ориентированію его въ собственномъ хозяйствѣ, къ систематизаціи своихъ собственныхъ знаній и къ выработкѣ вполнѣ разумной критики. Только научившись всему этому у кого бы то ни было, наиболѣе обстоятельные крестьяне-хозяева будутъ не только желать, но и умѣть убѣждать своихъ односельчанъ, хотя по частямъ, измѣнять свой старый хозяйственный строй, не измѣняя своему излюбленному мірскому и общинному складу жизни. Кромѣ вышеозначенной обязанности для странствующаго учителя, на него могла бы быть возложена и еще одна — быть ближайшимъ посредникомъ между крестьянами и лицами, завѣдующими такъ наз. опытными и показательными полями и имѣніями¹⁾. Руководя крестьянами при посѣщеніи ими этого рода учреждений, странствующій учитель могъ бы служить проводникомъ въ крестьянской средѣ тѣхъ практическихъ знаній, которыя въ нихъ со временемъ накапливаются.

Въ заключеніе, я полагаю, что, обучая тѣмъ или другимъ способомъ только взрослыхъ крестьянъ общему строю какаго-нибудь раціональнаго хозяйства, а дѣтей ихъ — исключительно специальнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, мы поступимъ и наиболѣе педагогично и вмѣстѣ съ тѣмъ скорѣе осуществимъ нашъ идеаль раціональнаго деревенскаго хозяйства и при томъ — *при самыхъ благоприятныхъ для общаго блага прогнихъ условіяхъ.*

1) Въ послѣдней сессіи с. х. совѣта рѣшено было, между прочимъ, дать этого рода установленіямъ возможно болѣе широкое распространеніе въ Россіи.

Подводя, такъ сказать, общій итогъ всему вышензложенному, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ.

1) Въ основу низшаго сельско-хозяйственнаго образованія должны быть положены наилучшія этическія воззрѣнія, а также и вытекающія изъ нихъ хозяйственныя условія русской деревни. Оставаясь въ этой области, мы, учителя и администраторы, не имѣемъ никакого вѣскаго основанія подрывать въ крестьянскихъ дѣтяхъ довѣрія къ хозяйственнымъ знаніямъ ихъ родителей.

2) Низшія с.-х. школы должны служить всему простому деревенскому люду; въ нихъ должны обучаться на государственнй или общественнй счетъ крестьянскія дѣти въ качествѣ будущихъ самостоятельныхъ земельныхъ владѣльцевъ, а не въ качествѣ наемниковъ.

3) Крестьянская с.-х. школа, понимаемая въ обширномъ смыслѣ, должна состоять, такъ сказать, изъ двухъ отдѣленій: 1) — для крестьянскихъ дѣтей и 2) — для взрослыхъ крестьянъ. Первыхъ слѣдуетъ обучать исключительно спеціальнымъ отраслямъ с.-хозяйства, а вторыхъ — главнымъ образомъ, общему строю рациональнаго хозяйства, отнюдь не предрѣшая однако заранѣе, будетъ ли оно интенсивное или — б. или м. экстенсивное.

4) По отношенію къ вопросу объ улучшеніи крестьянскаго хозяйства, наша задача (учителей и администраторовъ) должна заключаться: 1) въ доставленіи средствъ къ расширенію общаго образованія крестьянъ; 2) въ указаніи имъ (послѣ соответствующихъ изслѣдованій) на тѣ или другія измѣнившіяся условія (внѣшнія или внутреннія) ихъ хозяйства и 3) въ указаніи крестьянамъ путей и средствъ къ переходу отъ менѣе рациональнаго хозяйства — къ болѣе рациональному.

II.

Указавъ выше на самыя общія черты низшаго сельско-хозяйственнаго образованія для Россіи, мы имѣли въ виду, какъ это хорошо извѣстно читателю, современныя основы крестьянскаго

общественнаго устройства и даже крестьянскаго хозяйственнаго строя. Теперь спрашивается: чей быть, чье міросозерцаніе и чью хозяйственную дѣятельность мы должны положить въ основаніе средняго сельско-хозяйственнаго образованія; иными словами, кого мы можемъ обучать въ среднихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ, чему и для чего?

Крестьянамъ, какъ извѣстно, противопоставляютъ такъ наз. частныхъ владѣльцевъ, которые не признаютъ не только общиннаго и мірскаго строя, но даже и не составляютъ изъ себя деревень. Въ числѣ ихъ находится не мало бывшихъ крестьянъ, но, можетъ быть, еще болѣе — лицъ другихъ сословій: дворянъ, купцовъ и т. д. Сюда же входятъ, разумѣется и такъ наз. крупные и мелкіе помѣщики и владѣльцы¹⁾. Эта группа землевладѣльцевъ столь велика, что мы никакъ не можемъ ее игнорировать вообще и тѣмъ болѣе никакъ не можемъ оставить безъ спеціального сельско-хозяйственнаго образованія.

Посмотримъ теперь, каковы личныя и другія свойства нашихъ частныхъ владѣльцевъ по сравненію съ крестьянами, иначе говоря, каково ихъ міросозерцаніе, каковы главныя основы ихъ хозяйственной дѣятельности и, наконецъ, каковы экономическія отношенія между крестьянами и частными владѣльцами.

Тогда какъ всѣ частныя владѣльцы являются, большею частью, разрозненными и въ общественномъ и въ экономическомъ отношеніи, крестьяне, напротивъ, въ большинствѣ случаевъ бываютъ сплочены въ одно цѣлое и во всякомъ дѣлѣ руководствуются мірскимъ умомъ, мірскою совѣстью а весьма часто — и принципами общиннаго владѣнія. Дѣйствуя постоянно сообща, скопомъ и въ совершенствѣ зная свое крестьянское дѣло, крестьяне не видятъ еще сильной потребности ни во всестороннемъ индивидуальномъ развитіи личности, ни въ приобрѣтеніи обшир-

1) Частныхъ владѣльцевъ въ 49 губ. Евр. Россіи (исключая Донскую Область) — 487, 693, что составляетъ ок. 22 % всѣхъ земельныхъ владѣльцевъ. См. „Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства“. 1897 г.

ныхъ знаній въ одиночку. Напротивъ, частные владѣльцы почти постоянно бываютъ предоставлены каждый самому себѣ; они отлично знаютъ, что ихъ удѣлъ — взаимное соперничество и что въ борьбѣ за мірскихъ благъ побѣдитъ тотъ изъ нихъ, кто всѣхъ лучше вооруженъ, какъ знаніями, такъ и средствами къ жизни. Поэтому разностороннее индивидуальное развитіе личности въ средѣ частныхъ владѣльцевъ является требованіемъ первостепенной важности.

Что касается теперь религіозныхъ и политическихъ убѣжденій, нравственныхъ свойствъ и вообще всего міросозерцанія, то въ этомъ отношеніи группа частныхъ владѣльцевъ обнаруживаетъ, какъ всѣмъ извѣстно, крайнюю пестроту и даже неустойчивость взглядовъ, цѣлей и стремленій. Совсѣмъ не то представляетъ собою наша тѣсно сплоченная масса крестьянъ. Эти пестроту и неустойчивость возрѣній въ средѣ частныхъ владѣльцевъ непремѣнно слѣдовало бы принять во вниманіе при воспитаніи ихъ грядущаго поколѣнія и постараться сгладить чѣмъ-нибудь встрѣчающіяся неровности для общаго блага Россіи, напр., при посредствѣ горячаго патріотизма.

Въ сельско-хозяйственномъ отношеніи частные владѣльцы отличаются прежде всего тѣмъ, что имѣютъ непреодолимое стремленіе распространять, каждый особо, свои земельныя владѣнія и всѣми мѣрами скоплять въ своихъ рукахъ денежные капиталы. Какъ денежные капиталы, такъ и обширныя земельныя владѣнія служатъ имъ иногда, дѣйствительно, для развитія разумной и даже интенсивной культуры, но иногда, напротивъ того, всѣ эти блага служатъ частнымъ владѣльцамъ только для новыхъ, большею частью, безцѣльныхъ и бесполезныхъ для общаго блага завоеваній въ экономической области; причемъ весьма нерѣдко первымъ объектомъ этихъ завоеваній, какъ показываетъ исторія¹⁾, являются сосѣдніе съ частными

1) Лицамъ, желающимъ познакомиться съ исторіей землевладѣнія въ В. Пруссіи, мы рекомендуемъ обширную статью Зака (Русское Богатство за 1897) подъ заглавіемъ: „Нѣмецкій крестьянинъ послѣ освобожденія“.

владѣльцами крестьяне. Являясь, затѣмъ, въ большинствѣ случаевъ единственнымъ, постояннымъ и притомъ крупнымъ поставщикомъ рынковъ (какъ внутренняго, такъ и всемірнаго) въ отношеніи сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, группа частныхъ владѣльцевъ и вызываетъ то значительное колебаніе хлѣбныхъ и иныхъ цѣнъ, которое не рѣдко обуславливаетъ собою критическое состояніе сельскаго хозяйства.

Масса крестьянъ и въ этихъ отношеніяхъ отличается отъ массы частныхъ владѣльцевъ. Крестьяне стараются расширить свои земельныя владѣнія лишь на столько, на сколько это вызывается ихъ личными, далеко, впрочемъ, не обширными и не безиредѣльными потребностями; затѣмъ, сколько-нибудь значительныхъ денежныхъ капиталовъ крестьяне, какъ извѣстно, не скопляютъ, полагаясь въ своей хозяйственной дѣятельности исключительно на свой личный, болышею частью физическій и умственный трудъ; наконецъ, сельско-хозяйственная производительность крестьянъ въ пользу рынка (въ особенности внѣшняго) въ общемъ итогѣ можетъ быть признана незначительной.

Все вышеизложенное указываетъ намъ на то, что частные владѣльцы представляютъ собою не только типичную и строго обособленную хозяйственную группу, но, что важнѣе всего, эта группа находится часто въ извѣстномъ, можетъ быть, даже безсознательномъ антагонизмѣ съ массой крестьянства.

Слѣдуя нашему прежнему плану изложенія, мы спрашиваемъ себя теперь: на сколько устойчива у насъ группа частныхъ владѣльцевъ? Способна ли она возрасти численно? Прочны ли тѣ принципальныя основы ея хозяйственной дѣятельности и тѣ экономическія отношенія между крестьянами и частными владѣльцами, о которыхъ только что упоминалось и, наконецъ, выгодно ли для государства существованіе въ Россіи частнаго землевладѣнія, при какихъ бы то ни было условіяхъ?

Какъ показываютъ намъ статистическія изслѣдованія о движеніи земельной собственности въ Россіи, частное землевладѣніе у насъ по разнымъ причинамъ не отличается той устойчи-

чивостью, которая необходима для развитія сельско-хозяйственной промышленности, а именно: частныя имѣнія у насъ непрерывно и притомъ въ теченіи очень короткаго времени переходятъ изъ однихъ рукъ въ другія. Въ каждомъ частномъ случаѣ эта мобилизація земельной собственности продолжается обыкновенно до тѣхъ поръ, пока послѣдняя не окажется, наконецъ въ рукахъ у крестьянъ. Такимъ образомъ, есть нѣкоторое основаніе думать, что частное владѣніе, въ нѣкоторомъ отдаленномъ будущемъ, постепенно растаетъ т. ск. подъ дружнымъ напоромъ крестьянства. Тѣмъ не менѣе, въ настоящее время намъ приходится считаться съ существующимъ фактомъ, а именно: на ряду съ огромнымъ количествомъ частныхъ владѣній, крайне слабыхъ, неустойчивыхъ и ведущихъ даже не рациональное экстенсивное хозяйство, имѣется и у насъ въ Россіи не мало прочныхъ и, въ извѣстномъ смыслѣ, даже цѣнныхъ имѣній. Въ этихъ имѣніяхъ уже давно ведется образцовое рациональное хозяйство — часто даже весьма интенсивное; въ нихъ окрестные крестьяне находятъ себѣ нерѣдко большіе заработки (какъ лѣтомъ такъ и зимой) и вмѣстѣ съ тѣмъ многому научаются; далѣе, въ отношеніи ихъ не только не можетъ быть рѣчи объ антагонизмѣ частнаго владѣнія съ крестьянскимъ, но напротивъ того, можно бываетъ констатировать весьма полезный обмѣнъ услугами; въ нихъ затѣмъ производится постоянно много сельско-хозяйственныхъ опытовъ, имѣющихъ огромное значеніе для науки; наконецъ, къ владѣльцамъ этого рода имѣній и государство нерѣдко обращается за совѣтомъ въ спеціальныхъ сельско-хозяйственныхъ вопросахъ, словомъ, существованіе такихъ (большую частью крупныхъ) частныхъ имѣній бываетъ соединено иногда съ огромной пользой для государства.

Такимъ образомъ, мы думаемъ, что если для государства и можетъ быть полезно сохраненіе извѣстной доли частнаго землевладѣнія наряду съ крестьянскимъ, то лишь только при томъ условіи, что между тѣмъ и другимъ будутъ существовать извѣстныя мирныя, культурныя отношенія, развивающіяся на почвѣ добрососѣдскихъ отношеній а также — и взаимныхъ услугъ и

уступокъ. Наконецъ, если и при этихъ условіяхъ почему нибудь не возможно избѣжать въ нашей хозяйственной дѣятельности нѣкотораго соревнованія, то пусть это имѣетъ мѣсто между соперниками болѣе или менѣе равными по своимъ силамъ, а главное, пусть это соревнованіе между частнымъ и общиннымъ владѣніемъ, (а также между отдѣльнымъ лицомъ и крестьянскимъ „міромъ“) послужитъ въ послѣдствіи на общую ихъ пользу.

Но вотъ вопросъ, возможно ли фактически установить повсемѣстно въ Россіи такія нормальныя культурныя отношенія между частными и крестьянскими а также и вообще между крупными и мелкими хозяйствами, о которыхъ сейчасъ говорилось? Къ сожалѣнію, мы должны признать, что у насъ есть мѣстности, гдѣ достигнуть этого еще нельзя и надѣяться. Причинами тому являются: или племенная и вѣроисповѣдная разнь между различными группами владѣльцевъ или чрезмѣрный аристократизмъ у частныхъ владѣльцевъ или разрозненность у крестьянъ или, наконецъ, полная необезпеченность мелкихъ владѣльцевъ вообще. Но за то, съ другой стороны, у насъ и теперь есть (въ особенно во внутреннихъ губерніяхъ Россіи), можно сказать, огромныя пространства, на которыхъ вполне возможно, при извѣстномъ стараніи, установить извѣстный симбіозъ какъ между помѣщиками и крестьянами, такъ и вообще между крупными и мелкими землевладѣльцами. Какъ показываетъ опытъ, въ этихъ мѣстностяхъ можно развить такія отрасли хозяйства, въ которыхъ съ обоюдной выгодой могутъ принимать участіе и, можетъ быть, даже богатѣть всѣ группы хозяевъ, таковы напр.: племенное скотоводство, выпаиваніе телятъ, маслослѣніе, садоводство, сѣменное хозяйство и т. под.

И такъ, при организаціи средняго сельско-хозяйственнаго образованія должны быть приняты во вниманіе — конечно съ извѣстными исправленіями — какъ личныя свойства, такъ и сельско-хозяйственно-экономическія условія группы частныхъ владѣльцевъ земли; изъ этой же среды, по всей вѣроятности, приходится набирать и весь контингентъ учащихъ въ среднихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ.

Чему же слѣдуетъ обучать въ этихъ среднихъ с.-х. школахъ дѣтей частныхъ владѣльцевъ? Намъ кажется, что важнѣйшей задачей для нашей средней с.-х. школы должно служить обученіе дѣтей, на ряду съ общеобразовательными предметами, самостоятельной и разумной хозяйственной дѣятельности, основанной на началахъ гуманности и общерусскаго патриотизма. Въ частности, проэктируемая средняя с.-х. школа, въ лицѣ своего учащаго персонала, должна приложить старанія къ тому, чтобы всѣ, учившіеся въ ней, удовлетворяли слѣдующимъ условіямъ: 1) вполне (даже въ совершенствѣ) усвоили на практикѣ общеупотребительныя техническія приемы сельскаго хозяйства и 2) въ совершенствѣ познали экономическія условія извѣстнаго сельско-хозяйственнаго района Россіи. Всего этого можно достигнуть только именно въ средней сельско-хозяйств. школѣ, такъ какъ ея обычный складъ жизни и общая обстановка преподаванія допускаютъ, съ одной стороны, неусыпное наблюденіе за занятіями и поведеніемъ учащихся, а съ другой — внимательное и строго-педагогическое руководство ими. Еще одно замѣчаніе. При преподаваніи техническихъ приемовъ сельскаго хозяйства и сельско-хозяйственной экономіи необходимо соблюдать ту же послѣдовательность, на которую было указано нами выше въ главѣ о низшемъ сельско-хозяйственномъ образованіи, а именно: при составленіи программъ и учебныхъ плановъ для учащихся необходимо и въ средней с.-х. школѣ сообразоваться съ ихъ возрастомъ и съ физическими и умственными силами.

Изъ предыдущаго ясно, что, по нашему мнѣнію, сельско-хозяйственное образованіе, получаемое дѣтьми частныхъ владѣльцевъ въ среднихъ с.-х. школахъ, должно быть обширнымъ и, въ извѣстномъ смыслѣ, — даже окончательнымъ. Однако, для того, чтобы средняя с.-х. школа вполне отвѣчала нашимъ требованіямъ, она, по необходимости, должна быть обставлена извѣстнымъ цикломъ учебно-вспомогательныхъ учреждений, имѣющихъ близкое отношеніе, какъ къ преподаванію техники сельскаго хозяйства, такъ равно и къ преподаванію экономики.

При этомъ, ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ забывать и о тѣхъ изъ общественныхъ и государственныхъ установле- ній, съ которыми практическому хозяину приходится часто вхо- дить въ ближайшее сношеніе, напр.: государственныя и земскія кредитныя учрежденія, губернская чертежная, общественныя и казенныя музеи, элеваторы, казенныя конскіе заводы и т. п.; иными словами, и ихъ слѣдуетъ включить въ число такихъ учебно-всиомогательныхъ учрежденій, куда обязательно дол- женъ быть открытъ доступъ учащимся въ с.-х. школахъ, разумѣется, подъ руководствомъ учебнаго начальства и съ учебными цѣлями.

Какъ должны быть распредѣлены по Россіи наши среднія с. х. школы? Въ этомъ отношеніи необходимо принять во вниманіе, съ одной стороны, ожидаемое количество учащихся, а съ другой — сельско-хозяйственныя условія различныхъ об- ластей Россіи. Теоретически разсуждая, мы думаемъ, что въ общемъ необходимо было бы въ каждой губерніи имѣть хотя по одной средней с. х. школѣ¹⁾. Намъ могутъ, однако же возразить, что такое значительное число среднихъ с. х. школъ, которое мы предлагаемъ завести у насъ, равно какъ и вся наша система с. х. образованія, потребуютъ отъ госу- дарства очень крупныхъ издержекъ; а между тѣмъ, можетъ случиться что число учениковъ въ нашихъ школахъ окажется недостаточнымъ для того, чтобы оправдать, такъ сказать, за- боты и траты правительства о широкомъ распространеніи сель- ско-хозяйственнаго образованія въ Россіи. Устранить всѣ эти опасенія сейчасъ, т. е. находясь въ тѣсной области спеціаль- наго сельско-хозяйственнаго образованія, мы, конечно, не въ состояніи; тѣмъ не менѣе, мы могли бы указать нѣкоторый вы- ходъ изъ тяжелаго положенія неизвѣстности, открывъ для с. х. школъ, можетъ быть, даже блестящее будущее. Въ самомъ дѣлѣ: развѣ средняя с. х. школа не можетъ выполнить назна- ченія, хотя бы, одного изъ существующихъ типовъ средняго

1) Въ Германіи въ 1895 году было ок. 20 среднихъ с. х. уч. зав. У насъ ихъ имѣется всего девять.

учебнаго заведенія, если не обоихъ заразъ? Затѣмъ, развѣ нельзя сдѣлать среднюю с. х. школу извѣстнымъ научно-практическимъ, просвѣтительнымъ и даже административнымъ центромъ для всей сельско-хозяйственной дѣятельности губерніи или области? . . .

III.

Мы предполагаемъ, такимъ образомъ, что, какъ весь практической, такъ отчасти и теоретической курсы сельскаго хозяйства, въ той мѣрѣ, въ которой они доступны юношеству, т. е. догматически, должны быть пройдены непременно въ средней с. х. школѣ. Поэтому, самъ собою возникаетъ вопросъ, какое значеніе, при этихъ условіяхъ, могутъ имѣть наши высшія с. х. школы; иными словами, кто будетъ учениками этихъ школъ, къ какому рода дѣятельности они будутъ готовиться и наконецъ, что выиграетъ вообще наша страна а также и наука и практика сельскаго хозяйства, вслѣдствіе распространенія высшихъ с. х. школъ.

Для приготовленія себя къ практическому веденію сельско-хозяйственнаго промысла въ извѣстной мѣстности, юношѣ, окончившему курсъ средняго сельско-хозяйственнаго образованія, дѣйствительно нѣтъ особенной необходимости отягощать свои силы новымъ рядомъ лѣтъ ученія: они мало прибавятъ ему практическихъ знаній, а между тѣмъ — непременно отнимутъ у него очень много денежныхъ средствъ. Все это, разумѣется, справедливо, но тѣмъ не менѣе нельзя забывать и того, что, кромѣ задачъ и цѣлей узко-практическихъ и узко-педагогическихъ, у насъ имѣются и другія, а именно: въ нашемъ очеркѣ остались не затронутыми и не разрѣшенными нѣкоторыя научныя и государственныя задачи въ области сельскаго хозяйства; ихъ то и можно было бы отнести въ кругъ дѣятельности высшихъ с. х. учебныхъ заведеній.

Эти высшія, т. ск., задачи высшаго с.-х. учебнаго заведенія, по нашему мнѣнію, суть слѣдующія.

1) Приготавливать учителей для среднихъ с.-х. школъ, а

также и чиновниковъ, завѣдующихъ различными учрежденіями, клонящимися къ процвѣтанію сельскаго хозяйства.

2) Заниматься изученіемъ всероссійскихъ и даже всемірныхъ сельско-хозяйственно-экономическихъ условій.

3) Составлять общіе и спеціальныя курсы и учебники по различнымъ отраслямъ русскаго сельскаго хозяйства.

4) Находится въ постоянныхъ научныхъ сношеніяхъ, какъ съ русскими такъ и иностранными с.-х. учебными заведеніями и обязательно провѣрять всѣ важнѣйшіе опыты¹⁾, которые тамъ производятся.

5) Самостоятельно (опытнымъ и экспедиціоннымъ путемъ) разрѣшать техническіе и экономическіе вопросы въ области сельскаго хозяйства.

Послѣ всего этого, у насъ уже самъ собою обрисовывается (въ общихъ чертахъ) характеръ русскаго высшаго с.-х. учебнаго заведенія. Это можетъ быть, или совершенно самостоятельное высшее с.-х. учебное заведеніе, на подобіе Московскаго С.-Х. Института, или оно можетъ быть одновременно съ тѣмъ и особымъ отдѣленіемъ физико-математическаго факультета въ университетѣ. Въ частности, для приготовленія учителей сельскаго хозяйства, такое приурочиваніе высшаго с.-х. учебнаго заведенія къ университету можетъ считаться даже весьма желательнымъ²⁾.

1) Въ послѣднее время въ Германіи появляется очень много опытовъ искусственной культуры растений. Результаты этого рода изслѣдованій (напр. — П. Вагнера, М. Меркера и др.) бываютъ часто большою неожиданностью для практическихъ сельскихъ хозяевъ и приводятъ ихъ иногда даже въ нѣкоторое смущеніе. Въ самомъ дѣлѣ, теперь оказывается напр. (если слѣпо вѣрить изслѣдователямъ), что не только костяная мука, но даже и навозъ не можетъ, будто бы, имѣть никакого значенія въ качествѣ удобрительнаго вещества. Развѣ не слѣдуетъ провѣрять такого рода опытовъ?

2) Я склоненъ былъ бы даже совѣтовать раздѣлить физико-математическій факультетъ въ университетѣ на слѣдующія два отдѣленія: математическое и сельско-хозяйственное. Въ такомъ отступленіи отъ настоящаго порядка я не вижу никакого ущерба для развитія естествознанія. Въ самомъ дѣлѣ, если прежде изученіемъ сельскаго хозяйства не безъ успѣха занимались ботаники и даже химики (напр., Либигъ,

Въ число учениковъ высшей с.-х. школы могутъ быть принимаемы, главнымъ образомъ, лица, окончившіе курсъ въ среднемъ с.-х. учебномъ заведеніи. Въ виду того, что наши студенты высшей с.-х. школы не будутъ болѣе нуждаться въ строго-систематическомъ и притомъ элементарномъ преподаваніи имъ всего процесса сельскаго хозяйства, въ виду этого и самая программа преподаванія въ проэктируемомъ высшемъ с.-х. учебномъ заведеніи должна нѣсколько отличаться отъ современной, а именно: учащіеся въ немъ должны будутъ теперь посвящать свое время (3—4 года), съ одной стороны, развитію своего общаго (главнымъ образомъ естественно-историческаго) образованія, а съ другой — изученію исторіи и методики сельскаго хозяйства. Лѣтнее время учащіеся въ высшемъ с.-х. учебномъ заведеніи могутъ проводить въ путешествіи по Россіи съ научною цѣлью, напр.: для собиранія сельскохозяйственно-статистическихъ матеріаловъ, для обозрѣнія и даже изученія лучшихъ хозяйствъ, опытныхъ имѣній и полей и, можетъ быть, даже для отправленія обязанностей странствующихъ учителей. По окончаніи курса наукъ въ высшемъ с.-х. учебномъ заведеніи нашъ агрономъ можетъ быть, по желанію, принятъ не только на частную, но и на государственную службу, имѣющую близкое отношеніе къ сельскому хозяйству. Въ противномъ случаѣ, онъ можетъ посвятить себя дальнѣйшему изученію естествознанія или же — науки сельскаго хозяйства.

Само собою понятно, что для осуществленія своихъ научныхъ и, въ частности, педагогическихъ задачъ и высшее

А. Энгельгардтъ, Саксъ и др.), то, думается, съ тѣмъ большею пользою для науки могутъ заниматься естествознаніемъ лица, спеціально знакомыя съ сельскимъ хозяйствомъ. Важнымъ ручательствомъ тому служить: а) знаніе сельскими хозяевами природы съ малолѣтства и б) тотъ широкій кругозоръ, который они получили, вращаясь издавна въ своей обширной области знанія. Примѣры сему также имѣются на лицо: Ю. Кюнъ, Гельригель и др. Будучи первоначально практическими сельскими хозяевами, они, тѣмъ не менѣе, въ послѣдствіи имѣли серьезное вліяніе на развитіе ботаники, зоологіи и даже химіи (особенно технической).

с.-х. учебное заведеніе (безразлично, будетъ ли оно состоять при университетѣ или будетъ существовать отдѣльно отъ него) должно быть обставлено необходимыми учебно-вспомогательными учрежденіями: лабораторіями, библіотекой, фермой, музеями и пр. и пр. Въ нихъ то и должны производиться, какъ самостоятельныя работы профессоровъ и студентовъ такъ равно и всякіе провѣрочные опыты.

Все вышеизложенное не можетъ, разумѣется, быть названо стройной системой сельско-хозяйственнаго образованія: многія детали, связующія между собою отдѣльныя части системы, здѣсь не указаны; многіе вопросы еще не разработаны съ должной подробностью; тѣмъ не менѣе, если бы сельско-хозяйственный совѣтъ Министерства Земледѣлія принялъ во вниманіе только то, что у насъ здѣсь есть, то и тогда онъ, по всей вѣроятности, измѣнилъ бы свой взглядъ на планъ сельско-хозяйственнаго образованія въ Россіи.

Юрьевъ, 23 Апрѣля 1898 г.

С. Богушевскій.

Рабочіе дома и дома трудолюбія.

(Публичная лекція экстраординарнаго профессора Н. Н. Бѣлявскаго въ пользу Общества для пособія недостаточнымъ студентамъ Императорскаго Юрьевскаго университета.)

Общественный организмъ современныхъ намъ культурныхъ націй страдаетъ многими социальными недугами, надъ которыми приходится серьезно призадумываться администратору и законодателю*). Какъ лучше придти на помощь

*) Важнѣйшая литература. De Malaree. Histoire des salies d'asile et des asiles ouvroirs. Paris 1855.

R. Spearman. The Paris municipal refuge for working women (Westminster Review, 1891, May).

Blitzer. Bezirksarmenhäuser in Sachsen. 1864.

K. Kries. Die englische Armenpflege. Berlin. 1863.

W. Roscher. System der Armenpflege und Armenpolitik. Stuttgart. 1894.

R. von Mohl. Arbeitshäuser (Staatslexikon von Rotteck und Welker. Altona. 1856).

Loening. Armenwesen (Handbuch der Politischen Oekonomie von G. Schönberg. B. III. IV Auflage, Tübingen. 1891).

Rumpelt. Arbeitshäuser. (Handwörterbuch der Staatswissenschaften von Conrad, Elster, Lexis, Loening. Jena. 1890).

L. Say. Nouveau dictionnaire d'économie politique. Paris. 1891.

В. Дерюжинскій. Замѣтки объ общественномъ призрѣніи. Москва. 1893.

Проф. П. И. Георгіевскій. Призрѣніе бѣдныхъ и благотворительность. С.-Петербургъ. 1894.

С. Сперанскій. Къ исторіи нищенства въ Россіи. С. Петербургъ. 1897.

„Дѣтская помощь“. С. Петербургъ. 1892.

„Вѣстникъ Финансовъ, Промышленности и Торговли“. С. Петербургъ. № 4, 1896.

„Трудовая помощь“. С. Петербургъ. №№ 1, 2, 1897.

Описаніе постройки Одесскаго дома трудолюбія памяти Императора Александра III. Одесса. 1897.

истинной нуждѣ, какъ отличить порочное бездѣльничанье, уклоненіе отъ основнаго закона жизни — въ потѣ лица добывай хлѣбъ свой — отъ дѣйствительнаго неумѣнія приспособиться къ сложнымъ условіямъ и требованіямъ рабочаго рынка и затруднительности безъ посторонняго посредничества найти себѣ честный заработокъ — все это вопросы, составляющіе повсемѣстную жгучую нынѣ злобу дня.

Пролетаріатъ нищихъ и бродягъ существовалъ издавна, поддерживаемый неразборчивою подачею милостыни, вызываемой религіозными мотивами. Такое отношеніе къ просящимъ помощи привело къ тому, что пауперизмъ достигъ къ началу нашего столѣтія небывалыхъ размѣровъ, такъ что стала чувствоваться необходимость смотрѣть на дѣло призрѣнія не съ одной только узко-благотворительной точки зрѣнія. Общество, администрація, а затѣмъ и законодатель, сознавъ всю важность расчлененія понятій бѣдности и нищеты, пришли къ убѣжденію о необходимости уяснить и опредѣлить условія, при которыхъ бѣдные труженики не обращались-бы въ нищихъ и бродягъ; другими словами, изыскать мѣры, парализующія образованіе рабочаго пролетаріата и профессиональнаго нищенства.

Существующіе способы борьбы съ этимъ общественнымъ зломъ останутся непонятными, если не вѣикнемъ въ исторію вопроса, представляющую много назидательнаго въ интересахъ разрѣшенія его въ настоящемъ. Мы увидимъ тогда, какъ мѣнялся взглядъ законодателя подъ давленіемъ накапливающагося опыта, какое вліяніе оказывалъ на жизнь тотъ или иной принципъ, выдвигаемый въ различныя эпохи, какія причины содѣйствовали развитію или уменьшенію пауперизма и его обычныхъ спутниковъ. Рядомъ ошибокъ и путемъ долгаго опыта пришли къ убѣжденію, что въ основѣ всей системы благотворенія долженъ лежать принципъ — трудъ вмѣсто милостыни — какъ начало благотворное, не унижающее бѣднаго, а напротивъ его воспитывающее, облагораживающее. Бѣдность представляетъ собою болѣзнь хроническую, которою страдаютъ общества всего міра въ большей или меньшей степени, точно также

какъ лѣность есть порокъ присущій всему человѣчеству. Не устраняя себя отъ обязанности придти на помощь истинной бѣдности, государство естественно заинтересовано въ томъ, чтобы съумѣть правильно отличить лѣнцевъ отъ бѣдняковъ, порочныхъ отъ несчастныхъ, другими словами, изыскать средства для борьбы съ непрерывно возрастающимъ числомъ нищихъ промышленниковъ. Исторія мѣръ, принимавшихся противъ нищенства можетъ служить разительнымъ примѣромъ безсилія и безуспѣшности стараній законодателя искоренить это зло, коль скоро онъ не задавался вопросомъ изучить причины, это явленіе порождающія. Борьба съ нищенствомъ насчитываетъ уже повсюду нѣсколько столѣтій и неразрывно связана съ общимъ строемъ призрѣнія бѣдныхъ; только съ того времени, когда стали глубже изучать причины обѣдненія и нищенства, мѣропріятія противъ этихъ явленій какъ-бы раздваиваются и борьба съ нищенствомъ получила болѣе реальную, практическую постановку. Нагляднымъ подтвержденіемъ высказаннаго мною положенія можетъ служить указаніе на то, что одни и тѣ-же учрежденія долгое время должны были приходиться на помощь и нелицепріятной бѣдности и подавлять порочное бездѣльничанье. Въ рядѣ такихъ учреждений, имѣющихъ за собою уже вѣковую исторію, я позволю остановитъ Ваше вниманіе на такъ называемыхъ рабочихъ домахъ и домахъ трудолюбія.

При словѣ „рабочій домъ“ невольно вспоминается прежде всего Англія, какъ родина этого учрежденія. Уже въ концѣ 16-го вѣка Англія провозгласила право бѣднаго на пособіе со стороны прихода, дабы, какъ мотивируетъ коммунальный законъ, никто не могъ умереть отъ голода; но это постановленіе нуждалось въ болѣе точной формулировкѣ, что и было восполнено статутомъ Елизаветы. Законъ королевы Елизаветы 1601 г., которымъ подтверждена была обязанность приходовъ призрѣвать живущихъ на ихъ территоріи бѣдныхъ, различаетъ неспособныхъ къ работѣ и могущихъ прокормить себя трудомъ; этимъ послѣднимъ помощь оказывается въ формѣ работы, не

носившей въ началѣ карательнаго характера. Обыкновенно бѣдныхъ работоспособныхъ лицъ распредѣляли между фермерами, которые въ соотвѣтствіи съ своимъ хозяйствомъ поручали имъ ту или другую работу; за отсутствіемъ спроса на рабочія руки со стороны частныхъ лицъ приходы обязаны были уже сами чрезъ своихъ приходскихъ инспекторовъ давать работу такимъ бѣднымъ, для чего имѣлись запасы различнаго дешеваго матеріала, годнаго для легкихъ и необходимыхъ въ житейскомъ обиходѣ подѣлокъ, причѣмъ работа производилась по домамъ бѣдняковъ, т. е. оказывалось т. наз. *out door relief*, помощь внѣ дверей спеціального учрежденія. Первое такое установленіе, т. е. рабочій домъ, по общему признанію, возникаетъ лишь въ 1697 г. въ Бристолѣ, за нимъ слѣдуютъ Ворчестеръ, Плимутъ и др. Въ приведенномъ законѣ мы видимъ двѣ стороны, между которыми существуетъ тѣсная связь, но которыя въ тоже время совершенно различны по своему существу. Прежде и болѣе всего замѣтно стремленіе противодѣйствовать праздности способныхъ работать, и въ этомъ смыслѣ законъ имѣетъ характеръ чисто полицейской мѣры. Но въ то-же время помощь неспособнымъ работать онъ обращаетъ въ общественное дѣло, религіозное усердіе въ дѣлѣ милосердія подводитъ подъ норму обязательнаго налога, и такимъ образомъ попеченіе о бѣдныхъ становится частью механизма государственнаго управленія. Выработанныя въ XVIII вѣкѣ начала человѣчности должны были имѣть особенное вліяніе и на дѣло призрѣнія. Было признано, что на обязанности государства лежитъ забота о размноженіи населенія и о доставленіи занятій рабочему классу. Господствовавшее въ то время направленіе можно вообще опредѣлить тѣмъ, что на дѣло призрѣнія смотрѣли уже не съ полицейской точки зрѣнія, какъ прежде, а преимущественно съ благотворительной. Въ этихъ видахъ разрѣшено было не только надзирателямъ за бѣдными (т. е. приходскимъ чиновникамъ), но и мировымъ судьямъ (т. е. чиновникамъ графства), опредѣлять пособія бѣднымъ и въ случаѣ надобности назначать раздачу его но

домамъ; признано необходимымъ открыть насчетъ приходовъ дорожныя, полевыя и другія работы, не столько для удовлетворенія дѣйствительной потребности, сколько для доставленія занятій рабочимъ; въ этихъ-же видахъ наконецъ опредѣлено, что если цѣна на хлѣбъ, вслѣдствіе продолжительной войны или частыхъ неурожаевъ, слишкомъ возвысится, безъ соотвѣтственнаго увеличенія заработной платы, то рабочимъ слѣдуетъ выдавать изъ кассы для бѣдныхъ особую приплату (allowance), соотвѣтственную цѣнѣ хлѣба и размѣру ихъ семей, такъ чтобы они были въ состояніи прокормиться. При такомъ направленіи полицейская сторона въ дѣлѣ призрѣнія бѣдныхъ почти совершенно исчезла изъ виду, и при распределеніи пособій перестали наблюдать существенное различіе въ попеченіи о способныхъ и неспособныхъ къ работѣ. Послѣдствіемъ такого однимъ милосердіемъ руководимаго попеченія о бѣдныхъ было постоянное возвышеніе налога для нихъ, повлекшее за собою самыя печальныя явленія; не смотря на грандіозный ростъ промышленности страны, пауперизмъ все прогрессировалъ; въ 1834 г. приходился одинъ вспомоствуемый на 10 человекъ, налогъ въ пользу бѣдныхъ достигъ уже $\frac{1}{6}$ чистаго дохода съ земли. Въ нѣкоторыхъ-же мѣстностяхъ налогъ этотъ поглощалъ весь доходъ, такъ что за отсутствіемъ стимула къ труду, многія фермы стали забрасываться, чувствовалась необходимость приступить къ коренной реформѣ. Но гораздо печальнѣе, нежели обширность расходовъ, употребившихся на призрѣніе бѣдныхъ, и грозившихъ сдѣлаться совершенно невыносимыми безъ рѣшительнаго измѣненія въ системѣ, было вредное вліяніе этого режима на понятія, нравы и вообще на всю жизнь рабочаго класса. Люди эти такъ привыкли при всякой нуждѣ получать помощь изъ общественныхъ суммъ, при недостаткѣ работы находить занятія отъ прихода, а когда заработная плата упала ниже размѣра, признаннаго за нормальный, получать особую къ ней приплату, — что смотрѣли на всю эту помощь, какъ на свое естественное право. Особенно вредно дѣйствовало то, что трудолюбивые и незави-

симые, собственными трудами жившіе рабочіе, должны были невольно терять мужество, видя какъ на долю лѣности и безпечности выпадала равная, а часто и бѣльшая доля изъ платы сравнительно съ прилежаіемъ и бережливостью. Парламентская коммиссія 1834 г. предпринявъ обширное обслѣдованіе всей системы призрѣнія, вырабатываетъ законопроектъ, получившій силу закона, по которому рабочій домъ (workhouse) положенъ въ основаніе всей системы, тамъ по возможности должна сосредоточиваться помощь бѣднымъ всѣхъ категорій. Законъ 1834 г. въ существенныхъ чертахъ дѣйствуетъ и по настоящее время. По основнымъ началамъ акта 1834 г. полагалось побуждать къ труду способныхъ работать и наказывать праздныхъ бродягъ; обязанность заботиться о неспособныхъ къ работѣ составляла только дополненіе къ этому главному принципу. Если въ XVIII вѣкѣ и первое десятилѣтіе XIX-го преобладалъ духъ благотворительности, то теперь пришлось опять обратить вниманіе на политическую сторону закона и развить ее сообразно современнымъ условіямъ. Прежде всего выяснилось, что въ отношеніи неспособныхъ къ работѣ слѣдовало руководствоваться одними филантропическими соображеніями, относительно-же способныхъ къ работѣ только соображеніями полицейскими.

Умѣстно помогать и здоровымъ рабочимъ, но только въ случаѣ какой-либо проходящей, временной нужды, и доставлять имъ лишь самое необходимое; надо было избѣгать всего, что могло послужить къ ослабленію ихъ энергіи и способности заботиться о самихъ себѣ, или отчего-бы ихъ положеніе казалось привлекательнымъ для рабочихъ совершенно независимыхъ. Далѣе слѣдовало наблюдать, чтобы заботами о бѣдныхъ, получающихъ пособіе изъ кассы для нихъ устроенной, не подать повода къ уменьшенію заработковъ и пониженію платы самостоятельнымъ рабочимъ. Чтобы удовлетворить такимъ образомъ требованіямъ и благотворительности и общественнаго благосостоянія, чтобы не оставить безъ помощи ни одного дѣйствительно въ ней нуждающагося, но въ тоже время ни-

кому не дать болѣе, чѣмъ слѣдуетъ и все это устроить такъ, чтобы не происходило никакого вреда рабочимъ, не прибѣгающимъ къ общественной благотворительности, для этого единственнымъ средствомъ представлялось устройство рабочихъ домовъ (workhouses), въ которыхъ всякій, нуждающійся въ помощи, могъ-бы во всякое время найти пріютъ, но гдѣ ихъ жизнь подвергалась-бы внимательному наблюденію; гдѣ они-бы были окружены столь бдительнымъ надзоромъ и подчинены столь строгому образу жизни, что исключалась-бы всякая возможность злоупотребленія общественною благотворительностью. Устройство домовъ для пріюта и доставленія работы бѣднымъ не было конечно новою мыслью; объ этомъ упоминалось, какъ мы знаемъ, еще въ законѣ Елизаветы; предписывалось завести помѣщенія, въ которыхъ бѣдные могли-бы прясть, ткать, вить веревки и т. п. во всякое время года и во всякую погоду.

Въ 1722 г. былъ изданъ уже законъ, повелѣвавшій приходамъ устраивать рабочіе дома, если нужно, то для нѣсколькихъ приходовъ вмѣстѣ, чтобы давать работу бѣднымъ, такъ какъ отказъ отъ пріюта въ рабочемъ домѣ лишалъ ихъ права на пособіе. Изъ этого видно, что мысль устроить рабочіе дома существовала въ англійскомъ законодательствѣ въ давнее еще время; недоставало только энергическаго и послѣдовательнаго примѣненія ея; но подъ дурнымъ управленіемъ рабочіе дома оказались просто пристанищами для праздности и такимъ образомъ имѣли только самое вредное вліяніе на нравственность рабочаго класса. При разумномъ-же и неуклонномъ проведеніи старой мысли дома эти дѣйствительно сдѣлались краеугольнымъ камнемъ новаго порядка вещей. При этомъ въ основаніе было принято то безусловно вѣрное начало, что бѣдный, получающій пособіе изъ общественныхъ средствъ, долженъ находиться въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ, нежели работникъ, не прибѣгающій къ общественной благотворительности. Между тѣмъ, взявшись заботиться о комъ-либо, нельзя было давать менѣе, чѣмъ сколько ему нужно для существованія.

По чувству челоѣколюбія нельзя было даже принять за норму для отпуска пищи и одежды и для жилья тотъ *minimum*, которымъ довольствовались многіе рабочіе, удерживаемые благороднымъ чувствомъ любви къ независимости отъ обращенія къ посторонней помощи. Потому, чтобы сдѣлать положеніе призрѣваемыхъ бѣдныхъ всетаки менѣе пріятнымъ, чѣмъ положеніе частныхъ рабочихъ, оставалось ограничить ихъ личную свободу. Требованія гуманнаго чувства не будутъ нарушены тѣмъ, что лица, вынужденныя прибѣгать къ посторонней помощи, обязываются подчиняться въ своемъ образѣ жизни и въ способѣ употребленія своихъ силъ распоряженію того, кто оказываетъ имъ пособіе. Напротивъ того надзоръ, или если хотите, опека надъ ними требуется какъ въ интересахъ общественнаго благосостоянія, такъ и въ интересахъ каждаго призрѣваемаго уже потому, что въ большей части случаевъ въ такое зависимое положеніе попадаютъ люди вслѣдствіе какихъ-либо нравственныхъ слабостей, отчего для нихъ не будетъ лишнимъ пожить подъ строгимъ и твердымъ присмотромъ. Для содержанія бѣдныхъ въ рабочихъ домахъ, согласно съ приведенными началами, опредѣлены слѣдующія правила: въ отношеніи жилья, пищи и одежды каждому выдается все, что требуется для здоровья и поддержанія силъ; напротивъ того, всѣ излишнія удовольствія, особенно спиртные и хмѣльные напитки, табакъ и т. п. запрещены. Исключенія допускаются только для больныхъ, по назначенію врача, и для ослабѣвшихъ стариковъ, которымъ разрѣшается отпускать пиво. Всѣ принятые въ рабочій домъ распредѣляются по возрасту и полу, не дѣлая даже исключенія для цѣлыхъ семействъ; только младенцы, требующіе еще неотлучнаго попеченія матерей, остаются при нихъ. Для всѣхъ обитателей рабочаго дома установлено точное распредѣленіе времени: никто не можетъ выйти изъ дома безъ особаго разрѣшенія; никто изъ постороннихъ безъ позволенія не можетъ войти въ него. Каждому дается работа сообразно его силамъ и способностямъ. При выборѣ работъ обращается вни-

маніе на два обстоятельства. Во-первыхъ, стараются избѣгать, чтобы произведенія рабочаго дома вступали въ конкуренцію съ частною промышленностью, для чего ихъ никогда не отправляютъ на свободную продажу въ частныя руки, но или назначаютъ такія работы, которыми удовлетворяются разныя надобности самихъ бѣдныхъ или рабочаго дома, или поручаются работы общественныя, при какихъ-либо учрежденіяхъ. Во-вторыхъ, признано необходимымъ, чтобы особенно тѣ работы, на которыя употребляются люди, способные работать, не были-бы сами по себѣ пріятны для работающихъ. Въ этихъ видахъ были даже распроданы многіе участки земли, ирїобрѣтенныя сперва рабочими домами для того, чтобы занимать бѣдныхъ здоровою и полезною работою ради выдѣлки разныхъ необходимыхъ для жизни предметовъ; было признано, что полевая работа слишкомъ легка и пріятна для бродягъ и бѣдныхъ и дѣлаетъ содержаніе въ рабочемъ домѣ слишкомъ привлекательнымъ. Сильнымъ рабочимъ даютъ обыкновенно колоть камень, дрова и т. п.; старикамъ раскручивать и щипать старые корабельные канаты, какъ матеріаль для пшчсбумажныхъ фабрикъ. При такихъ условіяхъ трудно бываетъ сдѣлать удовлетворительный выборъ работы; но эти условія признаны столь важными, что готовы скорѣе предпринять совершенно бесполезныя работы, нежели отступить отъ нихъ.

Точно также не преслѣдуется извлеченіе дохода изъ работъ обитателей рабочихъ домовъ. Статистическія данныя, иллюстрирующія современное положеніе рабочихъ домовъ, даютъ слѣдующую картину: 90 % контингента лондонскихъ рабочихъ домовъ оказались или вовсе неспособными къ труду (больные, дряхлые), или съ весьма пониженною работоспособностью (престарѣлые за 60 лѣтъ). Лишь около 10 % были въ періодѣ рабочаго возраста, но и изъ этихъ 10 % можетъ быть 1 % могъ работать какъ слѣдуетъ, остальные-же 9 % представляли изъ себя людей опустившихся, изломанныхъ жизнью, отвыкшихъ отъ правильнаго и регулярнаго труда, — однимъ сло-

вомъ являлись подонками рабочаго класса. Когда сдѣлана была попытка сосредоточить всѣхъ хорошихъ работниковъ, призрѣваемыхъ въ лондонскихъ рабочихъ домахъ, въ одномъ домѣ, то такихъ рабочихъ оказалось настолько мало, что и этотъ единственный домъ не могъ быть наполненъ болѣе какъ въ половину. Невольно приходится сдѣлать тотъ выводъ, что англійскій рабочій предпочитаетъ перебиваться на свободѣ, испытывая всевозможныя лишенія, нежели поступить въ рабочій домъ, который въ народѣ получилъ кличку Бастили; только крайность способна загнать его туда, искать въ немъ пріюта, настолько тягостна обстановка англійскаго рабочаго дома. Именно къ этому и слѣдуетъ стремиться, по мысли англійскаго законодателя, такъ какъ рабочіе дома устраиваются съ цѣлью оказать помощь только въ случаѣ дѣйствительной надобности. И всѣ средства, допускаемая гуманностью должны быть употреблены, чтобы побуждать бѣдныхъ оставлять рабочіе дома при первой къ тому возможности, т. е. какъ только они будутъ въ состояніи содержать себя собственными средствами.

Рабочіе дома существуютъ и въ Германіи, напр. въ Саксоніи, Ольденбургѣ, Шлезвигъ-Гольштейнѣ, но совсѣмъ иного типа. Они представляютъ собою учрежденія полу-благотворительнаго характера для лицъ, добровольно обращающихся туда за работою; это какъ-бы посредническія конторы, облегчающія найти заработокъ. Если получившій занятіе и убѣжище бѣднякъ не доволенъ установленнымъ режимомъ, то можетъ уйти во всякое время, но зато онъ уже лишается права на пособіе изъ общинныхъ средствъ. Въ виду того, что отдѣльныя общины не въ состояніи самостоятельно содержать на свой счетъ такіе дома, то онѣ стали соединяться между собою для учрежденія окружныхъ рабочихъ домовъ съ соотвѣтственнымъ распредѣленіемъ расхода. Нерѣдко эти дома преслѣдуютъ и другія побочныя цѣли, какъ напр., призрѣніе бѣдныхъ дѣтей. Но наряду съ такими домами трудолюбія существуютъ и принудительныя рабочіе дома (Zwangs-

arbeitshäuser), занимающіе среднее мѣсто между домоу рабочимъ и смиреннымъ. Заключение въ нихъ служитъ добавочнымъ наказаніемъ для цѣлой категоріи лицъ, отбывшихъ уже тюремную кару (т. наз. „correctionelle Nachhaft“). Именно бродяги, пьяницы, эксплуататоры собственныхъ дѣтей, приучающіе ихъ къ попрошайничанью ибору милостыни, лѣнтыи, пользующіея пособіями изъ общинныхъ кассъ, приговариваются судомъ по выходѣ изъ тюрьмы къ заключенію на опредѣленный срокъ въ такой рабочій домъ ради исправленія ихъ путемъ строгаго режима и принудительнаго труда.

Во Франціи, гдѣ усиленная борьба съ нищенствомъ характеризуетъ всю систему призрѣнія, учрежденіями, соответствующими рабочимъ домамъ являются т. наз. *dépôts de mendicité*, возникшіе въ 1774 г., куда нищѣ помѣщались для обращенія къ принудительнымъ работамъ. Уничтоженные великою французскою революціею, они возстановлены декретомъ Наполеона I въ 1808 г., предписывавшимъ, чтобы каждый департаментъ имѣлъ такое *dépôt*, какъ лучшее средство для подавленія нищенства. Заключенію въ эти *dépôts* подвергались, по распоряженію префекта, лица, пзобличенныя въ нищенствѣ, ради исправленія и содержались до тѣхъ поръ, пока они не приучатся къ работѣ и по мнѣнію начальства уже будутъ въ состояніи отыскивать пропитаніе собственнымъ трудомъ. На самомъ дѣлѣ мы видимъ, что департаменты не безпокоятся объ открытіи такихъ депо, которыхъ въ настоящее время не болѣе 35 на 51 департаментъ. Да и существующіе *dépôts* отклонились отъ первоначальной своей идеи и превратились въ убѣжища, пріюты для престарѣлыхъ и больныхъ. Нагляднымъ подтвержденіемъ сказаннаго могутъ служить цифры, извлеченныя изъ отчета главной инспекціи благотворительныхъ учреждений. Къ 1 января 1887 года число всѣхъ лицъ, заключенныхъ въ *dépôts* достигало 5.389, изъ коихъ 1.237 дѣйствительныхъ кліентовъ, а 4.152 должны быть отнесены къ категоріи призрѣваемыхъ. Къ этому слѣдуетъ добавить, что и здоровые нищѣ остаются въ этихъ

дено самое короткое время, хотя декретъ 5 Юля 1808 г. гласить, что лица водворенныя въ *dépôts* удерживаются тамъ до тѣхъ поръ, пока будутъ въ состояніи сами содержать себя своимъ трудомъ и во всякомъ случаѣ не менѣе года. Но административная практика въ видѣ постановленій префектовъ примѣняетъ заключеніе въ *dépôts* на двѣ недѣли, мѣсяць, два мѣсяца; да иначе и быть не можетъ, ибо бѣльшая часть средствъ дено поглащается расходами на призрѣваемыхъ больныхъ и неработоспособныхъ нищихъ.

То-же нежелательное явленіе — распространеніе нищенства и бродяжничества — вызвало заботу русской власти искоренить это зло соответственными мѣропріятіями. Въ древней Руси нищихъ было великое множество; они состояли подъ покровительствомъ церкви, назывались людьми „церковными“, какъ гласятъ древніе памятники, и государственная власть ихъ не касалась.

Милостыня разсматривалась не столько какъ средство улучшить положеніе нищаго, сколько какъ благочестивое упражненіе добрыхъ душевныхъ чувствъ благотворящаго. Изъ этого основнаго положенія вытекалъ рядъ практическихъ выводовъ: именно нищенство не только не истреблялось, но культивировалось, какъ необходимый элементъ благоустроеннаго общества, какъ, выражаясь словами проф. Ключевскаго, „состоящій при церкви практической институтъ общественнаго благонравія. Какъ въ клиникѣ необходимъ больной, чтобы научиться лѣчить болѣзнь, такъ въ древнерусскомъ обществѣ необходимъ былъ сирый и убогій, чтобы воспитать умѣніе и навѣкъ любить челоуѣка“. . . Нищій былъ для благотворителя лучшій богомолецъ, молитвенный ходатай. „Въ рай входятъ святою милостынею, говорили въ старину: „нищій богатымъ питается, а богатый нищаго молитвою спасается“ . . .

Только съ усиленіемъ центральной власти, съ бѣльшимъ уясненіемъ себѣ своихъ задачъ государство выступаетъ въ бѣлье самостоятельной роли, беретъ на себя борьбу съ нищенствомъ и нуждою, такъ какъ безконтрольная, неурегулирован-

ная раздача милостыни и оказаніе пособій „ради души спасенія“ имѣли слѣдствіемъ и у насъ, какъ на западѣ, развитіе тунеядства и нищихъ промышленниковъ. Однимъ изъ орудій борьбы является, по мнѣнію власти, принужденіе къ работѣ нищихъ, способныхъ къ труду.

Знаменательный указъ царя Федора Алексѣевича 1682 г., не вошедшій случайно въ полное собраніе законовъ, говоритъ уже о принудительной работѣ, какъ средствѣ искорененія нищенства, ссылаясь при этомъ на примѣръ запада. „А для унятія бродящихъ всякихъ воровъ, сдѣланы за моремъ во многихъ городахъ дворы, гдѣ такихъ людей по особымъ чюланцамъ сковавъ сажаютъ на нѣсколько недѣль, или по винѣ смотря и заставляють пилами тереть сандалъ или иную какую тяжелую работу дѣлать; и по работѣ смотря въ размѣръ даютъ имъ и хлѣба въ вѣсъ и воды или квасъ“. Но эти предписанія остались лишь на бумагѣ и Великому Преобразователю опять пришлось встрѣтиться съ вопросомъ призрѣнія. Петръ I видитъ уже необходимость различать точнѣе отдѣльныя категоріи нищихъ и нуждающихся и для каждой изъ нихъ создать соответствующія учрежденія. Регламентомъ Главному Магистрату 1721 г. предписывается устройство „смирительныхъ домовъ“ для такихъ людей, которые „лѣнивые, здоровые нищие и гуляки, не хотя трудиться о своемъ пропитаніи, ѣдятъ хлѣбъ вотще и прочіе симъ подобные; то таковыхъ всѣхъ надлежитъ сажать въ смирительные дома, кто на какое время по злымъ его поступкамъ будетъ достоинъ и посылать ихъ на работу, чѣмъ-бы они могли пропитаніе свое заработать, чтобы никогда праздны не были“. Но и это повелѣніе не было проведено въ жизнь вплоть до указа императрицы Екатерины II 1775 г. „о работныхъ домахъ“, коимъ повелѣвалось Московскому оберъ-полиціймейстеру Архарову устроить два рабочихъ дома — одинъ „для мужеска пола лѣнивцевъ, употребляя оныхъ для пиленія дикаго камня и другія работы, другой для женска пола, опредѣливъ имъ предильную работу, также другія работы, тому подобныя“. Учре-

жденіемъ о губерніяхъ намѣчается цѣлая стройная система призрѣнія, возлагавшая устройство работныхъ домовъ на приказы общественнаго призрѣнія. Изъ текста закона мы ясно видимъ, что работные дома учреждаются, чтобы неимущимъ дать возможность прокормиться своею работою, съ каковою цѣлью и принимаются туда лица обоого пола, добровольно приходящія и работоспособныя. „Въ оныхъ домахъ, гласитъ законъ, даютъ имъ работу, а по мѣрѣ работы пишу, покровъ, одежду или деньги“. Тотъ-же указъ 7 ноября 1775 г. различаетъ работные дома отъ рабочихъ и смирительныхъ, также состоящихъ въ вѣдѣніи приказовъ, но имѣющихъ совсѣмъ иное назначеніе. Послѣдніе суть учрежденія съ принудительною работою для лицъ порочныхъ, отвыкшихъ отъ правильнаго труда лѣнивцевъ, которыхъ слѣдуетъ исправить и вновь приохотить къ честному заработку. Итакъ мы видимъ, что возникаютъ два рода учрежденій для работы — одинъ въ силу указа императрицы Екатерины II Архарову — вполне схожій на нѣмецкій Zwangsarbeitshaus, нами уже разсмотрѣнный; другой — это добровольный домъ трудолюбія, куда могутъ обращаться всѣ временно не имѣющіе работы. Впослѣдствіе наше законодательство стало сливать оба эти типа домовъ въ одно учрежденіе и уже въ указѣ 1781 г. мы читаемъ, что въ работный домъ кромѣ добровольныхъ, такъ сказать, кліентовъ должны приниматься и разныя лица, присылаемые по распоряженію начальства и празднопатающіеся и пойманные въ прошеніи милостыни люди, могущіе прокормить себя работою. Но добрыя желанія закона оставались долгое время мертвою буквою. Несмотря на настоятельную надобность въ работныхъ домахъ, устройство ихъ почти не двигалось впередъ. Возникли они только въ Петербургѣ да въ глухой провинціи — въ Иркутскѣ и Красноярскѣ, но въ послѣдней оба эти учрежденія были закрыты въ 1853 г. Мѣры-же исключительно нолицейскія противъ профессиональнаго нищенства оказывались крайне недостаточными и недостигающими цѣли. Даже въ Петербургѣ нищенство развилось на столько,

что нищихъ, за недостаткомъ мѣстъ при полицейскихъ управленіяхъ, стали препровождать въ Литовскій замокъ. Императоръ Николай I при посѣщеніи этого замка въ 1834 г. выразилъ мнѣніе, что иомѣщеніе нищихъ въ одномъ зданіи съ преступниками не соотвѣтствуетъ требованіямъ справедливости, и тогда-же приказалъ князю Трубецкому составить проектъ учрежденія, на обязанности котораго лежалъ - бы разборъ и призравніе нищихъ. Во исполненіе Высочайшей воли въ 1837 г. возникъ С. Петербургскій комитетъ по разбору дѣлъ о просящихъ милостыни. Въ слѣдующемъ, 1838, году открылся таковой-же комитетъ въ г. Москвѣ. Въ вѣдѣніе этого комитета перешелъ и работный домъ, заключавшій въ своихъ стѣнахъ, какъ мы припомнимъ, двѣ категоріи лицъ — добровольно поступающихъ или направляемыхъ туда по распоряженію администраціи. По правиламъ Московскаго работнаго дома всѣ вновь попадающіе въ него должны пребыть не менѣе полугода. Послѣ этого они зачисляются или въ разрядъ испытанныхъ хорошаго поведенія или въ разрядъ испытанныхъ поведенія ненадежнаго. Послѣдніе должны исполнять самыя трудныя работы, они не имѣютъ права свободнаго выхода изъ дома и находятся подъ военнымъ карауломъ. — Лица-же испытываемыя и испытанныя хорошаго поведенія, заняты работою по дому, т. е. мытьемъ, топкою печей, стряпней на призравваемыхъ и т. п., а также разною работою на заказъ. Увольненіе изъ работнаго дома зависитъ отъ начальства, которое обязано соблюдать слѣдующія условія: увольняемый долженъ пребыть въ разрядѣ испытываемыхъ не менѣе 6 мѣсяцевъ, долженъ доказать свое трудолюбіе и знаніе ремесла, долженъ скопить за свое пребываніе небольшую сумму денегъ, причемъ часть ихъ, въ размѣрѣ отъ $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ поступаетъ въ пользу дома. Въ 1893 года Московскій домъ переданъ въ вѣдѣніе Московскаго городского управленія. Съ этого времени замѣтно улучшеніе въ постановкѣ работъ, особенно въ мужскомъ отдѣленіи, но въ общемъ рабочій домъ не вполне исполняетъ свое назначеніе, чувствуется необходи-

мость обновленія, созданія дома для лицъ безпріютныхъ, въ силу разныхъ условій ненаходящихся въ данное время подходящей для себя работы.

Про Петербургскій-же рабочій домъ, возникшій по указу 1781 г. и говорить не приходится; это учрежденіе въ зародышѣ своемъ носило зачатки послѣдующей гибели, существовало долгое время безъ всякой пользы той идеи, во имя которой оно возникло, такъ что закрытіе его въ 1856 г. не могло вызвать ничего сожалѣнія.

Изъ этого краткаго моего изложенія мы убѣждаемся, что работные дома въ тѣхъ немногихъ попыткахъ, которыя мы привели, служили почти исключительно мѣстами принудительнаго заключенія нищихъ — профессионалистовъ, приводимыхъ полицією. Организациія работъ въ этихъ домахъ носила характеръ крайне несовершенный, случайный, по большей части въ нихъ царила полная праздность, научиться серьезному труду не было никакой возможности. Чувствовалась настоятельная необходимость въ другой организациі, куда могли-бы добровольно обращаться лица, оставшіяся по какимъ-либо причинамъ безъ заработка, чтобы тамъ получить необходимый кусокъ хлѣба, а не протягивать руку за милостынею. Эту цѣль преслѣдуютъ у насъ т. наз. „дома трудолюбія“.

Однимъ изъ старѣйшихъ домовъ трудолюбія является „Демидовскій домъ“, устроенный въ С. Петербургѣ камеръ-юнкеромъ Анатоліемъ Демидовымъ въ 1833 г. съ цѣлью „доставить бѣднымъ лицамъ женскаго пола свободнаго состоянія способъ къ производству руководѣльныхъ работъ, посредствомъ которыхъ онѣ могли-бы честнымъ и полезнымъ образомъ снискивать содержаніе себѣ и семействамъ“. Работы по уставу состоятъ въ различныхъ руководѣліяхъ, приготовленіи головныхъ уборовъ и т. п. Часть трудящихся живетъ въ самомъ домѣ, другая беретъ работу на домъ.

И вотъ съ того времени прошло почти 50 лѣтъ, а идея поощренія труда, его ищущихъ, оставалась мало распростра-

ненно до тѣхъ поръ, пока за это дѣло не взялся извѣстный русскій сподвижникъ, протоіерей Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ.

Кронштадтскій домъ трудолюбія, основанный въ 1882 г., вызванъ къ жизни насущными потребностями населенія. Какъ портовый городъ Кронштадтъ привлекаетъ къ себѣ лѣтомъ массу рабочихъ, изъ которыхъ многіе осенью и зимою остаются безъ работы. Другая причина, побудившая мѣстныхъ благотворителей откликнуться на призывъ отца Іоанна подумать о трудовой помощи — это крайне изобильная милостыня, подаваемая въ г. Кронштадтѣ бродячему люду. Организация Кронштадтскаго дома трудолюбія соответствуетъ указаннымъ условіямъ и выражается въ самомъ названіи его „пенькоципная мастерская“; размотка старыхъ канатовъ въ портовомъ городѣ является весьма цѣлесообразною, такъ какъ эта работа не требуетъ спеціальной подготовки. По отчету за 1895 годъ работали въ этой мастерской и женщины и мужчины, въ среднемъ ежедневно работавшихъ было 80 человекъ, съ преобладаніемъ женщинъ и среднею платою 33 р. въ годъ на человѣка; средній заработокъ на человѣка былъ 11,5 коп. въ день. Всѣхъ расходовъ произведено было 3151 руб., а отъ проданной пеньки и за расщипку поступило 2996 р. Въ результатѣ благотворительная приплата на мастерскую выразилась менѣе чѣмъ въ 200 руб., но въ эту сумму не вошелъ расходъ на помѣщеніе, на безилатную пищу въ народной столовой въ большіе праздники и на снабженіе работавшихъ бѣльемъ и обувью.

Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1886 г. по примѣру Кронштадтскаго возникаетъ домъ трудолюбія въ С.-Петербургѣ въ домѣ кн. Вяземскаго на Сѣнной, гдѣ болѣе всего ютится пришлый, ищущій заработковъ людъ. Домъ этотъ былъ рассчитанъ на 60 человекъ, занятія предположены были весьма несложныя — клейка бумажныхъ картузовъ для мелочныхъ лавокъ въ мужскомъ отдѣленіи и простыя бѣлошвейныя работы для женщинъ. Крайне недостаточный притокъ средствъ и ограниченность бюджета привели къ тому, что въ этомъ домѣ теперь при-

нимаются только женщины и нищія дѣти, которыхъ обучаютъ грамотѣ. Другой домъ трудолюбія въ С.-Петербургѣ связанъ съ именемъ неутомимаго дѣятеля на этомъ поприщѣ -- барона О. О. Буксгевдена. Это Евангелическій домъ трудолюбія въ С.-Петербургѣ, основанный въ 1886 г. при личномъ содѣйствіи барона Буксгевдена, понынѣ состоящаго предѣдателемъ его совѣта. Ему-же принадлежитъ честь дѣятельной пропаганды идеи трудовой помощи по нашей провинціи. Осенью 1887 г. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ командировало барона Буксгевдена въ провинціальныя города для сообщеній о пользѣ домовъ трудолюбія и о способѣ ихъ устройства. Баронъ Буксгевденъ посѣтилъ рядъ городовъ, организовалъ тамъ въ присутствіи высшаго духовенства, мѣстныхъ властей, представителей города и земства, купечества, лицъ извѣстныхъ своею благотворительностью рядъ популярныхъ чтеній и въ заключеніе предложилъ присутствующимъ и въ ихъ городѣ открыть домъ трудолюбія. Въ большинствѣ случаевъ предложеніе это встрѣчало полное сочувствіе. Возникаютъ довольно быстро новые дома трудолюбія въ различныхъ городахъ нашего обширнаго отечества, отвѣчающіе въ той или иной степени мѣстнымъ нуждамъ трудящагося, но не имѣющаго опредѣленнаго постояннаго занятія, люда. Но надо вообще замѣтить, что главнымъ бичемъ, злѣйшимъ врагомъ трудовой помощи является неразборчивая подача милостыни нищимъ-промышленникамъ; гдѣ нищенство поощряется настолько, что успѣваетъ вырости въ особую организацію, тамъ трудовая помощь не можетъ надѣяться на большое число сторонниковъ; тамъ дома трудолюбія будутъ пустовать, ибо кто-же пойдетъ туда, подвергаясь строгому режиму и обязательной работѣ, когда стоитъ протянуть руку и имѣется получка, достаточная для развлеченія въ кабацѣ и пріюта въ ночлежномъ домѣ. — Другая бѣда, подрывающая правильную постановку домовъ трудолюбія — это плохая, въ иныхъ мѣстахъ почти вполнѣ отсутствующая организація общественнаго призрѣнія во многихъ городахъ, не говоря уже о селе-

ніяхъ. Нѣкоторые дома трудолюбія отклонились отъ основной идеи, и въ силу необходимости, отвѣчая голосу вопіющей нужды, превратились то въ пріютъ для малолѣтнихъ, то въ богадѣльню для престарѣлыхъ; объясненіе сему, повтворюю, простое — недостатокъ въ учрежденіяхъ по различнымъ отраслямъ общественнаго призрѣнія. Такъ, напр., отдѣленіе Саратовскаго дома трудолюбія для подростковъ силою вещей обратилось въ дѣтскій пріютъ, какъ это видно изъ его отчетовъ за 1891, 1893 годы; тоже можно наблюдать и относительно дома трудолюбія въ г. Орлѣ, что отчетъ объясняетъ „исключительно бѣдственнымъ экономическимъ состояніемъ г. Орла, всѣ дѣтскіе пріюты котораго переполнены“. Изъ отчета о Слободскомъ домѣ трудолюбія нельзя не вывести, что онъ не оправдываетъ ни своего назначенія, ни названія. Оказывается, что этотъ домъ служитъ не только пріютомъ для малолѣтнихъ, но и богадѣльнею для престарѣлыхъ 60—85 лѣтъ изъ числа домашней прислуги, уволенной господами, какъ неспособной уже исполнять ихъ требованія.

Таковы выводы, которые можно сдѣлать изъ имѣвшихся въ моемъ распоряженіи отчетовъ; еще менѣе благоприятное впечатлѣніе выношишь изъ личнаго осмотра недавно открывшагося (20 октября 1897 г.) дома трудолюбія въ Одессѣ. Благодаря любезности завѣдующаго домомъ мнѣ удалось познакомиться съ мѣстными бытовыми условіями и осмотрѣть этотъ домъ въ подробностяхъ, и надо сознаться, что итогъ тѣхъ уиорныхъ усилій, которыя прилагаютъ Г. завѣдующій и почтенная, всѣми уважаемая надзирательница приходится считать отрицательнымъ. Въ Одесскомъ домѣ, представляющемъ собою грандіозное зданіе, имѣются хорошо приспособленныя мастерскія — столярная, слесарная, кузнечная, переплетная; для лицъ не знающихъ никакого ремесла предлагаются землянныя работы по уравниванію почвы около самого дома. Но контингентъ лицъ, туда обращающихся менѣе всего можетъ быть названъ „трудолюбцами“. По наблюденію администраціи дома обращаются туда разные бродяги и тунеядцы, чтобы

пользоваться хорошимъ столомъ и ночлегомъ, избѣгая работы. Оказывается, что къ обѣду сходятся всѣ, а затѣмъ многіе убѣгаютъ въ городъ, являясь лишь къ вечерней переключкѣ и пиццѣ. Въ виду этого работы идутъ крайне медленно и малоуспѣшно. Довѣріе оказываемое кліентамъ дома почти всегда приводило къ тому, что трудолюбцы, стащивъ что можно, оставляютъ домъ трудолюбія; попытки возвысить ихъ на степень надзирателей, конторщиковъ и т. п. до сихъ не увѣнчиваются успѣхомъ. Слѣдуетъ добавить, что всѣ трудолюбцы суть алкоголики — весь заработокъ пропиваютъ. То-же печальное явленіе наблюдается и въ Петербургскомъ домѣ трудолюбія. Извѣстный психіатръ докторъ И. И. Рождественскій, посѣтивъ домъ трудолюбія, помѣщающійся на Глухоозерской улицѣ, пришелъ къ заключенію, что большинство рабочихъ — алкоголики, выродки, т. е. лица нуждающіяся въ леченіи, особомъ режимѣ, чего, по моему мнѣнію, не можетъ дать домъ трудолюбія, не искажая основнаго своего назначенія. Въ женскомъ отдѣленіи Одесскаго дома трудолюбія находятъ пріютъ самыя несчастныя, безпомощныя и ни на что неспособныя женщины, полу-больныя, кретинки, психопатки, калѣки и вообще вполне опустившіяся; мало мальски толковая работница избѣгаетъ упорно дома трудолюбія и добивается заработка на сторонѣ. Имѣется и отдѣленіе для подростковъ и дѣтей, гдѣ послѣдніе обучаются и прирѣваются. На мой взглядъ на этомъ частномъ примѣрѣ Одесскаго дома трудолюбія можно видѣть, къ чему приводитъ недостатокъ въ разныхъ учрежденіяхъ прирѣвія. Домъ трудолюбія въ данномъ случаѣ служитъ чувствительнымъ указателемъ, въ какого рода заведеніяхъ и убѣжищахъ имѣется недочетъ; пребываніе въ немъ уясняетъ, куда слѣдовало-бы направлять этихъ т. наз. „трудолюбцевъ“; другими словами, Одесскій домъ трудолюбія въ свой кратковременный періодъ существованія открылъ рядъ погрѣшностей и прорѣхъ въ организаци благотворительности нашего богатаго портоваго города и въ этомъ отношеніи, мнѣ кажется, его громадная заслуга.

Дѣлая общую оцѣнку приходится признать, что до 1895 года дома трудолюбія, несмотря на сочувствіе къ нимъ, не представляли общей системы, не возникали согласно общему плану, дѣйствовали самостоятельно и не дѣлились между собою опытомъ своего хотя-бы кратковременнаго существованія. Наконецъ, что важнѣе всего, дома трудолюбія, возникавшіе вслѣдствіе подъема благороднаго чувства той или другой части населенія, не были устойчивы, не имѣли прочной поддержки и не были матеріально обезпечены, завися исключительно отъ крайне капризнаго притока средствъ мѣстной благотворительности. Первый сентябрь 1895 года открываетъ новую эру въ жизни и направленіи нашихъ домовъ трудолюбія. Въ этотъ памятный день удостоилось Высочайшаго утвержденія положеніе состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны попечительства о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ. Учрежденіе попечительства вызвано Монаршимъ вниманіемъ къ „горестной судьбѣ тѣхъ, которые, какъ гласитъ Именный указъ, терпя крайнюю нужду, тщетно ищутъ себѣ заработка и пріюта“ и великодушнымъ стремленіемъ „къ облегченію участи неимущихъ доставленіемъ имъ честнаго труда, какъ единственнаго залога счастливой и на христіанскихъ началахъ основанной жизни“.

Попечительство имѣетъ цѣлью: способствовать устройству новыхъ домовъ трудолюбія, оказывать имъ денежныя пособія, поддерживать уже существующіе; давать надлежащія указанія относительно учрежденія новыхъ домовъ и способовъ къ наиболѣе успѣшной постановкѣ ихъ дѣятельности. Исполнительнымъ органомъ этого попечительства является комитетъ, гдѣ сосредоточиваются всѣ свѣдѣнія о капиталахъ, имуществѣ, личномъ составѣ и всякія данныя, рисующія дѣятельность домовъ трудолюбія. Средства Попечительства слагаются изъ процентовъ съ неприкосновеннаго капитала въ 500 тысячъ рублей, отчисленнаго по Высочайшему повелѣнію изъ суммъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, изъ ежегодныхъ членскихъ

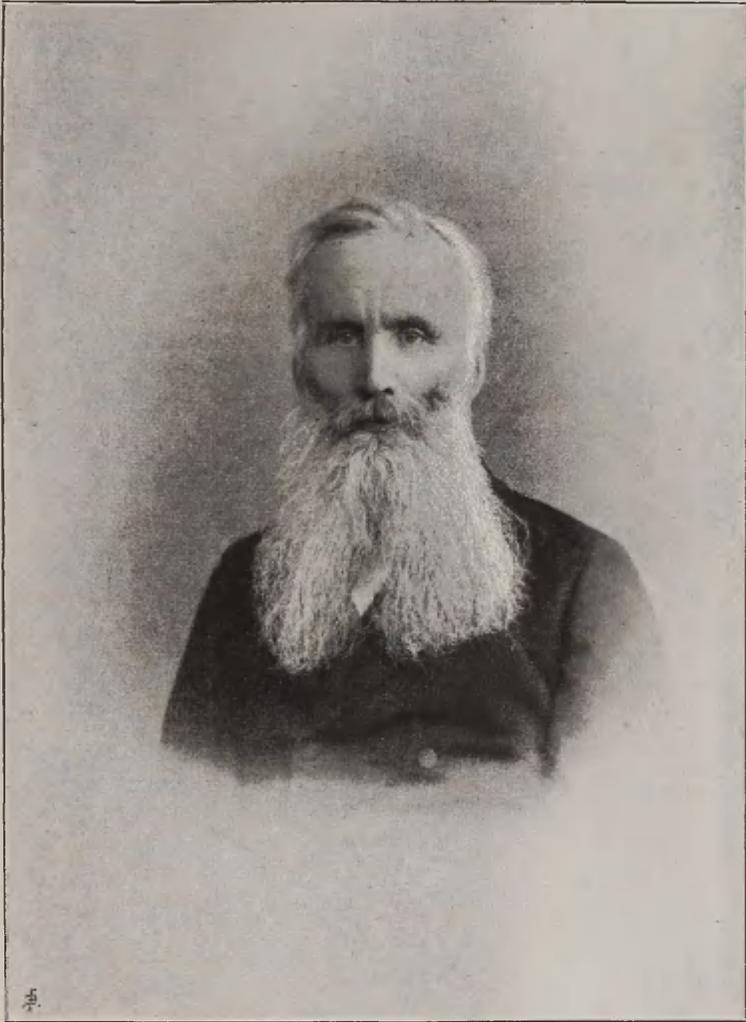
взносовъ, пожертвованій, чистыхъ сборовъ отъ устраиваемыхъ попечительствомъ спектаклей, концертовъ, базаровъ и т. п. Насколько вновь открывшееся попечительство оживило развитіе домовъ трудолюбія достаточно указать, что до указа 1-го сентября 1895 г. ихъ было 43, съ тѣхъ поръ по 1 іюль 1896 г. вновь возникло 38; кромѣ того по отчету Комитета уже предположено къ открытію до 100 такихъ домовъ въ различныхъ городахъ и мѣстечкахъ, и рѣшенъ цѣлый рядъ организаціонныхъ вопросовъ.

Предсѣдательствованіе въ Комитетѣ попечительства изволила принять на себя Ея Величество Государыни Императрица Александра Феодоровна, показавъ такимъ образомъ съ высоты трона благой примѣръ желанія послужить бѣдному, несчастному, обездоленному люду.

Обширныя задачи, намѣченныя Попечительствомъ, призываютъ все общество принять посильное участіе въ этомъ добромъ начинаніи, не дѣлая никакихъ ограниченій, какъ то мы видимъ, напримѣръ, въ организаціи призрѣнія города Эльберфельда, считающейся образцовой. Тамъ женщины не допускаются къ сотрудничеству, такъ какъ по мнѣнію составителей устава въ дѣлѣ призрѣнія слѣдуетъ руководствоваться не столько пламеннымъ сердцемъ, сколько холоднымъ разсудкомъ, потому что лишь при томъ условіи, если сохраняется способность спокойно взвѣшивать факты, можно избѣгать обмановъ; женская-же натура склонна болѣе слѣдовать голосу своего сердца, чѣмъ разсудка; 2) сотруднику-благодѣтелю приходится вести переписку, дѣлать разпросы, сноситься съ должностными и частными лицами и т. п., что не гармонируетъ съ общественнымъ положеніемъ женщинъ; 3) женщинѣ не подѣ силу странствовать по чердакамъ и подваламъ, гдѣ именно ютятся бѣдняки; 4) обычными спутниками нищеты являются распушенность нравовъ и пороки, свидѣтельницаю чего не цѣлесообразно дѣлать женщину. Въ этомъ частномъ вопросѣ, по моему мнѣнію, отразился господствующій въ Германіи взглядъ на женщину. У насъ, напротивъ, женская благо-

творительная дѣятельность встрѣчаетъ общее сочувствіе, и представляя благодарное поле для проявленія всѣхъ положительныхъ сторонъ женской природы даетъ удивительно плодотворные результаты. Такой авторитетъ какъ Л. фонъ Штейнъ, корифей административной науки, пишетъ по этому поводу: „мужчина разрабатываетъ соціальные вопросы въ теоріи, женщина рѣшаетъ ихъ на практикѣ; мужчина вѣритъ въ свой умъ, женщина чутко прислушивается къ голосу своего сердца, и эта тихая, безшумная работа женскаго сердца часто одерживаетъ побѣду тамъ, гдѣ мужской умъ чувствуетъ свое безсиліе“.

Въ заключеніе припомнимъ и слова великаго мыслителя, творца позитивной философіи, Огюста Конта. Въ его „Позитивномъ Катехизисѣ“ мы находимъ слѣдующія строки: „женщина какъ послѣднее слово изящнаго въ физическомъ и нравственномъ смыслѣ, воплощающая въ себѣ нѣжныя, альтруистическія чувства, преимущественно склонна близко принимать несчастія ближняго и дѣлаться отзывчивой ко всему доброму, истинно человѣческому.“



Проф. А. С. Павловъ.